

СЛОВО. Том XII.

Тетралогия: **Петр Первый**

Как и где теперь сыскать правду о некоем «дивном гении», якобы с нуля отстроившем для потомков государство Российское, отделив ложь и вымысел, тем самым написав истинный портрет столь возвеличенного «державного исполина»?

Почти все сочинения о Петре сконструированы как под копирку: на 25–30 строк, восхваляющих его, приходится одна строка, как бы укоряющая великого человека в некоторых мелких погрешностях, несколько неприятных, но якобы, не столь серьезных, чтобы на них заострять внимание. Затем вновь идут восхваления неких свершений и реформ, которыми-де единственно мы и были Петром оторваны от каменного кайла и обглаживания костей мамонта. Причем, если некие заслуги «чудесного гения» повторяются и переповторяются у сотен авторов, то реплики, укоряющие его, цензурой вообще не пропускаются. А вот творимые им беззакония, по какой-то странной причине, что дореволюционными историками, что послереволюционными их дел продолжателями, куда-то оттеснены и вообще на дальний план. Мало того, «задрапированы» всевозможными им якобы изудуманными новшествами, чем-то-де полезными, мол, для государственного организма России.

Но исключительно эти затертые пропагандой подробности царствования Петра и вынуты нами из полу-забвения. Причем, использованы при этом материалы вовсе не противников Петра — таковых не только в нашей, отечественной, но и в мировой-то литературе, как это ни странно, в наличии почему-то не существовало никогда, но авторов, исключительно благоприятствующих Петру, поименованному его пиарщиками Великим: Карамзина, Костомарова, Алексея Толстого, Соловьева, Ключевского, Устрялова, Мережковского, Валишевского, Корба, Гвариента, Фокирода (Германна), Вильбоа, Вокердота, Лувиска, Бергмана, Пелльница (Барона Карла-Луи), Геррье, Бюрнета, Ливулля, Бергольца и др.

И все их действительные свидетельства, изъятые из-под ретуши дани этикета каждого своих лет, сообщают слишком нелицеприятные данные о царствовании царя-антихриста, при котором было умерщвлено 50% мужского населения страны!!! И это при том, что Великая Отечественная война, чья жестокость нам всем более чем известна, по потерям среди солдат с нашей стороны, унесла не более 8% мужского населения... То есть деяния антихриста Петра своим разором для России обернулись в 6 (шесть!!!) Отечественных войн!!!

Но историки умудрились нам его эпоху так ласковенько разукрасить, превратив этого палача в «Дивного Гения», эдакого колосса — гиганта мысли. В худшем случае, всего лишь в ерника Петрушку, невесть каких делов пытающегося наваять, укрыв от нас страшную правду о том геноциде, которому подвергся в его «славных дел» эпоху русский человек — природный житель Русской Земли. Но все это, что нами теперь выяснено — ложь. Правда же о той эпохе до того мрачна, что и не поддается какому-либо описанию.

Но мы попытались: что вышло — судить читателю...

Реки вспять

И все-таки — подкидыш

Так что даже на боцмана Петр своими врожденными качествами, свойственными настоящим его родителям, не тянул — только, в лучшем случае, на его помощника. Да и то — исключительно *на голландском* судне. На английское такого просто не возьмут. И Сен-Симон, поведавший нам об очистке кареты, все же не успел сообщить в подробностях об очистке от блевотины самого Петра. Но такое для нашего «Преобразователя», судя по тому, что он был алкоголиком, было делом обыденным. И история пребывания его в Дептфорде, любезно поведанная нам Ключевским, еще раз подтверждает, что Петр своею кровью никак не мог даже и близко быть природным сыном убиваемой им России! Целых три месяца жить в помоях, испражнениях и блевотине не смог бы ни один принц крови ни одного сколько-нибудь пускай и захудалого герцогства. Это и еще раз говорит о полной невозможности кровного родства Петра с царствующей династией.

Ну, во-первых:

«...лютая ненависть к старинным родам. Откуда?! Как может царь, первый дворянин в государстве, буквально исходить ненавистью к аристократии?!» [14, с. 42].

Действительно непонятно: его ближайшими соратниками становятся либо иностранцы, либо совершенно безродное отребье, причем, с перекошенной половой ориентацией, типа Меншикова.

Вот еще деталь его явной врожденной безродности. Петр:

«...не умел сам красиво сесть или принять от слуги тарелку; не умел пользоваться салфеткой, ножом и вилкой» [14, с. 43].

В 1697 году, отправляясь в первое свое турне по Европе, Петр посетил в местечке Коппенбург курфюрстину бранденбургскую Софью Шарлотту и ее мать Софию — курфюрстину ганноверскую. Странную запись оставила Софья Шарлота о том его посещении. С одной стороны, он вел себя на удивление стеснительно:

«...все закрывал лицо руками и бормотал: “Я не могу говорить...”» [14, с. 44].

Но, с другой стороны, немецкой принцессе:

«...понравилась его естественность и непринужденность» (там же).

Что бы это могло быть: с одной стороны *стеснительность*, а с другой некая такая непомерная «естественность» за столом, что даже немку удивила?

А все очень просто. Ведь в Германии, как было подробно рассмотрено выше, принято не стесняться избытками газов в желудке. То есть пускать «гулек», причем с особым шиком — даже за столом. Вот Петр приятно и удивил принцессу своей несомненной причастностью к европейской культуре, громогласно испортив воздух перед самым носом особ королевских фамилий, более чем сведущих в утонченности этикета блистательных дворов центральноевропейских государств, считающихся на тот день среди всех иных наиболее передовыми. Причем, даже и глазом при этом не моргнув, что ее так приятно и удивило: знать приучен «московский медведь» всем тонкостям их западного великосветского этикета.

Но здесь нет никакой особо раскрытой нами тайны. Ведь давно прекрасно всем известно, что Петр:

«...пукал за столом...» [14, с. 45].

Поступок, до которого у нас, на Руси, не унился бы никогда в жизни: не то что боярин или дворянин, но самый последний забулдыга, с тяжелого похмелья выбравшийся из какой-нибудь придорожной канавы или подворотни.

Не сделал бы этого прилюдно на улице. Здесь же, что видно наиболее отчетливо, — за столом! Мало того, в присутствии коронованных особ...

Да и вообще:

«Он не стеснялся никакими приличиями» [375, с. 62].

Какое вообще отношение имеет этот папуасец не только к царской древней фамилии, но и вообще к народу, уровень культуры которого отдален от его собственного на совершенно недостижимое расстояние? Мог ли он быть настоящим сыном русского народа, руководить которым его поставила тайная секта, силуэты которой мы столь пристально пытаемся разглядеть?

Вот еще различие:

«Современников, потом историков поражала прожорливость царя. Если Алексей Михайлович в еде был крайне умерен, а за едой — аккуратен, то Петр был чудовищно прожорлив и не сдержан в еде» [14, с. 61].

«Точно также для Петра не было правил поведения и в еще более деликатной сфере жизни... если его отец и старший брат всегда держали себя в рамках приличий, то Петр не последовал их примеру.

Неумение удерживаться, стремление овладеть буквально всякой женщиной... привело к закономерному итогу: известно более 100 бастардов Петра» [14, с. 61–62].

А ведь этот порок наитеснейшим образом связан и с иным его пороком: «...повышенная сексуальность — это в принципе родовая мета педерастов»¹» [14, с. 62].

«О педерастии Петра говорили совершенно открыто еще при его жизни. Ученые же мужи, если и ведут споры, то исключительно о том, кто приохотил к педерастии Петра — Франц Лефорт или Александр Данилович Меншиков?» [14, с. 62].

Так что не только сыном народа, не знакомого с грехом Содомы, но и сыном своего мнимого отца, а также братом своих якобы братьев и якобы сестер, Петр быть ну ни по каким признакам никак не мог.

Причем, интересный момент, даже имя его, Петр, похоже, не является его именем. Ведь в те еще времена, более недели от означенного имени по святкам, детей не называли. Петр же родился в день Исаакия Долматинского. Именно по этой причине, столь странным образом, в Петербурге и отгрохали огромный почему-то именно Исаакиевский собор:

«Отсюда, в свете всего сказанного, прямо напрашивается мысль, что царя, которого мы знаем под именем Петра, Великого, в действительности звали не Петр, а Исаакий. Иначе зачем было его приемникам называть главный собор государства — Исаакиевским. Гораздо бы логичнее было бы назвать его собором святого Петра.

Может быть, “Петр” — это было его имя “для народа”, а “Исаакий” — имя “для своих”?» [191, с. 76–77].

Мог ли Русский Царь носить имя Исаак?

Да конечно же нет. В нашей стране да еще в те времена такое было просто невозможно.

Так что и с этой стороны, то есть тайной своего настоящего имени, он как-то более близок к племени Содомы. Ведь именно в среде адептов иудаизма, религиозного наследия древней религии Ханаана, и принято всегда было присваивать потомству подобные имена. Потому и чисто телесно Петр столь близок был к облику представителей данной расставившей по всему миру сети секты. Мало того, еще к древним ее представителям — не перемешанным с белым населением своих завоевателей — Израилевых племен.

Но и чисто наследственные родовые различия этих явно вымышленных отца и сына ставят их друг от друга на более чем почтительное расстояние:

«Все Романовы, начиная с первого царя Михаила и его отца Филарета, были, грубо говоря, маленькие и толстые. Дети Алексея Михайловича от Милославской тоже росли типичными Романовыми — маленькими, упитанными, психологически стабильными, добродушными» [14, с. 83].

Вот как, конкретно, выглядел Алексей Михайлович:

«Царь Алексей Михайлович — росту среднего, имеет лицо полное, несколько красноватое, тело довольно тучное... глаза голубые...

---

¹ Клейн Л.С. Другая любовь. М., 2000. С. 207.

Нрав его истинно царский: он всегда важен, великодушен, милостив, благочестив...» [377, с. 3].

Может, Петр пошел в маму?

«Но и Нарышкины не были ни рослыми, ни особо сильными.

Так в кого же тогда пошел тяжелый невротик Петр — ростом 2 метра 9 сантиметров, который мог свернуть в трубку серебряную тарелку или перерезать острым ножом кусок сукна на лету?» [14, с. 84].

Как это ни покажется странным, но в Лжедмитрия I:

«А еще царь и пан воевода ездили из Москвы на охоту. Там среди других зверей выпустили также медведя, которого, когда никто не смел первым с ним биться, сам царь, бросившись, убил с одного удара рогатиной, так что даже рукоятка сломалась. И саблю отсек ему голову» [468, с. 44–45].

То есть и силищей какой-то просто животной Петра следовало бы отнести родословной не к Романовым, а к Лжедмитрию I.

Но и врожденным заболеванием головного мозга этот Лжедмитрий III не слишком-то на своих мнимых родственниках и походил:

«Интересно, что вообще-то в семье Романовых до Петра никогда не было людей “с отклонениями”... как говорят в народе, “с приветом”» [14, с. 84].

Но и лица их ничем и приблизительно не схожи. Все мы прекрасно знаем, что как бы ребенок ни был не похож на своих родителей, но хоть что-нибудь едва уловимое все-таки обязано проследиваться во взаимной схожести родителей и их детей. Здесь же не проследивается никакой и самой малейшей тени сходства.

Однако же ничего родственного нет не только из-за полного отсутствия схожести этих совершенно разных лиц и совершенно разных размеров тела, но даже какой-либо хоть просто элементарной схожести их *национальностей!*

И даже не просто национальностей, но *рас!!!*

Потому как:

1. Волосы у якобы отца светлые и прямые, у якобы сына — кучерявые от самых корней (негроидные) и черные как смоль (!!!).

2. Борода у якобы отца светлая и густая, у якобы сына — она, словно у мулата, до того жидка и неприглядна (потому он ее и сбрил), что можно о ней сказать, что по существу отсутствует вовсе (!).

3. Глаза у якобы отца светлые и нормальные — чисто русские, у якобы сына — черные и навывкате — чисто хананейские (!).

4. Цвет кожи у якобы отца белый, как и у всех русских людей, у якобы сына — черный, какой и положено иметь потомству Хама, некогда заселившему африканский континент, долину Сеннаар и Палестину.

5. Губы у якобы отца тонкие и правильные, у якобы сына — толстые с отвисшей, словно у бульдога, нижней губой, что обличает в нем сына хамитических родителей.

6. Широкие прямые плечи у якобы отца и покатые, практически отсутствующие, у якобы сына. (Жителям местечек, адептам ортодоксального иудаизма, запрещалось трудиться физически. Разрешались лишь виды нетрудовой, иждивенческой деятельности: перепродажа результатов чужого труда, контрабанда, мошенничество, шинкарство, ростовщичество и т.д.).

7. Стройная русская осанка якобы отца и ярко выраженная сутулость, близкая к горбатости, у якобы сына, лежащая в основе генетического отличия наследников проклятого Ноем потомства Ханаана, коренного населения Палестины.

Так что, лишь описывая внешность Петра, можно заключить его явную кровную близость скорее к туземным жителям древнего Ханаана, чем к самому аристократическому роду той местности, в которой он был объявлен наследником на царствование.

Но имеется и множество иных признаков полного отсутствия в жилах Петра крови народа, в среде которого, судя по официальной версии его появления на свет, проживали давшие ему жизнь родители. Список легко пополнить, сравнивая образ жизни Алексея Михайловича и Петра.

8. Свойственную русскому человеку привычку вставать на молитву в четыре утра у якобы отца, который первый раз пищу принимал лишь к двенадцати, и чисто врожденную привычку завтракать в половине шестого у якобы сына.

9. Проводимые двухсуточные сухие голодовки во время строгого поста якобы отцом и полная не только к ним, но и вообще к постам генетическая неприспособленность у якобы сына.

10. Царственная привычка вести себя достойно своего титула, свойственная отцу, и повышенная и всеми подмеченная, не встречаемая среди русских людей любых сословий, явно ущербная и свойственная лишь людям подлого звания, то есть все тем же заклеянным проклятьем и отданным в рабы Симу детям Ханаана, заносчивость и самообожествление:

«...проклят Ханаан; раб рабов он будет у братьев своих» [Быт 9, 25].

Только по этим поверхностным признакам можно с уверенностью заключить: эти два человека не просто принадлежат к разным фамилиям, но к разным народам, имеющим совершенно различный менталитет. Мало того, они принадлежат к разным *расам*!!!

Если якобы сын к одиннадцати годам еще ни читать, ни писать не умел, только ворочая при этом на пытающихся ему что-то втолковать учителей свои бессмысленные и ничего не понимающие глаза, то Алексей Михайлович, якобы отец этого или инородца, или дебила, имел умственные способности, диаметрально противоположные Петру:

«...на шестом году его посадили за букварь... Через год перешли от азбуки к чтению часовника, месяцев через пять к Псалтирю, еще через три принялись изучать деяния апостолов... на девятом году певчий дьяк, т.е. регент дворцового хора, начал разучивать Охтой (Октоих), нотную богослужебную книгу... — и лет десяти царевич был готов, прошел весь курс древнерусского гимназического образования... он до мельчайших подробностей изучил чин церковного богослужения, в чем мог поспорить с любым монастырским и даже соборным уставщиком» [49, с. 376].

Так что якобы отец к десяти годам не просто получил образование, но являлся примером в необычайно быстром постижении наук. А якобы сын, хоть и начал пытаться постигать эту ему совершенно несвойственную премудрость с пяти лет, но, как тут же выяснилось, — не впрок:

«в одиннадцать не умел еще ни читать, ни писать» [16, с. 31].

Между тем и по сию пору за границами нашего государства:

«Воспитание детей начинается со сравнительно позднего возраста» [72, с. 54].

Мало того, даже их самой популярной организацией, ЮНЕСКО, сегодня (2010 г.) отмечено, что в области постижения малыми детьми чтения, письма и арифметики наши дети, даже на сегодняшний самый не лучший в нашей истории день, общепризнанные лидеры. Что, совершенно ошибочно, ставят в заслугу системе нашего образования, пока еще не умершего полностью каким-то просто удивительным чудом: учителям платят меньше всех в стране, а они до сих пор почему-то еще не все разбежались. Потому, что сейчас просматривается просто «за версту», совершенно ясно, что не в системе образования здесь дело, но в генетическом потенциале русского человека, так до сих пор и не подлежащем окончательному угроблению. Тому «виной» наша слишком далеко отстоящая от инородца возможность к постижению азов своей Великой культуры. Здесь совершенно четко указывается на непреодолимый барьер генной инженерии нашей культуры, от инженерии заграницы.

А так как нам известна прописная истина: «по плодам их узнаете их», то и становится совершенно очевидно, что к *плоду* царя Алексея Петр, вследствие нами обнаруженных слишком явных несоответствий, ни каким боком и близко не мог подходить.

В XVIII веке, именно в то самое время, когда реформы Петра довели попуайничество за границе уже до самых высших перегибов:

«Особенно скверно было положение науки. Немецкие университеты владели жалкое существование» [75, с. 151].

Западная Европа билась в агонии суеверий: алхимических опытов, каббалы и чернокнижия:

«...в Германии им придавали наукообразную форму. Выходили книги по магии, астрологии, о колдовстве и ведьмах» [75, с. 151].

Здесь любопытно отметить элементы западной учебы, чье столь хваленое великолепие нам давно все уши пробуравило. На самом же деле мы очень легко находим ответ на вопрос: чьих родителей мог быть этот совершенно не поддающийся обучению грамоте мальчик с замедленным темпом умственного развития, имеющий негритянскую внешность.

И в этом нам поможет оценка традиционного западного обучения наукам будущего руководителя иллюминатов — Адама Вейсгаупта (1748–1830):

«Лишь один день в неделю отводился занятиям, да и те заключались в бессмысленной зубрежке учебников без всяких пояснений. На экзаменах... приказывали читать молитву Господню наоборот, т.е. от конца к началу, спрашивали сколько раз повторяются предлоги и союзы в отдельных членах молитвы и т.д. Задачи эти давались до тех пор, покамест из массы испытуемых оставался один... Обучение в гимназии длилось до 15 лет. Оттуда юный Вейсгаупт поступил в университет, где господствовала та же схоластика...» [5, с. 113].

Так что вопиющий примитивизм за границы, далеко обогнавший годы кипучей деятельности нашего Петра, ей столь упрямого подражателя, нам теперь доказывают и сами масоны. И доказывает это полное от нас отставание за границы, между прочим, не кто-нибудь, но сам основатель самого тайного течения этой тайной подземной реки!

Такой менталитет человека Запада нам теперь вполне объясняет полную природу подкидышности «преобразователя», свалившегося нам на голову, судя по всему, именно оттуда.

Однако в том же масонском издании, где после статьи об иллюминатах А.М. Васютинского другой масон, А.В. Семека, восхваляет теперь наших доморожденных служителей культа Бафомета, читаем:

«Начатки европейского просвещения, внесенные в русскую жизнь гением Петра Великого, должны были, конечно, нарушить цельность прежнего патриархального уклада духовной жизни Московской Руси...» [5, с. 130].

Да уж, оно и понятно: если, следуя моде за границы, уменьшить количество занятий до одного в неделю, заменить наше отечественное обучение тупой зубрежкой и западного образца схоластикой, то тут уж цельность уклада действительно никак не сможет не нарушиться. И постигающий к пяти годам азы грамотности мальчик с течением времени вырождается в недоросля, лишь к десяти годам способного научиться кое-как читать по слогам, и чье обучение, следуя высказываниям на эту тему Адама Вейсгаупта, только в гимназии будет продолжаться сроком в пятнадцать лет. И лишь затем можно будет великовозрастному детинушке продолжить свое обучение в высшем учебном заведении, где схоластика довершит формирование такого «тормозного» мутанта, от которого возродится вырожденческая популяция тех самых даунов, которыми столь хотелось бы Петру заменить людей, непростительно наиболее умных на планете. И здесь нет ничего удивительного: ведь они так разительно отличаются наличием серого вещества в голове от своего царствующего цыгано-негритянской наружности (да и внутренности) сюзерена.

Вот маленький пример непонимания иностранцами своей просто вопиющей ущербности. Той простой истины, что Россия, не имея высших учебных заведений, была на несколько столетий в вопросе грамотности населения впереди той же старушечки Англии, приславшей туда, по просьбе Петра, своих учителей, возмущается, например, капитан Перри, присланный королем Англии в помощь Петру специалист по строительству кораблей, каналов и шлюзов:

«...им [русским А.М.] не известно было употребление цифр (кажется во всей стране не было и 20 человек, имевших об этом понятие). Они употребляли способ собственного их изобретения, а именно: особого рода бусы, нанизанные на проволоку, расположенную рядами в рамке... Эти ряды проволок с нанизанными на них бусами, изображают единицы, десятки, сотни, тысячи... передвигая бусы взад и вперед, они помножают и делят любую сумму...» [329, с. 137].

То есть предназначения счетов, которые у нас в стране, и исключительно только благодаря появлению калькуляторов, исчезают лишь в последние десятилетия XX века, англичане не знали и не хотели знать. То есть, живя в каменном веке и являясь представителями каменного века, не могли понять — для чего русский человек изобретал: велосипед и паровоз, самолет и телевизор (см.: [222]). Именно к такому роду изобретений и относится самое наше, что выясняется, древнейшее приспособление для произведения арифметических вычислений — счеты. Ведь именно им, самому еще зачатку нашей общерусской математической способности, мы и обязаны всем тем многочисленным нашим изобретениям², которыми уже сегодня, наплевав на самих изобретателей и распрекрасно присвоив их себе, пользуется респектабельная заграница.

Так что тупость представителей заграницы, как времен Петра, так и времен Вейсгаупта, постоянно чему-то обучающейся, десятилетиями, и ничего путем не знающей, и действительно поражает. Мы же, что выясняется, не только уже к XI веку были стопроцентно грамотной нацией. То есть не только чтение было доступно вообще всем людям Русской Земли. Им была доступна и древнейшая вычислительная техника. Пусть не слишком и мудреная, но прослужившая русскому человеку вплоть до 90-х гг. самого считающегося цивилизаторским XX-го века.

Ан нет, заграница этому нашему как сообщает Перри личному доморощенному изобретению, из гордости понятно, предпочитала складывать числа на пальцах — так им удобней. Что ж, каждому свое. Потому кто-то уже на ракете в космос летит, а кто-то чуть ли ни в то же самое время печется об установке нужников для каждой отдельно взятой хуторской семьи: каждый сверчок — знай свой шесток.

И хоть начиналась мировая история, понятно дело, сверх всего представляющая собой и историю изобретений, исключительно с достижений Русской цивилизации, как единственной, умеющей соображать имеющейся в наличии лишь у нее головой, и на сегодняшний день в этом вопросе ничего не изменилось. Ведь в интеллектуальных видах спорта наши юниоры, что и укрепляет все вышесказанное просто железными аргументами, общепризнанные извечные победители всех и вся — на любом уровне. Такое явление всегда казалось достаточно странным. Однако ж странного здесь ничего нет: наши дети в интеллектуальном плане просто на порядок быстрее развиваются, чем это происходит с детьми за нашими границами даже в Европе. Ну, а про страны южные, к которым, судя по вышеизложенному, и имел свое прямое отношение разбираемый нами юноша Петр, тут и упоминать излишне: они всегда могли похвастаться лишь одним — чрезмерно ранним половым развитием.

А еще столь отличная от русского человека у этого якобы сына:

11) изобличающая в нем исконно сухопутного хананея паническая боязнь воды;

12) нелюбовь к рыбе, которой русский человек питается почти двести дней в году (и которую хананеи в рот не берут);

---

² а главные мировые изобретения они вообще все наши — см.: [222].

13) практически врожденный алкоголизм, по тем временам встречающийся лишь на Западе;

14) неимение привычки спать днем, связанной с традицией многих поколений русских людей ежедневно вставать в четыре утра на молитву;

15) врожденное желание постоянно питаться мясом, что образу жизни русского человека не соответствует;

16) не свойственное в нашей среде явно запоздалое взросление (замедленное умственное развитие);

17) не встречаемая даже у наших простолюдинов полная неспособность к грамотности и арифметике;

18) непочитание столь по тем временам незыблемых законов русской старины;

19) сидящая в крови тяга ко всему иностранному, среди русских людей в ту пору не встречаемая;

20) менталитет, полностью противоположный русскому, чисто на генетическом уровне;

21) не свойственное русскому человеку полное непонимание Православия;

22) не встречаемая у русского человека звериная жестокость, трусость, непомерная похотливость и т.д. и т.п.;

И вот еще что слишком явно указывает на полную невозможность Петра следовать образу жизни Древней Руси:

23) тяга к половым извращениям, избличающая в нем принадлежность к нации, некогда проживавшей в городах Содом и Гоморра:

«Среди евреев половых извращенцев в 6 раз больше, чем среди других народов, причем такая половая ориентация передается потомству» [212, с. 47].

Причем, скотоложство у них узаконено. Вот что сообщает о причине запрета на питание свининой еврейский автор Ж. Валенсен:

«евреи предавались скотоложству чаще всего со свиньями» [213, с. 110].

Может, чувствуют что-то родственное? Ведь именно это животное наиболее близко своими генами к человеку вообще, ну а уж к хананею в частности, продукту вавилонской мутации, — и подавно.

24) врожденная паранойя, которая лишь одна, по мнению Григория Климова, на девяносто девять процентов относит принадлежность обладателя этого недуга все к тому же вышеопределенному народу земли:

«Евреи болеют такими наследственными болезнями, которые практически неизвестны у других народов. Так, среди больных семейной дизавтономией Рейли-Дея и эссенциальной пентозурией (тяжелыми нервно-психическими заболеваниями) евреи составляют 99%, и более 90% — больные инфантильной амвротической идиотией, дефектом фактора РГА (XI), губчатой дегенерацией мозга Ван-Богарт-Бертранда. Известно еще множество нервных заболеваний, где доля евреев среди больных составляет 80% и более».

«...”сумасшествие”. Именно эта болезнь с глубокой древности так характерна для евреев (см. Еврейскую энциклопедию). Они сами по этому поводу шутят так: по крайней мере, есть с чего сходить» [17, с. 69].

И связаны эти проблемы, судя по всему, с каббалой:

«Если бесконечно читать один и тот же текст, происходит вначале утрата его смысла, а затем начинаются галлюцинации... а с ними приходит словесно невыразимое ощущение полного знания всего» (там же).

А потому:

«...русская идиома *бред сивой кобылы* это не о кобыле, а о каббале...» (там же).

А *сивый* — значит седой. То есть, дословно, это выражение должно пониматься как: *бред древней каббалы*.

И вот, в плане вышеизложенного, при расшифровке имени главного каббалистического демона выходим на определение наименования вероисповедания древней страны Ханаан:

«Азазель — это козлоподобный демон, которому древние евреи приносили в жертву козла отпущения, предварительно навесив на него свои грехи... В Египте, где евреи жили столетиями, звук каф (по-еврейски коф) не произносится. Значит этот местный произносительный дефект надо поправить восстановлением утраченного звука. Получится Казазель» [17, с. 70].

На арабском наречии:

«...интересующее нас слово представляет собой форму множественного числа формулы рода занятий. Ее единственное число — *казаль*. Понятно, что это производное от русского слова *козел*. Значит, Азазель переводится как “козлятник”. Как тут не вспомнить бессмертные слова одного из героев Шолома Алейхема: “каждый еврей должен иметь козу”» [17, с. 70].

И вот в чем заключается смысл вышеприведенной фразы:

«”И возложит Агарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедует над ним во всех провинностях сынов Израиля, и во всех преступлениях их, и во всех грехах их, и возложит их на голову козла, и отошлет их с нарочным в пустыню. И понесет на себе козел все провинности их в страну обрывов” [Ваикра 16, 21–22]» [20, с. 63].

Вот для чего, как выясняется, требуется каждому еврею иметь своего козла, жертва которого столь увязана с каббалистическим демоном Азазелем. И чтобы расшифровать нами отыскиваемый культ, столь удивительно серьезно влияющий на психическое состояние своих адептов, необходимо расшифровать:

«...заключительную песенку еврейских пасхальных обрядов под названием “козленочек”» [17, с. 70].

Ведь это безобидное наименование жертвенного животного:

«...в переводе на арабский звучит так: *жидй*» [17, с. 70].

И здесь какие-либо комментарии не требуются.

Так что все расшифровано и расставлено по своим законным местам:

«Никаких тайн больше нет — ни еврейских, ни китайских и никаких других. Так что, товарищи евреи... бросайте свою каббалу...» [17, с. 70].

И хоть пропадет ощущение *полного знания всего*, но ведь в той же пропорции уменьшится и доля риска подвергнуться жесточайшему заболеванию головного мозга...

Далее:

25) некрофилия совместно с указанной Валишевским отметиной на лице (этим лишь только пунктом, как считает все тот же Климов, можно определить на те же девяносто девять процентов принадлежность к любителям каббалы);

26) знание масонской тайнописи русскими рунами обличает наличие у Петра масонского градуса посвящения выше тридцать третьего, куда допускаются лица лишь той зашпигованной народности, к которой принадлежал Петр:

«“Температуру” выше тридцать третьей отметки (верхний градус в шотландском масонстве) “простому человеку” и не выдержать. Ее выносит только *проклятая кровь* тех жестоковейных, чьи предки кричали: “Кровь Его на нас и на детях наших...”» [19, с. 40–41].

Ну а так как мы знаем, что на Голгофе Христа распяли *жиды*, то знаем теперь наименование и той касты жрецов, столь на сегодняшний день засекреченной, которую масоны допускают до «тайнств» выше тридцати трех градусов посвящения.

Такова кастовая принадлежность и поставленного масонами на трон Петра, которым подменили в люльке (по слухам) якобы родившуюся у молодой царицы девочку.

Так что версия о подмене в люльке ребенка Алексея имеет под собой немало оснований.

Между тем имеются свидетельства, когда при аналогичных обстоятельствах на силу проклятой крови носителей этих тайных доктрин возлагались вовсе небезосновательные надежды:

«Еще Бостунич писал об иудейской секте сигаритов... Члены секты стремились каждого первенца крестить и отдать на воспитание гоям, прилагая при этом все заботы, чтобы он обязательно сделался христианским священником. Они были убеждены, что его кровь скажется в пользу кагала. “Кровь” и “сокровенное” от одного корня» [19, с. 425].

Для аналогичных же целей и был подброшен Петр. Но его задачей являлось не просто внедрение в тело Православия рядового лжесвященника-выкреста, но увод в сторону от предназначенной ему дороги единственного на земле Православного Царства. А потому столь казалось бы странным образом он всеми своими и внешними, и внутренними отличиями настолько не схож с человеком русским, насколько поразительнейше схож с племенем, представляющим собой чернокожее туземное население Ханаана. Эти отличия просматриваются и теперь, когда чрезмерная чернота негритянских тел хананеев несколько посветлела от смеси с племенем господ — белокожих иудеев, потомков Сима, ухищренных в жидовстве: евангельских книжников и фарисеев.

А вот с каким трепетным вниманием он расписывает свои законы относительно подкидышей (видать, догадывался о тайне своего собственного происхождения):

«...велено было устроить... дома для приема незаконнорожденных детей... Для ухода за младенцами следовало приискать искусных женщин и давать им по три рубля... Было предоставлено матерям приносить младенцев в приюты для незаконнорожденных тайно и класть через закрытое окно» [51, с. 678].

Это очень напоминает стремление к созданию приютов большевиками. Но у Петра к тому же подчеркиваются особые льготы именно для незаконнорожденных, обличая причастность к этой группе народонаселения и его самого.

Перечисленные двадцать шесть пунктов обнаруживаются и во всем ином:

«...все свидетельства единогласно указывают на его гримасы, нервные подергивания, постоянное дрожание головы, сгорбленную спину... и на жесткое выражение глаз. Еще во время дуумвирата новгородский архиепископ Яновский, допущенный поцеловать руку у обоих царей, смело подойдя к старшему из монархов, вдруг встретился со взглядом второго: он почувствовал, что ноги его подгибаются; с тех пор ему постоянно казалось, что он получит смерть от руки, которой едва коснулись его похолодевшие губы.

“Известно, — говорит Стэлин (Staellin), — что этот монарх *с юных лет* до могилы был подвержен частым и коротким припадкам мозговых судорог; эти конвульсии повергали его на некоторое время в состояние такой ярости, что он не в силах был выносить присутствие самых лучших своих друзей. Предвестниками припадков являлась сильная судорога шейных мышц и сокращение мускулов лица”» [16, с. 103–104].

При этом:

«...затрагивалась и левая рука — она переставала слушаться и произвольно дергалась...» [14, с. 45].

А еще:

«...он часто моргает глазами...» [334, с. 13].

Все это было отмечено у Петра еще с самого юного возраста:

«...мальчик порой вел себя, выражаясь мягко, странновато — например, совершенно не мог высидеть спокойно ни минуты... “Нехватка фиксации внимания” у детей старше 2–3 лет у психиатров рассматривается как симптом довольно серьезного невроза, среди всего прочего, препятствующего обучению и воспитанию ребенка... Что и имело место быть.

В четыре, пять, семь лет Петр уже очень любил что-то разбить, сломать, бросить на землю. Обожал, например, бить посуду, и если не позволяли — истерически бился, визжал, колотился об землю и об руки державших его людей.

Еще один симптом — невротические движения головой, когда царевич от возбуждения или испуга... дергал всеми лицевыми мышцами, не мог удержать дрожь в руках.

...Говоря о невероятной работоспособности Петра, часто забывают уточнить: никто никогда не видел его читающим серьезную книгу (даже по его любимому морскому делу)

или пытающимся вникнуть в тонкости юриспруденции, богословия или литературы. Все сколько-нибудь сложное не привлекало его внимания, и времени и сил на это он не тратил...

Сама неспособность сосредоточиться ни на чем определенном, поверхностность, неудержимость сами по себе могут послужить материалом для диагноза. Ведь на свете нет людей принципиально необучаемых. Нет и не может быть на свете психически нормального мальчика, которого невозможно обучить ни правильному письму, ни социально приемлемому поведению. Тут сам факт необучаемости говорит о серьезных психических отклонениях» [14, с. 51–53].

Это подтверждение того, что Петр имел чисто врожденную болезнь головного мозга, а никак не якобы впоследствии приобретенную, чем принято прикрывать тайну его принадлежности все к тому же племени, народ которого чаще всех иных подвержен данному недугу. И если присовокупить сюда же и его гомосексуальные наклонности, то Григорий Климов определит принадлежность Петра к потомкам Содомы и Гоморры практически на все сто процентов!!!

А такое пойдет уже под пунктиком за № 27.

И это все вычисляется отнюдь не для злорадных восклицаний: вот, мол, *крутом* сплошные *они*. Мы ведь все больше антихриста вычисляем, чьему рангу и соответствовал Петр, как теперь выясняется, на все сто процентов.

«Со времен Христа насчитывают у *евреев* таких ложных мессий более 60, а последний из них будет антихрист, которого евреи также примут за своего Мессию» [1, с. 181].

То есть Петра называли антихристом совершенно справедливо — тому были очевидные причины. И его принадлежность к нации содомитов теперь лишь подчеркивает правильность избранного нами пути.

А врожденную паранойю, с детства наблюдаемую у Петра, приходилось испытывать на себе не только подвластными ему людьми, но и представителям правящих династий:

«В 1718 году, сидя за столом в обществе королевы прусской Софьи-Шарлотты, Петр вдруг начал размахивать рукой, в которой держал нож. Софья-Шарлотта испугалась и хотела встать. Он схватил ее за руку с такой силой, что она вскрикнула. Царь пожал плечами и довольно громко сказал:

“У Катерины не такие нежные кости!”³» [16, с. 104].

То есть этот психически ненормальный человек был опасен не только своим подданным. Что и проявлялось практически везде, где он ни появлялся.

Почему Петр так легко преступил закон своего государства, когда впервые за всю историю России законная супруга монарха, принеся ему наследника, была насильно заточена в монастырь? Нормальный русский человек после такого поступка (если при этом сам не станет монахом) может видеть свою душу после смерти достойно только вечного мучения в аду! Потому как в 3-м правиле св. Василия Великого, под пунктом 77, значится:

«Оставивший жену, законно с ним сочетавшуюся, и взявший другую, по изречению Господню, подлежит вине прелюбодеяния» [163, с. 342].

Вот это изречение:

«...кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует...» [Мф 19, 9].

Вот что говорит об этом Богословский энциклопедический словарь:

«*Двоебрачие* — вступление во второй брак при существовании первого, — *преступление уголовное*, влекущее за собою строгое гражданское и церковное наказание» [95, с. 713–714].

---

³ Мемуары маркграфа Байретского, т. I, с. 43.

Петр же, заточивший в монастырь принесшую ему наследника супругу, подтвердил тем свой явный отказ от святоотеческого устройства семьи. Тем и привнес в компрометирующую его графу очередной пункт. Уже теперь за № 28.

Именно потому он так и поступил, что, имея гены инородца, мыслил о будущем своей души именно инородно нашим святоотеческим понятиям. А по их теориям получается, что ежели ты сам себя каким-либо образом в желаемый рай определил, то там тебе место давно уже забронировано. Это касается и магометан, которым предписано получение после смерти огромного гарема, и неохристиан в лице католиков и протестантов, которые еще при жизни определяют себя в якобы всем им некогда обещанный рай лишь за то, что они на него согласны.

И такое его следование всем этим разновидностям сект опять же изобличает в нем полностью нерусского человека.

Царица Евдокия была со слишком противоположным Петру менталитетом, а потому столь быстро оказалась отвергнута просыпающимся в нем монстром, который тянул его к поклонению иным богам. Поэтому столь становится понятна фраза Мережковского: «Если был когда-нибудь человек, менее похожий на христианина, то это Петр».

И девки его с самого начала этих пресловутых «славных дел» интересовали именно закордонные — со свободными нравами. И именно в Кукуевой слободе первой любовницей Петра стала бывшая любовница Лефорты — Анна Монс. Нравы же этой девицы были таковы, что когда ее супруг Кайзерлинг стал слишком настойчиво домогаться от Петра сделать уступку по поводу повышения по службе очередного ее родственника, то на обвинение в соблазнении своей пассии Петром Меншиков отреагировал следующими словами:

«Ваша Монс... я обладал ею так же, как и вы, все другие. Отстаньте с нею» [16, с. 254].

Вот что об этом разговоре сообщает сам Кайзерлинг:

«Князь Меншиков вдруг неожиданно выразил свое мнение, что девица Монс действительно подлая, публичная женщина, с которой он сам развратничал столько же, сколько и я» [393, с. 807].

Так что обвинение в адрес Анны Монс, после Петра и Меншикова оказавшейся в любовницах еще и у прусского посла, является вовсе не голословным.

А таковых любовниц у Петра, которыми также обладали и «все другие», было очень немалое количество. Потому и невозможно определить, какие дети, рожденные от его любовниц, были его собственными, а какие Меншиковых, Лефортов и т.д.

Франц Вильбуа, например, сообщает, что вопреки законам нашей страны Петру, с помощью его липовых священников, все-таки удалось:

«...развестись с женой и заключить ее в монастырь... Всеми забытая она провела там много лет. А в это время ее муж предавался своим страстям, безпрестанно меняя любовниц» [319, с. 204].

Вступал же в обладание ими он по-разному: кого покупал, кого упайвал, а кого и просто насиловал. Но ко всем к ним он относился примерно так же, как и к казненной им, столь о себе много нашумевшей леди Гамильтон⁴:

«Когда топор сделал свое дело, царь возвратился, поднял упавшую в грязь окровавленную голову и спокойно начал читать лекцию по анатомии, называя присутствующим все затронутые топором органы и настаивая на рассечении

---

⁴ «Внучка Артамона Матвеева, приемного отца Наталии Нарышкиной, Мария Гамильтон появилась при дворе, подобно другим, и... разделила их участь... Лишенная невинности... была несколько раз беременной, а детей уничтожала» [375, с. 112].

«Почти всем известно... что фрейлина Гамильтон умертвила свое собственное дитя и за то была обезглавлена; но, быть может, менее известно, что Петр I был отцом этого ребенка» [328, с. 73].

позвоночника. Окончив, он прикоснулся губами к побледневшим устам, которые некогда покрывал совсем иными поцелуями, бросил голову Марии...»⁵ [16, с. 260].

Одного лишь вышеприведенного кощунства, где некрофилия этого людоеда показана со всеми деталями, присущими нечеловеческой сущности, не оставляет более никакого сомнения по поводу его принадлежности к религиозной общности, наследующей извращенческие нравы хананейских городов Содома и Гоморры, уничтоженных Богом за их кощунства.

И вот какие сведения имеются о привычках лиц, подверженных данному пороку:

«...они... могут... ввести трубку в мочевой пузырь трупа и выпить остатки уже загнивающей мочи... выпив мочи, возбуждаются...» [70, с. 53].

Между тем и мат — язык бесов (исключительно на нем ведут свои беседы эти нематериализованные сущности) — достаточно однозначно указан в симптомах этого заболевания головного мозга. Лица, подверженные данному недугу, кроме расчленения мертвых тел, садомазохизма и связанной с ним необыкновенной любви к испражнениям, подвержены и попыткам повсеместного внедрения туалетного фольклора:

«...удовольствие некрофилы получают... от искажения языка (матерщина)...» [70, с. 84].

Вот носителями какого заболевания, как оказывается, туалетное наречие черной Африки любимо просто по-особому (нам всегда внушали, что мат является якобы исконно *русским*, но, на поверку, именно на нем даже не ругается, но *разговаривает* чернокожее население нашей планеты)!

Трусость и жестокость

Трусость, которая породила в Петре жестокость, теперь не является для нас столь удивляющей. Именно трусам свойственно неумеренное желание поиздеваться над беззащитными. Каждый трус, оказавшись нежданно победителем, к плененным врагам своим всегда относился исключительно со звериной жестокостью. Потому и пришлось следовать шведам по страшным руинам своей страны, изуродованной Петром, что породило в их душах такое несокрушимое желание отомстить подлым убийцам и насильникам. То есть тем самым мародерам, из которых состояла шайка этих вполне революционных воинствующих безбожников, что и привело к столь поспешному бегству и частичному потоплению в речке бандитского завоевательского воинства, которое было создано исключительно для разграбления чужой страны. А уж никак не для якобы какой-то от кого мифологической защиты страны своей собственной.

Такая нечеловеческая жестокость к беззащитным проявилась в нем давно. Число зверя, заложенное в имени Петра, было оправдано сразу же после того, как в его лапы попались понявшие всю его нечеловеческую сущность стрельцы. И он с присущей исключительно оборотням кровожадностью, с отнюдь не скрываемым звериным восторгом взял на себя роль палача. Что никак не могло ввести в шок и все его окружение, которое прекрасно понимало и свою собственную беззащитность от его безумных действий, когда безмерная кровожадность Петра могла в любой момент перекинуться и на них самих. Нормальный человек вот как должен понимать эти его действия:

«Кто тиранит таракана, отрывая ножку за ножкой, кто станет у живой курицы выщипывать перья — беги его, человек. Он когда-нибудь доберется и до тебя» [91, с. 788].

Так отозвался об адептах религии зверя побывавший на иудейской бойне В.В. Розанов.

Нам слишком мало известно о том, как Петр поступал с тараканами. Но во время стрелецкой казни сидящий в нем зверь искушения не выдержал и полностью раскрыл всю внутреннюю сущность своего античеловеческого содержания.

---

⁵ Голиков, т. VI, с. 68.

Но и вообще все веселья Петра сводились к одному и тому же — доставлять людям боль и страдания. Именно над ними и любил потешаться этот фавн:

«Все его развлечения имели в себе что-то грубое и неприятное. Самые непристойные виды забав нравились ему больше всего, и ничто не приводило его в такое восхищение, как возможность насильно принудить людей сделать или вытерпеть что-нибудь противное их природе. У кого было природное отвращение к вину, маслу, сыру, устрицам и подобным кушаньям, тому при всяком случае набивали рот этими вещами, а кто был раздражителен и всего более корчил рожи при этом, тот наиболее и потешал Петра I» [301, с. 27].

«...он смотрел на всех людей так, как будто они были созданы только для его потехи; поэтому он... находил себе удовольствие в оскорблении других людей...» [301, с. 88].

Вот как характеризует Петра француз де ла Невилль, побывавший в Москве в 1689 г.:

«Петр развлекается, стравливая своих фаворитов; часто они убивают друг друга, боясь не потерять милости. Зимой он приказывает рубить большие проруби во льду и заставляет самых знатных вельмож ездить по нему в санях, где они проваливаются и тонут из-за тонкого нового льда. Он также забавляется, звоня в большой колокол. Его главная страсть смотреть на пожары...» [465, с. 170].

«...дикарь-каннибал... эти шутки ужасны, особенно во время святочных попоек... Таскают людей на канате из проруби в прорубь. Сажают голым задом на лед. Спаивают до смерти. Так, играя с людьми, существо иной породы, фавн или кентавр, калечит их или убивает нечаянно... (Мережковский, 1904)» [46, с. 193].

Вот, например, как он убил одного из своих верноподданных — князя Луку Долгорукова:

«(Умер он) при следующих обстоятельствах. Накануне вечером он был в Преображенской слободе (в гостях) у царя, и там ему предложили выпить большой кубок вина. Но будучи трезвым (от природы) и имея более 70 лет от роду, к тому же женившись всего за 4 дня тому назад, князь решил вылить часть (кубка), чтобы не быть вынужденным выпить его (весь). Узнав о том, царь велел выпить ему стакан водки размером, как уверяют, в полтора пэля. Лишь только (Долгоруков) выпил (этот стакан), ноги у него подкосились, он лишился чувств и в обмороке был вынесен в другую комнату; там он через час и скончался» [293, с. 139].

Сообщает историю, когда ему пришлось даже хвататься за шпагу, чтобы не дать себя, подобно Долгорукову, спить до смерти, и датский посланник Юль. То же, что добавляет здесь переводчик, в 1707 г. случилось и с послом Пруссии Кайзерлингом (см.: дневник Юста Юля [193] от 21 мая 1710 г., прим. 178). И ему также пришлось, дабы остаться в живых, хвататься за шпагу.

Но не все насильно спаиваемые Петром люди являлись послами союзных России государств. А потому каждая попойка, а Петр устраивал их чуть не ежедневно, убивала десятками и сотнями тех людей, которые неприкосновенности послов были лишены.

А между тем, что сообщает в 1676 г. голландец Ян Стрюйс в своем «Путешествии по России», русские замерзших своих пьяных, словно самоубийц, хоронили, во время его пребывания, отдельно от своих соотечественников, умерших нормальной смертью. То есть за оградой русского кладбища — наравне с собаками и иностранцами. Они, судя по обхождению с их телами, своей постыдной смертью уподоблялись самоубийцам:

«Кто же... замерзнет... то над покойником не причитают и с честью не погребают, а относят в Земский Приказ... подобная смерть считается постыдной; а потому, по истечение срока, тело относят за город и вместе с двумя-тремястами замерзших в ту же зиму бросают в большую яму» [300, с. 53].

Вот почему именно данный вид убийства русского человека всем остальным так всегда предпочитал Петр. И здесь, судя лишь по мимолетным свидетельствам датского посланника Юля, количество им убитых людей подобным образом доходить могло до сотни тысяч, а может быть и до миллиона. Ведь одни лишь святочные попойки ежедневно

уносили в могилу сотни упоенных Петром до смерти людей, понятно дело, всеми силами стремившимися уйти от перепоя. Но монарх, заставляя их упиваться сверх сил, был глух и нем к их предсмертным просьбам. А кто из них не умер от насильно влитой в глотку водки сразу, тот замерз после — брошенным в снег.

То есть убивать людей, насильно напоив до смерти, почему, для отрезвления, их и сажали задом в ледяную прорубь, Петру было совсем не страшно. И при всем притом странная эта боязнь тараканов...

Однако ж вот нашлись сведения об отношении Петра и к тараканам:

«Если бы пошутили с ним так, как он шутит с другими — пустили бы ему на голое тело с полдюжины пауков или *тараканов*, — он, пожалуй, умер бы на месте... (Мережковский, 1904)» [46, с. 206].

«...не было ничего проще напугать до полусмерти не вполне вменяемого, невротизированного до предела Петра...» [14, с. 34].

Вот как Петр относился к тараканам: он их *боялся*. Даже такое казалось бы совершенно безобидное существо, если оно не связано, как стрельцы, по рукам и по ногам, наводило на него панический ужас!

Вот еще очередная на него характеристика:

«Садизм Петра, его крайняя развращенность, противоестественные наклонности вполне сочетались с кощунственными обрядами его всепьянейшего “собора”, где “птенцы Петра” предавались самым грязным порокам в духе своего властелина. Царь-палач, наслаждавшийся предсмертными судорогами своих истерзанных жертв, которым он сам ломал руки и ноги, душил и жег...» [161, с. 46].

Но верхом низости поступков этого оборотня стало зверское убийство им своего собственного сына. Аналогичное преступление наши историки умудрились навесить на Ивана Грозного. Но даже и по этой их версии, насквозь лживой, царь якобы совершил это самое убийство все же по нечаянности: в запале гнева. Но эта басня не имеет под собой совершенно никакой почвы. Ни одного исторического свидетельства о таком поступке русского царя, имевшего более чем достаточно врагов, не оставлено. Зато зафиксированы свидетельства об обратном: смерти сына Ивана Грозного от болезни.

Однако действительным сыноубийцей, что запротokolировано и сокрытию не подлежит, является Петр, который своего сына даже не нечаянно, но вполне осознанно *замучил до смерти* в застенках, сооруженных специально для подобных целей.

И эта цель Петром была достигнута: царевич, не выдержав возросшего пыточно-палаческого искусства катов своего отца, все же оклеветал самого себя. И уже после этого, самоклеветанного царевича, что сообщает проф. Зызыкин в своем исследовании о Патриархе Никоне:

«...Петр убил хладнокровно, вынуждая Церковь и государство осудить его за вины, частью выдуманные, частью изображенные искусственно, как самые вероломные» [238, с. 61].

Но даже столь страшное злодеяние, где отец забивает до смерти своего собственного сына, что самое в нами описываемой истории умопомрачительное, — лишь еще версия самих палачей! И даже советские средства по промыванию наших мозгов удивительно однозначно подтверждают осознанность совершенного царем-антихристом злодеяния. Вот за какие проступки нами столь тщательно рассматриваемый супостат убивает своего сына:

«Алексей Петрович всю жизнь был... врагом отцовских нововведений, и Петр казнил его» [146, с. 16].

Просто и лаконично.

Так как же дело-то было?

«После смерти жены Алексея, принцессы Вольфенбюттельской Софьи-Шарлотты, Петр передал сыну пространное письмо, в котором, указывая на его неспособность к

делам, требовал исправиться или отказаться от престола и идти в монахи. Алексей отвечал, что согласен, но Петр отложил решение вопроса...» [136, с. 65].

И понятно почему: живой законный наследник, даже в качестве от всего отрекшегося монаха, его явно не устраивал.

А потому Петр сначала вынудил наследника бежать, создав ему совершенно невозможные для жизни на родине условия. А затем, выманив его обратно обещаниями все простить, забил до смерти. Петр искромсал свою жертву, словно мясную тушу на столъ обожаемой им еще с ранней юности мясобоине на Мясницкой, где лишь запах Поганных Луж, пропитанных кровью, радовал его *вьюношеское* воображение на пути в Преображенское. Именно на месте своих потешных развлечений, где нам в нос тычут какой-то там весьма невразумительный ботик, он учредил свою главную «потеху», свойственную лишь ему, — живодерню, словно на милой его страшному сердцу Мясницкой, но уже теперь предназначенную исключительно для людей. Таково же Петра творенье было учреждено им и в городе, где лютость палача Кондрашки, чье имя стало с тех пор нарицательным («кондрашка хватит»), является всего лишь жалким подобием главного виновника учиненного в этих стенах злодеяния — его самого. То есть отца, замучившего своего законного сына. И этот акт ритуального умерщвления первенца, сходный своим содержанием с ритуальными умерщвлениями младенцев настоящими родственниками Петра — хананеями, имел своей целью отобрать преемственность власти у сына законного и передать ее по наследству своему сыну иному — незаконному. А потому:

«...царевич, измученный страшными... пытками умер в Петропавловской крепости 27 июня 1718 г.» [136, с. 66].

Однако же все по порядку. Вот как царевич объяснял причину своего бегства цесарю, пытаясь скрыться от преследований Петра под его протекцией:

«Я постригаться не хочу, а ехать к отцу значит ехать на муки... Я предаю себя и своих детей в защиту императору и умоляю его не выдавать меня отцу, он окружен злыми людьми и сам человек жестокий и свирепый, много пролил невинной крови, даже собственноручно казнит осужденных, он гневен и мстителен, думает, что имеет над людьми такое же право, как сам Бог. Если император меня выдаст ему, то это все равно что на смерть» [51, с. 792].

Но лживыми обещаниями и посулами Петр все же выманивает царевича обратно:

«Петр писал: “Обнадеживаю тебя и обещаю Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, если ты воли моей послушаешься и возвратишься”» [51, с. 793].

И вот надвигаются роковые для царевича события:

«Участь Алексея решена: 31 января 1718 года Петр с мрачной радостью узнает, что сын его вернулся в Москву...

Никто в Европе не подозревал в то время, что ждет несчастного на родине... Истина, обнаружившись, вызвала... жестокую тревогу... Будет следствие, розыски сообщников, пытки в застенках Преображенского...

Очень быстро становится очевидным, что между Алексеем и его друзьями никогда не было никакого соглашения для достижения определенной цели, ни малейшей тени заговора... жаровни Преображенского приказа ничего не узнали об этом...

Чего же хочет царь, приводя в действие всю машину судопроизводства? Он и сам, вероятно, не знает хорошенько... На время, впрочем, он удовлетворится жертвами...» [16, с. 565–569].

И вот какие жертвы удовлетворяют его людоедские наклонности лишь на время:

«Александра Кикина колесуют и, чтобы продлить мучения, отрубает сначала руки, потом ноги...» [14, с. 292].

«...мучения его были медленны, с промежутками, для того, чтобы он чувствовал страдания. На другой день царь проезжал мимо. Кикин еще жив был на колесе: он умолял

пощадить его... По приказанию царя его обезглавили, и голову взоткнули на кол» [199, с. 224].

«Несчастному Афанасьеву, виновному только в том, что выслушал признание своего господина, отрубили голову... Досифей, епископ Ростовский, которого выдал Глебов... Его тоже колесовали с одним из священников. Головы казненных выставлены на пиках. Внутренности сожжены. Поклановскому отрезали язык, уши и нос... Петр заставил сына присутствовать при наказаниях, длившихся три часа, а потом увез в Петербург» [16, с. 569].

Так что на все лады некогда нам расхваленный этот самый Петруша своим звериным норовом более походил не на Петрушку, которым вечно себя на все лады везде и всюду выставлял, а на бабу-Ягу: именно у нее ограда состояла из нанизанных на дреколья человеческих голов.

Вышеописанным, что и понятно, его людоедский аппетит удовлетворен не был — идет «раскрутка» высосанного из пальца «преступления» по типу дел 1938 г. уже в советскую пору:

«...свозятся со всех сторон свидетели, участники, допросы за допросами, пытки за пытками, очные ставки, улики...» [4, с. 175].

«В ходе следствия по “делу” Алексея Петровича многих придворных дам били в застенках батогами. Кто-то не выдерживал, оговаривал себя и других, машина начинала работать с большим размахом» [14, с. 292].

«...— и пошел гулять топор, пилить пила, хлестать веревка.

Запомненное, пропущенное, скрытое одним, вспоминается другим, третьим лицом, на дыбе, на огне, под учащенными ударами, и вменяется в вину первому, дает повод к новым встряскам и подъемам. Слышатся еще имена. Подавайте всех сюда, в Преображенское!..

А оговаривается людей все больше и больше...» [4, с. 175].

И все-таки, конкретно, каково их хотя бы примерное число — десятки или сотни?

Г.Ф. Бассевич, например, сообщает, что смерти царевича сопутствовала:

«...казнь тысячи других виновных...» [315, с. 365].

Так что и эти казни, как и все иные расправы при Петре, являлись также массовыми. Причем, как и все иные в это кровавое царствование, ни в чем неповинных людей. И, как и во всех подобного рода «потехах» палача-петрушки, особо зверскими методами:

«...Кто колесован, кто повешен, у кого вырваны ноздри, у кого отрезан язык, кто посажен на кол... Петр приезжал на место казни и смотрел на мучения несчастных» [4, с. 176–177].

Вот что сообщает Вебер на тему сегодня истолковываемых этих жестокостей якобы для предотвращения некоего восстания:

«Ходившие в то время слухи о бывшем, или ожидаемом еще, восстании в России были совершенно неосновательны... простой, темный народ... так страшно запуган... ибо царь вполне может рассчитывать на преданное ему войско» [401, аб. 364, с. 1448].

То есть карательное его 80-тысячное заплочных дел воинство.

И вот как выглядели последствия этих массовых убийств, производимых и в Москве, и в Петербурге. Свидетельствует в своем дневнике от 18 июля 1721 г. Фридрих-Вильгельм Берхгольц:

«...на обширной площади стояло много шестов с воткнутыми на них головами...» [316, с. 171].

Но и иной навет потешил Петра новыми истязаниями:

«...открылось, что отверженная царица после долгого томления в монастыре завела любовную связь с майором Степаном Глебовым... Улик не было. Сознания от него не добились ни посредством кнута, ни жжения горячими углями и раскаленным железом...» [51, с. 795].

«Эти пытки длились в течение шести недель и были самыми жестокими...» [319, прим. 20 к с. 204].

«Глебов вынес эту пытку с героическим мужеством, отстаивая до последнего вздоха невиновность царицы Евдокии...» [319, с. 204].

Однако ж, несмотря на то, что *улик не было* и *сознания от него не добились*, машина петровского толка «правосудия» работала на всю свою мощь. Потому Глебова, чья вина состояла лишь в том, что он оказался в обойме Петром задуманного предприятия по опорочиванию брошенной им супруги, поджидала участь всех тех, кто оказался в такой же обойме по раскручиванию государственной измены, навешиваемой Петром на царевича Алексея.

Сознания от него не добились:

«...и все-таки посадили на кол на Красной площади. Испытывая невыразимые мучения, он был жив целый день, затем ночь и умер перед рассветом, испросивши причащения Святых Тайн у одного иеромонаха. Говорят, что Петр подъезжал к нему и потешался его страданиями» [51, с. 795].

И что это зверское убийство являлось не мезьей мужа, якобы заподозрившего в неверности свою законную жену, но лишь поводом для очередных пыточно-палаческих процедур, до которых Петр был так не по-человечески охоч, говорит лишь тот факт, что вместе с Глебовым был убит и родной брат его бывшей супруги.

Лопухин:

«...был привезен в окопах вместе с другими несчастными, прикосновенными к делу царевича, в Петропавловскую крепость, и 9-го декабря 1718 года над ним был исполнен смертный приговор.

Три года спустя после этих казней Берхгольц еще видел на площади шести с воткнутыми на них головами» [173, с. 319].

Так что и здесь, как и в Москве со стрельцами, интерьер правления Петра соответствовал интерьеру жилища бабушки Яги — очень ему подходящей в родственницы старушки.

А ведь и сама Евдокия Лопухина, законная жена Петра, то есть законная царица, причем, родившая наследника престола, также не была обойдена вниманием нашего «дивного» беззаконного «гения». Она была приговорена «реформатором»:

«...к 100 ударам батогами. Ее били по обнаженным плечам и пояснице в присутствии многих придворных дам и мужчин» [319, прим. 18 к с. 204].

«Несмотря на все усилия, следствие заходит в полнейший тупик. Нет абсолютно никаких доказательств того, что царевич Алексей предал Российскую империю, совершил какие-то ужасные поступки. Нет даже доказательств того, что существовал сам заговор, а не то что стремление “просить войско” у австрийского императора» [14, с. 293].

«Первое заседание Верховного суда назначено было 17-го июня в аудиенц-зале Сената...

Царевича привели из крепости как арестанта...

— Признаешь ли себя виновным? — спросил царевича князь Меншиков, назначенный президентом собрания.

Все ждали того, что так же, как в Москве, в Столовой палате, царевич упадет на колени, будет плакать и молить о помиловании. Но потому, как он встал и оглянул собрание спокойным взором, поняли, что теперь будет не то.

— Виновен ли я или нет, не вам судить меня, а Богу единому, — начал он, и сразу наступила тишина; все слушали, притаив дыхание. — И как судить по правде, без вольного голоса? Рабы государевы — в рот ему смотрите: что велит, то и скажете. Одно звание суда, а делом — беззаконие и тиранство лютое! Знаете басню, как с волком ягненок судился? И ваш суд волчий. Какова ни будь правда моя, все равно засудите. Но если бы не вы, а весь народ российский судил меня с батюшкой, то было бы на том суде

не то, что здесь. Я народ пожалел... тяжелемок Петр — и не вздохнуть под ним. Сколько душ загублено, сколько крови пролито! Стоном стонет земля...

Все смотрели на царя... А царь молчал...

— Что молчишь, батюшка? — вдруг обернулся он к отцу с беспощадной усмешкою. — Аль правду слушать в диковину? Отрубить бы велел мне голову попросту, я б слова не молвил. А вздумал судиться, так любо, нелюбо — слушай! Когда манил меня к себе из протекции цесарской, не клялся ли Богом и судом Его, что все простишь? Где ж клятва та? Опозорил себя перед всею Европою! Самодержец Российский — клятвотругатель и лжец!

...царь молчал, как будто ничего не видел и не слышал... и мертвое лицо его было как лицо изваяния.

— Кровь сына, кровь русских царей на плаху ты первый прольешь! — опять заговорил царевич, и казалось, что он уже не от себя говорит: слова его звучали, как пророчество. — И падет сия кровь от главы на главу, до последних царей, и погибнет весь род наш в крови. За тебя накажет Бог Россию!..

Петр зашевелился медленно, грузно... и вылетел из горла сдавленный хрип:

— Молчи, молчи... прокляну!

— Проклянешь? — крикнул царевич в исступлении и бросился к царю...

Все замерли в ужасе. Казалось, что он ударит отца или плюнет ему в лицо.

— Проклянешь?.. Да я тебя сам... Злодей, убийца, зверь, антихрист!.. Будь проклят! Проклят! Проклят!..

Петр повалился навзничь в кресло и выставил руки вперед... защищаясь от сына...

...и приговорил царевича пытать...» [71].

«Царевичу был подписан смертный приговор ста двадцатью членами суда» [51, с. 798].

«Обряд, како обвиненный пыгается.

Для пытки... сделано особое место, называемое застенок... В застенке же для пытки сделана дыба... кат или палач явиться должен в застенок с инструментами... По приходе судей в застенок долгою веревкою палач перекинет через поперечный в дыбе столб и, взяв подлежащего к пытке, руки назад заворотит и, положи их в хомут, через приставленных для того людей встегивает, дабы пытаный на земле не стоял, у которого руки и выворотит совсем назад... привязывает к сделанному нарочно впереди дыбы столбу; и растянувши сим образом, бьет кнутом... и все записывается, что таковой сказывать станет».

Когда утром 19 июня привели царевича в застенок, он еще не знал о приговоре...

Палач Кондрашка Тютюн подошел к нему и сказал:

— Раздевайся!..

Царевич оглянулся на него и понял, но как будто не испугался...

— Подымай! — сказал Петр палачу.

Царевича подняли на дыбу...

Через три дня царь послал Толстого к царевичу...

Когда Толстой вошел в тюремный каземат Трубецкого раската, где заключен был царевич, он лежал на койке. Блюментрост делал ему перевязку, осматривал на спине рубцы от кнута, снимал старые бинты и накладывал новые, с освежительными примочками. Лейб-медику было велено вылечить его как можно скорее, дабы приготовить к следующей пытке.

Царевич был в жару и бредил...

Вдруг очнулся и посмотрел на Толстого:

— Чего тебе?

— От батюшки.

— Опять пытать?..

Блюментрост давал ему нюхать спирт и клал лед на голову.

Наконец он опять пришел в себя и посмотрел на Толстого уже без всякой злобы...

— Петр Андреич... Выпроси у батюшки, чтоб с Афросей мне видеться...

— Выпрошу, выпрошу, миленький, все для тебя сделаю! Только бы вот как-нибудь нам по вопросным-то пунктам ответить... Я тебе говорить буду, а ты только пиши...

Подписав, он вдруг опомнился, как будто очнулся от бреда, и с ужасом понял, что делает. Хотел закричать, что все это ложь, схватить и разорвать бумагу. Но язык и все члены отнялись, как у погребаемых заживо, которые все слышат, все чувствуют и не могут пошевелиться, в оцепенении смертного сна...

В тот же день его опять пытали. Дали 15 ударов и, не кончив пытки, сняли с дыбы, потому что Блюментрост объявил, что царевич плох и может умереть под кнутом.

Ночью сделалось ему так дурно, что караульный офицер испугался, побежал и доложил коменданту крепости, что царевич помирает...

На следующий день, в четверг, 26 июня, в 8 часов утра, опять собрались в гарнизонном застенке царь, Меншиков, Толстой, Долгорукий, Шафиров, Апраксин и прочие министры. Царевич был так слаб, что его перенесли на руках из каземата в застенок.

Опять спрашивали... но он уже ничего не отвечал.

Подняли на дыбу. Сколько дано было плетей, никто не знал — били без счета.

После первых ударов он вдруг затих, перестал стонать и охать, только все члены напряглись и вытянулись, как будто околели. Но сознание, должно быть, не покидало его. Взор был ясен, лицо спокойно, хотя что-то было в этом спокойствии, отчего и самым привычным к виду страданий становилось жутко.

— Нельзя больше бить, ваше величество! — говорил Блюментрост на ухо царю. — Умереть может. И бесполезно. Он уже ничего не чувствует: каталепсия...

— Что? — посмотрел на лейб-медика царь с удивлением.

— Каталепсия — это такое состояние... — начал тот объяснять по-немецки.

— Сам ты каталепсия, дурак! — оборвал его Петр и отвернулся.

Чтобы перевести дух, палач остановился на минуту.

— Чего зеваешь? Бей! — крикнул царь.

Палач опять принялся бить. Но царю казалось, что он уменьшает силу ударов нарочно, жалея царевича. Жалость и возмущение чудилось Петру на лицах всех окружающих.

— Бей же, бей! — вскричал он и топнул ногою в ярости; все посмотрели на него с ужасом: казалось, что он сошел с ума. — Бей всю, говорят! Аль разучился?

— Да я и то бью. Как еще бить-то? — проворчал себе под нос Кондрашка и опять остановился. — По-русски бьем, у немцев не учились. Мы люди православные. Долго ли греха взять на душу? Немудрено забить и до смерти. Вишь, чуть дышит, сердечный. Не скотина, чай, — тоже душа христианская!

Царь подбежал к палачу.

— погоди, чертов сын, уж самого отдеру, так научишься!

— Ну, что ж, государь, поучи — воля твоя! — посмотрел тот на царя исподлобья угрюмо.

Петр выхватил плеть из рук палача. Все бросились к царю, хотели удержать его, но было поздно. Он размахнулся и ударил сына изо всей силы. Удары были неумелые, но такие страшные, что могли переломить кости.

Царевич обернулся к отцу, посмотрел на него, как будто хотел что-то сказать, и этот взор напомнил Петру взор темного Лика в терновом венце на древней иконе, перед которой он когда-то молился Отцу мимо Сына и думал, содрогаясь от ужаса: “Что это значит — Сын и Отец?” И опять, как тогда, словно бездна разверзлась у ног его, и оттуда повеяло холодом, от которого на голове его зашевелились волосы.

Преодолевая ужас, поднял он плеть еще раз, но почувствовал на пальцах липкость крови, которой была смочена плеть, и отбросил ее с омерзением...

Царевич лежал, закинув голову; губы полуоткрылись, как будто с улыбкою, и лицо было светлое, чистое, юное, как у пятнадцатилетнего мальчика...

В сенях застенка Толстой, заметив, что у царя руки в крови, велел подать рукойойник... Вода порозовела...

Царевича перенесли из пыточной палаты в каземат на прежнее место. Он уже не приходил в себя.

Государь и министры пошли в комнату умирающего. Когда узнали, что он не причащался, то захлопотали, забегали с растерянным видом. Послали за соборным протопопом, о. Георгием. Он прибежал, запыхавшись, с таким же испуганным видом, как у всех, торопливо вынул из дароносицы запасные дары, совершил глухую исповедь, пробормотал разрешительные молитвы, велел приподнять голову умирающего, поднес потир и лжицу к самым губам его. Но губы были сжаты, зубы крепко стиснуты. Золотая лжица ударилась о них и звенела в трепетной руке о. Георгия. На плат спадали капли крови. На лицах у всех был ужас.

Вдруг в безчувственном лице Петра промелькнула гневная мысль.

Он подошел к священнику и сказал:

— Оставь! Не надо...

Солнце потухло. Царевич вздохнул, как вздыхают засыпающие дети.

Лейб-медик пощупал руку его и сказал что-то на ухо Меншикову. Тот перекрестился и объявил торжественно:

— Его высочество государь царевич Алексей Петрович преставился.

Все опустились на колени, кроме царя. Он был неподвижен. Лицо его казалось мертвее, чем лицо умершего...

Следующий за смертью царевича день, 27 июня, девятую годовщину Полтавы, праздновали, как всегда: ...палили из пушек, пировали на почтовом дворе, а ночью — в Летнем саду... как сказано было в реляции, довольно веселились...

В ту же ночь тело царевича положено в гроб...

В воскресенье, 29 июня, опять был праздник — тезоименитство царя. Опять служили обедню, палили из пушек, звонили во все колокола, обедали в Летнем дворце; ...происходила обычная попойка; ночью сожжен фейерверк, и опять веселились довольно» [71].

Вот каким поразительным бездушием отмечается практически всеми историками:

«...убийство Петром своего сына Алексея» [274, с. 40].

И даже призванный Екатериной II для сокрытия преступлений Петра наипервейший идеолог безбожной идеологии, Вольтер, после внимательного осмотра предоставленных ему документов о смерти царевича, констатировал:

«“...Будьте уверены... нет ни одного человека в Европе, который думал бы, что царевич умер естественной смертью. Все только пожимают плечами, когда слышат, что юноша двадцати трех лет умер от апоплексического удара...”⁶.

Долго спустя после своей смерти несчастный Алексей нашел красноречивейшего из адвокатов, а Петр страшного обвинителя... защитительная речь и обвинительный акт остаются; они останутся навеки выразителями общественного мнения по поводу этого процесса, и Петр вечно будет нести на себе их бремя...

Он убил своего сына. Для этого нет никаких оправданий» [16, с. 582].

А ведь факт этого убийства отцом сына подтвержден и документально:

«В XIX веке были обнаружены документы, согласно которым царевича уже после вынесения приговора пытали, и эта пытка могла стать непосредственной причиной смерти» (<http://исторический-сайт.рф/Самозванцы-4.htm>).

Итак, 26 июня (7 июля по новому стилю) 1718 г. в построенном царем-монстром городе-монстре, где верхом безсмертности его «творений» стали глухие казематы Петропавловской крепости, царем-антихристом был зверски замучен его собственный родной сын:

«26 июня 1718 г. после длительных допросов, сопровождавшихся страшными пытками, Алексей умер» [210, с. 222].

---

⁶ Вольтер. Сочинения, т. XII, с. 255.

«Как кончил жизнь царевич? Версий много. Но кто теперь укажет истинную?» [4, с. 180].

И вот одна из них, слишком явно намекающая о попытке прикрыть именно ритуальное убийство царевича:

«Рассказывали, что когда по объявлению царевичу смертного приговора, он был поражен апоплексическим ударом, и по совету врачей приказано было нужным открыть ему кровь, было слишком много выпущено крови, и что таким образом он скончался в тюрьме, в сильном страдании» [4, с. 180].

«...царь Петр, на словах помиловав своего сына, послал к нему хирурга, которому приказал сделать царевичу крупное кровопускание. Он сказал: “Я приказываю тебе открыть ему четыре вены”. Эта операция была выполнена в присутствии царя в Петропавловской крепости. Так утверждают многие люди» [319, прим. 15 к с. 204].

А ведь именно от потери крови и умирают истязуемые резниками люди. То есть убийство Алексея очень собою напоминает именно ритуальное убийство. О чем догадывались и современники:

«Согласно еще одной легенде, нелюбимого сына Алексея Петр принес в жертву...» [210, с. 222].

И принес своему страшному богу — богу хананеев — Ваалу-Перуну (см.: «Жертвоприношение» [готовится к печати] и «Запретные темы истории» [256]).

Тому сопутствуют свидетельства и о том, что перед самой смертью для узника был выставлен ужин. Следуя данному свидетельству историк Валишевский делает вывод:

«...если за несколько часов перед смертью Алексей был в состоянии есть, то, следовательно, его смерть была насильственной» [375, с. 151].

То есть даже все вышеизложенные версии дикой расправы над царевичем Алексеем являются лишь слабой попыткой прикрытия настоящего действия тех дней трагедии — жидовского ритуального убийства. Чему утверждением и то обстоятельство, что вообще все окружение Петра I являлось масонами. То есть представляли собою чернокнижников, чье вероисповедание своими корнями уходит к туземному населению земли Ханаан, где аккурат своих детей и было принято приносить в жертву своему богу — Ваалу-Перуну. Петр, являясь хананеем, просто обязан был унаследовать эту традицию черных людоедов тех времен.

Двести лет и десять дней спустя, 17 июля 1918 г., мир потрясет теперь уже Екатеринбургская Голгофа, где, очевидно, в упоминание не выдержавшего выпавших на его долю страшных пыток своим далеким в венценосном родстве предшественником, маленький наследник престола будет мечтать лишь об одном:

«Если будут убивать, то только бы не мучили...» [142, с. 195].

Оба царевича приняли мученическую смерть и каждый от антихриста: один — от Петра, другой — от Ленина. Оба этих зверских злодеяния носили явно ритуальный характер — их изуродованные резниками тела были сокрыты от какого-либо дознания!

Между тем имеется свидетельство о закрытой материей шее петербургского мученика, лежащего в гробу!

Здесь надо сказать, что в числе наносимых резником ритуальных ударов имеется укол именно в шею жертвы! Это запечатлел в своем рассказе об увиденном на хананейской живодерне В.В. Розанов.

Да и способ казни в Екатеринбурге, судя по высказываниям провидцев, а также по оставленным изуверами следам на месте преступления, а еще более — по желанию убийц замести эти следы, явно является иным, нежели признано считать официально.

Но оно и понятно. Ведь кто нам об этом преступлении поведал?

Сами же убийцы!

А будут ли они распространяться о ритуальности произведенного ими преступления?!

Конечно же, нет. А потому и распустили заранее подготовленный слух о расстреле!

Так что тот первый антихрист, чья безчеловечная жестокость стала причиной смерти первого царевича Алексея, труды свои ровно через двести лет перепоручил второму антихристу. А ныне в мир рвется уже третья ипостась зверя. Об этом имеется предсказание священника, обладающего даром предвидения. Он также сообщает и то, что этот посланец преисподней должен воцариться не где-нибудь, но именно у нас!

Неужели нам так и не удастся поставить воцарению антихриста никакой существенной преграды? Неужели все ужасы, описанные в Апокалипсисе, будут происходить именно на нашей земле?!

Главным отличием от людей звериной породы обратной является полное безразличие к мукам их жертв. Валишевский по этому поводу замечает:

«Я не могу найти другого примера такого полного безсердечия. Во время процесса своего сына Алексея, перипетии которого должны были бы взволновать царя, он находил досуг и силы не только заниматься другими делами, но и предаваться обычным развлечениям. Многочисленные указы, касающиеся охраны лесов, управления монетным двором, организации различных промышленных учреждений, таможен, раскола, агрономии, помечены теми же датами, как и самые тяжелые моменты ужасной судебной драмы. В то же время ни один из годовых праздников не прошел без шумных развлечений: пирушки, маскарады, фейерверки сменялись одни другими.

Царь обладал настоящими запасами веселости и общительности» [16, с. 115].

То есть присутствие в данной ситуации просто невозможной «веселости» не покидало его и в момент казни своими руками своего собственного сына!

«Петр предательски нарушил данную царевичу Алексею клятву, что он его не тронет. Предательски отдал на суд окружавшей его сволочи. Присутствовал при его пытках и преспокойно пел на панихиде по задушенному по его приказу сыне» [238, с. 62].

Между тем всеми вышеописанными издевательствами царь-антихрист ограничился лишь по той причине, что царевич Алексей все же не выдержал пыток и донес сам на себя.

Но вот что его ожидало в случае проявления упорства. Ну, во-первых, самым излюбленным занятием Петра еще с самого раннего вьюношества в Преображенском являлась дыба:

«Кости, выходя из суставов, хрустели, ломались, иногда кожа лопалась, жилы вытягивались, рвались. В таком положении пытаемого часто били кнутом по обнаженной спине так, что кожа лоскутьями летела, и после еще по спине встряхивали зажженным венником» [173, с. 72].

«...палач начнет бить по спине кнутом... и как ударит по которому месту по спине, и на спине станет так, слово в слово будто большой ремень вырезан ножом, мало не до костей... И будет с первых пыток не винятся, и их, спустя неделю времени, пытаются вдругорядь и в третье, и жгут огнем: свяжут руки и ноги, и вложат меж рук и меж ног бревно и подымут на огонь; а иным, разжегши железные клещи нарасно, ломают ребра» [196, с. 405].

Именно такая пытка стала для царевича Алексея последней. Но если бы он смог и ее каким-то образом все же вытерпеть, то его ждали следующие «Петра творенья», позаимствованные «преобразователем» у «доброй» в данных вопросах заграницы:

«Для выведывания тайны также забивали под ногти спицы или гвозди» [173, с. 73].

А вообще пытки при Петре были введены в систему:

«Если человек не винится и на дыбе, пытаются иначе:

“1. В тисках, сделанных из трех толстых железных полос с винтами. Между полосами кладут большие пальцы пытаемого, от рук — на среднюю полосу, а от ног — на нижнюю. После этого палач начинает медленно поворачивать винты и вертит их до тех пор, пока пытаемый не повинится или пока винты вертеться не перестанут. Тиски надо применять с разбором и умением, потому что после них редко кто выживает.

2. Голову обвиняемого обвертывают веревкой, делают узел с петлей, продевают в него палку и крутят веревку, пока пытаемый не станет без слов (т.е. потеряет сознание — *А.Б.*).

3. На голове выстригают на темени волосы до голого тела, и на это место, с некоторой высоты, льют холодную воду по каплям. Прекращают, когда пытаемый начнет кричать истошным голосом, и глаза у него выкатываются. После этой пытки многие сходят с ума, почему и ее надо применять с осторожностью.

4. Если человек на простой дыбе не винится, класть между ног на ремень, которыми они связаны, бревно. На бревно становится палач или его помощник, и тогда боли бывают сильнее.

Таких упорных злодеев (кто запирается — *А.Б.*) надо через короткое время снимать с хомута, вправлять им кости в суставы, а потом опять поднимать на дыбу. ”» [15, с. 367–368].

Неужели же наши пращурьы могли изобрести столь зверский метод выбивания из людей в чем-либо признания?

Да вовсе нет. Заграница сама сознается, что наши западолюбивые Романовы лишь переняли их просто замечательные средневековые методы борьбы с перенаселением. Юст Юль вот что сообщает по поводу учрежденных Петром пыточных, перешедших ему в наследство от «Тишайшего» (или еще от Михаила-Филарета):

«Иным осужденным на кнут скручивают назад (руки) и за руки (же), вывихивая их, вздергивают на особого рода виселицу, какие в старину употреблялись и у нас» [293, с. 156].

А теперь, при Петре, следовательно, лишь в посаженной в гигантских размеров концлагерь России. Причем пытки людей здесь теперь еще и узакониваются:

«Пытать по закону положено три раза, через десять и более дней, чтобы злодей оправился, но если он на пытках будет говорить по-разному, то его следует пытать до тех пор, пока на трех пытках подряд не покажет одно и то же, слово в слово. Тогда на последней пытке, ради проверки, палач зажигает веник и огнем водит по голой спине висящего на дыбе, до трех раз и более, глядя по надобности.

Когда пытки кончатся и злодей, повинившийся во всем, будет подлежать ссылке на каторгу или смертной казни, палач особыми щипцами вырывает у него ноздри...» [15, с. 368].

«И сверх того особливими присланными стемпелями на лбу и на щеках кладутся знаки (:вор:), в тех же стемпелях набиты железныя острыя спицы словами, и ими палач бьет в лоб и щеки, и натирает порохом, и от того слова видны бывают» [237, с. 9].

Но и сама смертная казнь была «усовершенствована» Петром по последнему писку заграницы:

«При Петре I было введено колесование, заимствованное от шведов, и вешание за ребра...» [173, с. 73].

Так что в качестве индустрии издевательств над людьми Петр во многом преуспел и в чем-то даже переплюнул лелеемую им заграницу:

«Слов нет, пытали и до Петра. Однако ж никому не приходило в голову превращать пытку в *индустрию*, составлять писаные руководства...» [15, с. 368].

И очень зря кто-то думает, что все эти кошмары закончились со смертью «Преобразователя». Вот, например, как переполошились наши офицеры, дворяне между прочим, когда их коллега, уже три четверти века спустя после смерти Петра, ударил полицейского кулаком:

«Офицеры полка были судьями; они плакали, но в силу устава Петра I вынесли приговор: лишить руки. И только вследствие просьбы тогдашнего московского градоначальника Ю.В. Долгорукова у императора Павла I приговор не был приведен в исполнение» [173, с. 345].

Иными словами, за оказание малейшего сопротивления жандармам Петр заповедал рубить людям руки. И их все это время исправно рубили! Причем, даже офицерам дворянам — высшему сословию страны!

А ведь про такое мы слышим в первый раз. Сколько еще подобного рода «новшеств», чего мы и в самых снах своих кошмарных себе не представляли, было внесено Петром в уголовный кодекс своей страны?

Но для созданной Петром чудовищных размеров карательной машины требовалось и не имеющее до того аналогов количество будущих жертв. Потому индустрия палачества была подкреплена и буквой закона, который призван был выкосить эту ему столь ненавистную нацию под ноль:

«Петр... создал *систему*, по которой всякий без исключения был признан *винтиком*. Жуткий *механизм*, обрекавший при определенном повороте дел *всякого*, правого или виноватого, на самую страшную участь...

Система Петра в чем-то — предвосхищение нацистской!» [15, с. 369].

Вот в чем заключается Петра это самое «творенье»!

Однако ж систему нацистскую очень зря считают какою-то слишком уж особенной, ни на какие иные якобы совершенно не похожей. Даже ее:

«Название, которое сам Гитлер вначале предлагал для своей партии, было “партия социалистов-революционеров”; самого себя он считал “исполнителем марксизма”, но вовсе не его могильщиком, и он сам говорил Герману Раушнингу, что построил свою организацию по образцу коммунистической» [108, с. 413].

И для отработки завезенной еще первым своим «посольством» с Запада палаческо-пыточной индустрии, техническому оснащению которой Петр всецело посвятил себя на многие годы, этот странный папаша не побрезговал проинспектировать отточенность мастерства своих заплечных дел специалистов на своем собственном сыне...

Человек ли это был вообще?!

Не просто смерть осужденного на мученическую кончину ему была столь необходима: сам процесс убивания человека его, как непревзойденного специалиста в палаческой науке, очень сильно интересовал.

«В своей последней книге И. Бунич утверждает, что существует резолюция Петра на следственных делах: “*Смертью не казнить. Передать докторам для опытов*”» [15, с. 371].

Так что если и имеется какое-то различие между лагерями смерти Адольфа Гитлера и организованными Петром по всей России пыточными *государственными предприятиями* подобного же рода, то уж слишком незначительное. Смонтированная Петром система массового умерщвления людей, что следует все же отметить, имела на несколько порядков большую пропускную способность, чем система душегубок, разработанная немецкими национал-социалистами — наследниками, как выясняется, именно марксистских теорий. Качество палаческого искусства, что немаловажно, всегда переходило в количественное преимущество нашего «реформатора» над хваленой за границей, столь поднаторевшей к тому времени именно в вопросах борьбы с собственным мирным населением. И если в Белоруссии Адольф Гитлер уничтожил каждого четвертого ее жителя, то Петр I — *каждого второго!*

Так что в вопросах массового уничтожения зря нам тыкают в нос каким-то весьма жалким ефрейтором, некогда выслужившимся у мировой олигархии банкиров в диктаторы, пришедшим все же в страну ему явно чужую. Тут ясно одно: нечего этих культуртрегеров с их пещерной психологией вышивания плащиков из содранной с человеческих голов кожи вообще запустать к себе домой.

В раскрываемой же истории следует повнимательней приглядеться к нашему внутреннему монстру, уже один раз нас посетившему: сегодня к нам в двери ломится его «славных дел» последователь. Неужели нам суждено вновь наступить на те же грабли?!

«Допущенный до целования руки Ивана и Петра, во времена дуумвирата обоих братьев, архиепископ новгородский, Яновский, не испытывал ни малейшего смущения,

подойдя к старшему из государей; но, встретившись взглядом с другим, он почувствовал, что у него ноги подкашиваются. После у него навсегда осталось предчувствие, что он получит смерть от этой руки, которой он едва коснулся похолодевшими губами» [375, с. 60].

«Его характер никогда не был особенно хорош, но с каждым днем он становился все невыносимее», — пишет в мае 1721 года саксонский министр Лефорт в своем дневнике: «Счастлив тот, кому не приходится бывать около него»⁷... В сентябре 1698 года, во время банкета в честь посланника императора Guarient, царь рассердился на генералиссимуса Шеина за повышения, данные в армии, которые были, по его мнению, несправедливы; ударив обнаженной шпагой по столу он крикнул: «Я тебя с твоим полком в куски искрошу и шкуру с тебя спущу!»⁸ Ромодановский и Зотов попробовали вступить; царь бросился на них: у одного из них оказались наполовину отрезанными пальцы на руке, другой был ранен в голову. Только Лефорт, а по другим сведениям Меншиков, сумел успокоить царя⁹» [16, с. 116].

Корб в своем дневнике, от 14 сентября, вот как описывает эту сцену:

«Пылая гневом, подошел он к князю Ромодановскому и к думному дьяку Никите Моисеевичу. Увидя, что они оправдывают Шеина, он так разгорячился, что махая куда попало обнаженной шпагой, привел всех гостей в ужас: князя Ромодановского ранил в палец, другого в голову; Никита Моисеевич ранен в руку. Удар, боле тяжелый, готовился Шеину, который, без сомнения, облился бы кровью от царской руки, если бы генерал Лефорт (которому одному это было позволительно) не сжал царя в своих объятиях и тем не отклонил руки от удара» [282, с. 766].

Однако ж и самим его фаворитам — братьям по масонской части и по гомосексуальным связям, Лефорту и Меншикову, — также достаточно не редко от своего собутыльника перепало «на орехи». Ну, во-первых, в выше приведенном эпизоде оба масона пытались унять разбушевавшегося Петра. И здесь мнения современников разделились — то ли Лефорт пытался остановить своего титулованного собутыльника неудачно, за что получил сильнейший удар в зад, а Меншиков его все же укротил, то ли Меншиков заполучил тумака, а укротил Петра Лефорт.

Но и чуть ранее им обоим досталось за попытку прервать любимейшее из занятий «Преобразователя»:

«Незадолго до этого, во время обеда у полковника Шамбера, царь повалил на пол и топтал ногами Лефорта, а Меншикова, осмелившегося на каком-то празднике острить на его счет, ударил по лицу так сильно, что у него пошла носом кровь¹⁰» [16, с. 117].

Но и впоследствии любимцам Петра перепало от своего брата достаточно не по-братски. Под 19-м октября в дневнике Корба значится:

«Полковник Чамберс устроил дорогой пир, на котором со многими другими был и царь; не знаю, какая буря нарушила веселье, только царь схватил Лефорта, ударил его об пол и топтал ногами. Кто ближе к огню, тот ближе к пожару» [283, с. 506].

Под 31-м декабря, то есть всего чуть более месяца спустя, в дневнике Корба значится аналогичная ситуация:

«...когда Лефорт подошел к царю, с целью смягчить его гнев, царь оттолкнул его от себя сильным ударом кулака» [283, с. 520].

Так что всего за несколько месяцев, и в присутствии только одного человека, один из фаворитов, Меншиков, был бит, а, возможно, и дважды, а Лефорт трижды или четырежды.

⁷ Бергольц. *Jornal, Buschings-Magasin*, т. XXI, с. 238.

⁸ Гвариент. «Я изрублю в котлеты весь твой полк, а с тебя с самого сдеру кожу, начиная с ушей» [238с. 60].

⁹ Устрялов, т. III, с. 625, т. IV, с. 211.

¹⁰ Корб, с. 86

А ведь Корб пробыл в России всего полтора года. Какими же незафиксированными выходками заполнена биография Петра, процарствовавшего в двадцать раз более этого отмеченного Корбом в дневнике срока?

Но если он своих собутыльников, братьев масонов и партнеров по однополую сексу периодически лупил до крови, причем, иногда даже был близок к их смертоубийству, то что можно сказать о всех остальных жителях этой несчастной страны, если даже иностранцы, его общепризнанные любимцы, от него шарахались, как только могли?

Вот лишь один из подобного рода инцидентов, волей случая зафиксированный современниками:

«В 1703 царь остался недоволен публично обращенными к нему словами голландского резидента и засвидетельствовал свое неудовольствие ударами кулака и шпаги (Депеша Вальюза от 28 ноября, 1703 г. Мин. ин. дел во Франции) — это происшествие не имело никаких последствий. Дипломатический корпус давно уже покорился печальной необходимости мириться с нравом царя. Иван Саввич Брыкин, предок знаменитого археолога Снегирева, рассказывает, что царь в его присутствии убил ударом палки слугу, который не сразу снял перед ним шапку¹¹» [16, с. 116–117].

Вот еще подобный же случай. На этот раз припадок охватил Петра в момент парада по случаю Полтавы. Свидетельствует датский посол Юст Юль. Петр:

«...подъехав к одному простому солдату, несшему шведское знамя, стал безжалостно рубить его обнаженным мечем (и) осыпать ударами, быть может за то, что тот шел не так, как хотел (царь). Затем царь остановил свою лошадь, но все (продолжал делать) описанные страшные гримасы, вертел головою, кривил рот, заводил глаза, подергивал руками и плечами и дрыгал взад и вперед ногами. Все окружавшие его в ту минуту важнейшие сановники были испуганы этим, и никто не смел к нему подойти, так как (все) видели, что царь сердит...» [293, с. 109].

«Случаев, доказывающих, что Петр совершенно не умел владеть собой, современники приводят безчисленное количество» [238, 60].

Только вот с публикацией их что-то не особо. Ведь если и его любимцам от Петра перепало периодически, то что можно было наблюдать по отношению ко всем остальным. И одного ли он слугу убил или изрубил солдата, о которых выше упомянуто или убивал их чуть ли ни ежедневно, но желающие жить люди и до самой своей смерти принуждены были об этом помалкивать?

Вот что сообщает о частоте подобного рода инцидентов датский посол Юль:

«Описанные выше страшные движения и жесты царя доктора зовут конвульсиями. Они случаются с ним часто...» [293, с. 110].

Так что пропаганде пришлось изрядно поработать, чтобы этому страшному чуделу придать некоторый респектабельный вид.

Но совершенно необязательно, чтобы убивать слуг дубиной, ему было находиться в припадке бешенства. Он мог сделать любую гадость в любой момент. Если чувствовал свою при этом полную безнаказанность.

Вот весьма характерный его поведению эпизод. Причем, произошедший даже за границей:

«В Копенгагене, увидев в естественном музее мумию, он выказал желание приобрести ее. Королевский инспектор доложил об этом своему господину и получил отказ: мумия была необычайной величины и удивительной красоты... Петр вернулся в музей, подошел к мумии, оторвал у нее нос и, совершенно изуродовав ее, ушел со словами: “Можете беречь ее теперь”¹²» [16, с. 143].

И так поступил он там лишь потому, что чувствовал полную безнаказанность своей гнусной выходки. И это, повторимся, за границей, где все же какая-то защита от него у местного населения была.

---

¹¹ *Ланов*. Татищев и его время. М., 1861, с. 531.

¹² *Шерер*, т. II, с. 15.

А вот как там же он вел себя, когда с 35-тысячной армией вторгся в эту страну на своей филюжно-джоночной флотилии. Свидетельствует датский аптекарь Клаус Зейден:

«В 1716 г. нас посетил в Никиобинге русский царь Петр Великий... с ним были князь Меншиков и несколько других вельмож... Все они сейчас же вскочили на рабочих деревенских лошадях, пасшихся на свободе на полях и приехали в деревню, где остановились у трактирщика, бывшего также и деревенским судьей. Царь выгнал его с женою из постели и кинулся в нее, еще теплою, сам, в сапогах» [362, с. 219].

Вот как он при этом выглядел:

«Он был похож на сержанта или, скорее, на палача. Он был высокого роста, на нем был грязный синий суконный кафтан с медными пуговицами; на ногах большие сапоги... в руках длинная трость» [362, с. 220].

Так что это грязное чучело, как свидетельствует совершенно случайный очевидец его появления в Дании, был похож не на кого иного, как исключительно на палача.

Но, что нами выясняется, Петр не только похож был на обладателя данной достаточно редкостной для живущих на земле людей профессии. Он был палачом по призванию, то есть лишь еще по своему рождению. И был им всю свою жизнь.

Но не только от мирного населения встречавшихся на его пути государств он не видел и не мог видеть своим выходкам никакого отпора. От сдающихся ему на милость солдат и офицеров неприятеля он также не ждал возможной для себя угрозы. А потому лгал всегда и всюду, если только чувствовал, что ему могут поверить. Но в рассказе о нем это так, маленький штришок: ведь и сына своего из протекции цесарской он выманил все таким же обманом.

А вот и еще, в подтверждение вышесказанного, вариант очередного подлого обмана:

«Адмирал Апраксин осадил Выборг... Шведский комендант, приведенный в стесненное положение непрерывным бомбардированием, 12 июля 1710 года сдался на капитуляцию, выговорив себе свободный проезд в Швецию. Но Петр, давши слово, нарушил его... и приказал увести в Россию военнопленным гарнизон...» [51, с. 666–667].

То же было и в Риге:

«...шведам дали слово отпустить их на родину, но нарушили слово, так же как и под Выборгом, и Штернберг был удержан военнопленным» [51, с. 667].

«Тот же факт повторился и при Дерпте...» [375, с. 89].

То есть в совершенно мирных ситуациях, в частности со сдавшимися на милость победителя гарнизоны крепостей, он вел себя более чем воинственно. Однако ж с поля боя, даже при извечно многократном своем преимуществе над соперником, он сбегал всегда. И делал это обычно в самую последнюю минуту, что постоянно оставляло поле сражения за неприятелем.

Однако ж и саму эту Северную войну начала он с вероломного предательства:

«В мае 1700 года, возвратившись из Воронежа в Москву, он дружески упрекал шведского резидента Книперкрона за безпокойство, которое проявляла, живя на даче в Воронеже, его дочь, опасаясь столкновения между обеими странами. Он старался ее успокоить: “Глупое дитя, говорил он ей, как могла ты подумать, что соглашусь начать неправую войну и нарушить мир, который я поклялся вечно хранить”. Он обнимал Книперкрона при свидетелях и расточал перед ним вернейшие обещания: “Если польский король возьмет Ригу, он, Петр, отнимет город, чтобы возвратить его шведам”. В это же время он уже заключил союз с Августом против Швеции, составив план нападения общими силами и дележа предстоящей добычи» [375, с. 89–90].

Гродно, Полтава и Прут

А вот на что придумал сослаться Петр при каждом очередном своем позорном бегстве от как всегда малочисленного неприятеля:

«Искание генерального боя суть опасно...» [16, с. 18].

Понятное дело: лучше драпануть что есть мочи без оглядки! И, самое здесь главное, — *заранее...*

То есть не ждать, когда сделать это принудят «обстоятельства», то бишь последствия, обычно сопровождающие несварение в желудках, а произвести этот «гениальный» маневр еще до появления рези в пищеварительных органах. Потому как в противном случае, на что Петр уже ни единожды нарывался, страх все равно пересилит, а тогда:

«...в единый час все ниспровержено; того лучше здоровое отступление, нежели безмерный газарт» [16, с. 18].

Все правильно и до абсурдности «гениально»: главное вовремя смыться.

Так поступил наш «великий» при появлении самой малейшей опасности в западных областях Руси, где его бандитствующие эрзац-воинские формирования вырезали половину проживающего в этом краю мирного населения:

«14 января шведы установили блокаду Гродно, где лагерем расположилась русско-саксонская армия, пытаясь принудить ее либо к бою, либо к капитуляции» [2, с. 295].

Ну, уж к бою-то вряд ли. Скорее всего — именно к капитуляции. И все потому, что и союзник у Петра был труслив ничуть не менее его самого:

«Однако русские (саксонцы Августа II бросили союзников) весной скрытно перешли Неман, быстро дошли до Бреста, а после отошли к Днепру» [2, с. 295].

То есть сначала, что и естественно для вторгшейся в пределы неприятельской страны армии, — наступали. Но стоило Петру лишь услышать о приближении противника, как он тут же дал такого деру, что вряд ли скоростью своей ретирады мог бы уступить своему в этом деле союзничку, ухитрившемуся рвануть в бега даже несколько ранее его самого. Что, между прочим, выглядит достаточно сомнительно: Петр в вопросах ретирады вряд ли мог быть превзойден каким-то там Августом.

Но вот незадача:

«...Карл XII увел свои войска на запад...» [2, с. 295].

То есть зря, как теперь выяснялось, так чрезмерно торопился Петр: Карл наступал совершенно в противоположном направлении и за воинством нашего «преобразователя» никто вообще-то и не гнался! Но он драпанул все равно чрезмерно ретиво, спасая свою царственную персону от грозящих ей неисчислимым бед.

А вот и еще один вариант повествования о конфузе, случившемся под Гродно с многочисленной армией Петра. Может, именно эта версия его безсмертное «суть опасно» хоть в самой малой степени нас убедит?

«...Петр I, улучив момент перед ледоходом на реке Неман, быстро увел свои войска из Гродно, выиграл десять суток, в течение которых начавшийся ледоход не позволял Карлу XII организовать преследование» [16, с. 19].

И вот как он это сделал:

«24 марта... войско вышло из Гродно, воспользовавшись, как писал Петр, вскрытием Немана, по мосту, заранее приготовленному...» [124, с. 140].

И сбегал наш великий, как обычно, *налегке*:

«...и войска вывели до Киева в самую водополь с великою нуждою и трудом, и артиллерию малую могли вывести, а достальную всю спустили в реку под Гроднею, которой, сказывают со сто пушек больших и малых, также и всякие многие артиллерийские припасы, а провиант весь так оставили, великое довольство, как и в Вильне» [337, с. 305].

То есть еще и под Вильной был в те времена этой Северной войны отмечен подобного же рода позор. Но, вышвырнув в реку все ему на тот момент «лишнее», Петр все же благополучно в очередной раз покинул поле без всякого и намека на предстоящий бой. И произвел он этот свой весьма привычный «воинский маневр» весьма удачно:

«Из-за ледохода Карл не мог переправиться на другой берег Двины и преследовать бегущих...» [14, с. 97].

Тут необходимо добавить: *преследовать* втрое превосходящий своим количеством 45-тысячный контингент «потешно»-полицейской армии Петра. Мало того, прекрасно знавший о трусости Петра Август еще и своих воинов увлек своим бегством. Так что, как теперь выясняется, какая-то горстка шведов навела на этих «союзников» такого ужаса, что они бежали в панике, совершенно не пытаясь соображать: от кого бегут и по какой причине.

А ведь и здесь он пушек своим неприятелю надарил столько, что теперь Карл для своих дальнейших походов артиллерией стал полностью обеспечен. Но и не только пушками, отлитыми из столь нелюбимых им наших колоколов, одарил царь-антихрист неприятеля:

«...Петр приказал своим генералам налегке, бросив артиллерию и обозы, выскочить из Гродно...» [53, с. 383].

То есть здесь ясно показано:

- 1) сам он, к тому времени, когда его подопечные должны были только начинать ретираду, уже гнал опростелью, спасая свою шкуру;
- 2) неприятелю петровские «птенчики», облегчая себе это отчаянное скоропалительное бегство, оставили какие-то *обозы*.

Какие такие *обозы*?

А вот какие:

«На счастье, как раз в это время в Архангельск пришел очередной большой конвой с закупленными ранее в Европе военными грузами, что позволило возместить брошенное при бегстве оружие. Все лето с севера на Украину спешно гнали обозы» [53, с. 384].

А драпанула-то так ретиво, побросав даже ружья, 45-тысячная армия! И это ее боевое снаряжение в полном объеме Петр оставил тогда врагу!

Так что и здесь «доблесть» во все регалии разряженного этого сквозь века воспетого супер «героя» не просто сквозит из замочной скважины, но прохватывает сквозняком до самых до потрохов, указывая на полную никчемность этого величайшего труса, записанного лжеисторией в величайшие всех и вся победители.

Но отчего ж всплыла вся эта история? Почему воспеватели всех мастей не удосужились упрятать этот очередной позор нашего «великого» куда-нибудь подальше? Почему в очередной раз не объявить, что петровские потешники куда-то там опять наступали, но вот только просто не в ту сторону?

Так ведь у шведов остался в руках более чем убедительный вещдок — более сотни пушек и несколько *десятков* тысяч (!) единиц огнестрельного оружия! Которое в панике побросали улепетьвающие потешники «преобразователя». Где сам наш «чудесный гений» еще только своим трусливым приказом объясняет все затем произошедшее:

«приказав взять с собой “зело мало, а по нужде хотя бы и все бросить”» [238, с. 104].

Вот они, потешники, согласуя свои действия с приказом, и *бросили все*. Такая-то вот стратегия ведения войн и была избрана нашим «дивным гением» в качестве основы в течение всей его эрзац воинской карьеры.

Здесь же, в Гродно, но уже и в иной раз, вот какой инцидент произошел с палаческим воинством нашего Петрушки. Вначале, что и естественно:

«Гродно было в руках русских» [51, с. 657].

Озвучим: в руках петровского мародерского бандформирования.

«Карл неожиданно явился под этим городом, думая захватить в нем Петра» [51, с. 657].

Зря он так *думал*. появление неприятеля для Петра никогда не являлось какой-то такой особой *неожиданностью*. Он всегда был настороже, готовый в любой момент опрометью кинуться в бега. Ведь именно такой вид ведения военных действий был освоен Петром еще со времен раннего *вьюношества*. Эта «добрая» традиция сохранилась у нашего «дивного гения» и до самых до седин. Он всегда был готов сорваться в бегство при любом самом нелепом раскладе сил. Потому, когда лишь еще только запахло приближением малочисленного отряда Карла, Петр:

«...услыдав о приближении неприятеля, спешно бежал» [53, с. 51].

И вот от каких немыслимых полчищ шведов, как теперь выясняется, Петр тогда драпанул. Его преследовал:

«...Карл, намного опередив свою армию, всего с 600 кавалеристами...» [53, с. 51], «...поспешивший по вести, что царь в Гродно» [124, с. 192].

А у пустившегося наутек Петра, между прочим, в тот самый момент, перед самым позорным своим бегством, имелся:

«...отряд в 2 000 человек...» [53, с. 51].

Но даже и такая авантюра более чем безрассудного шведского короля чуть не закончилась плачевно для созидателя потешного воинства:

«Карл 26 числа безпрепятственно вошел в Гродно два часа спустя после отъезда оттуда Петра» [124, с. 192].

Уточним: после *позорного бегства Петра* — уже шестого по счету. Так что созидателю бутафорской армии, которая никак не могла защитить своего главноверха от какой-то горстки шведов, в тот момент и действительно — достаточно крупно повезло: смыться успел вовремя. И вот как неслабо наш этот воспетый в веках «воитель» драпанул:

«28 января Петр был уже в Вильно» [124, с. 193].

То есть наш липовый вояка, выпучив от страха глаза, неся что-то порядка 90 км в день! Тут стоит лишь удивляться его просто небывалой проворности по части ретирады. Уж в этом вопросе вряд ли кто смог бы с ним и попробовать состязаться.

Но необычайная трусость, что давно является прописной истиной, всегда сопряжена со звериной жестокостью. Потому Петр своим жандармам повелевает:

«...идучи дорогою, провиант и фураж, также и скотину, лошадей, волов и овец забирать с собою сколько возможно, и чего невозможно, то провиант и фураж жечь...» [124, с. 193], «...отступать, прикрываясь выжженной пустыней» [53, с. 50].

А проживали на этой земле, которую Петр повелел превратить в пустыню, — русские люди... Именно их «великому» и не жалко!

Но может Соловьев ошибается? Неужели же всеми историками столь помпезно воспетый монарх мог разорять уже теперь не чужеземные, но свои же — русские земли?

Но вот его в этом вопросе дублирует и Костомаров:

«Петр, узнавши, что враг его собирается через Белоруссию идти в московские пределы, приказал опустошать Белоруссию, чтоб шведы на пути не находили продовольствия, а сам убежал в Петербург...» [51, с. 657].

Вот аж куда, как выясняется, драпанул наш «*великий*»! Хорошо не на Северный полюс. Благо тогда дороги туда еще проложено не было.

Куракин добавляет и очередную весьма импозантную манеру Петра к ведению военных действий:

«...где дождался ведомости о выходе войск в Киев из Гродни» [337, с. 305].

То есть сбежал, в очередной раз, бросив свое аника-воинство, очень быстро и очень далеко. А затем лишь с тысячекилометрового расстояния наблюдал — поколотит Карл его эрзац воинское бандформирование в очередной раз или на сей раз нет.

Так что упорхнул наш великий в веках прославленный воитель весьма ретиво — так вряд ли кто когда драпывать и умел — с тысячу километров зараз.

Но притом, что и для подобной породы недочеловеков вполне естественно, беззащитное население, оставляемое на съедение врагу, решил тотально уничтожить сам.

И уж отнюдь не на бумаге: этот зверь в человеческом обличье своей лютостью вдвое превзошел национальных социалистов Адольфа Гитлера, во время войны оккупировавших эти западные окраины русских земель, истребив здесь половину проживающего мирного населения. И его заячьей душонке, странным образом совмещенной своей безжалостностью с душой Бабы-яги, гетманом Мазепой дано достаточно точное определение. Ведь петровская до зубов вооруженная безчисленная орда, что и полностью подтверждают произошедшие тогда страшные события:

«...спасаясь всегда бегством от непреоборимых шведских войск, вступила к нам не ради того, чтоб нас защитить от шведов, а чтобы огнем, грабежом и убийством истреблять нас» [51, с. 784].

Очень справедливые слова. Вот что вытворял как на захваченных, так и на своих собственных землях этот нам на все лады расхваленный перехваленный палач:

«В ожидании шведского вторжения Петр I приказал превратить в выжженную пустыню все приграничные провинции... Царский указ исполнили очень добросовестно» [53, с. 232].

И «славных дел» здесь итог, то есть убийство половины населения Белоруссии, неопровержимейшее подтверждение выше приведенных слов. Что было совершено над мирным населением, не подозревающим никакого подвоха, войском, именуемым почему-то русским, но на самом деле являющимся войском пришедшего в Россию антихриста.

Но мирное население не только Белой Руси подвергал тотальному уничтожению этот наш «освободитель». Его звериные клыки, что и подтверждает гетман Мазепа, прошли и по городам Малой Руси. Петровские убийцы, например:

«...вырезали все население Батурина, не щадя женщин и детей...» [53, с. 60].

И если о беспрецедентной казни стрельцов нам достаточно подробно многое известно, то творимое здесь этим палаческим бандформированием так и осталось за кадром истории. А ведь казнено русских людей здесь было ничуть не меньше, чем тогда в Москве. Каратели вырезали:

«...вместе с обывателями до 7 000 человек» [53, с. 60].

И звериная жестокость у него всегда сочеталась со звериной же трусостью. Вот что он придумал для защиты России, когда понял, что Карл собирается идти на Москву:

«...и тут Петр был в своем амплуа: при наступлении Карла XII в 1708 году перепугался так, что велел вывезти из Москвы сокровища Кремля и стал по периферии страны строить систему укреплений...» [14, с. 103].

Но и «укрепления» эти его выглядели все также однопланово:

«...чтобы создать укрепления, стали засыпать землей действующие церкви» [14, с. 103].

То есть даже и здесь был найден предлог для борьбы с русскими святынями.

Потому становится понятным, что это эрзац-воинство супостата воевать всегда могло только с мирным населением. Об этом шведский король был осведомлен. Потому-то впоследствии, под Полтавой, уже практически безоружный Карл, у которого давно закончился порох, все также настойчиво продолжал пытаться выбить четырехтысячный русский гарнизон из Полтавской крепости. При этом он не сомневался в «благоразумии» Петра, который на этот самый «газарт» не решится — в коленках жидковат, а предпочтет куда как более освоенный «маневр» — «здоровое отступление».

И возьми шведы Полтаву, все случилось бы так, как планировал Карл: Петр опять сбежал бы, уже в который раз предав очередному позору честь русского государства!

А он, собственно, это делать и вознамеривался. На эту тему им даже:

«“Учинен воинский совет, каким бы образом город Полтаву выручить без генеральной баталии (яко зело опасного дела)...”¹³» [124, с. 261].

---

¹³ Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Ч. XI. С.442. См. также: Письма и бумаги. Т.VIII. Вып.1.С.334–335.

Вероятно, полтавский гарнизон, великолепно зная как присущие ему «качества», так и итоги очередного совещания Петра, бился до последнего, уже вовсе и не надеясь на помощь этой никчемной трусливой душонки, смелой лишь перед беззащитными, которая с огромнейшим, великолепно оснащенным воинством трусливо выжидала в сторонке результата этой неравной смертельной схватки с врагом.

Так значит и не столь силен швед, коль с таким подавляющим численным превосходством так и не смог взять русской крепости?!

Советские источники о численности защитников Полтавы сообщают:

«...гарнизон Полтавы (4,2 тыс. солдат и 2,5 тыс. вооруженных горожан)...» [118, Т. 6, с. 435].

Вот какое количество русских людей не смогла одолеть вся армия шведов, два месяца яростно штурмующая их укрепления.

«Карл XII три раза штурмовал Полтаву, и ничего у него не получилось» [238, с. 104].

Слабым же оправданием Карла служит ожидаемая им поддержка переметнувшегося к нему в лагерь гетмана Мазепы, который так же, как и Петр, дожидался исхода сражения, где шведы победить просто обязаны — ведь у них солдат в десять раз больше (ополченцы не в счет — это полубезоружная необученная толпа).

Но эта «толпа» все же была русской (малоросской), а потому и билась с врагом насмерть, ничуть не уступая русским солдатам, сражавшимся с ними плечом к плечу. В единстве сила, а потому и враг был не просто остановлен, но и разбит.

А полностью подкосивший силы шведского воинства штурм крепости продолжался исключительно из-за редкостного упрямства самого авантюрного полководца тех времен — Карла XII.

Только через два месяца, поняв наконец всю вопиющую беззубость своего противника, а также его необычайную измотанность при затянувшемся штурме, увидев отсутствие у шведов пороха и сильный недостаток иного снаряжения, отбитого до этого под Лесной Шереметевым, Петр, отбросив свое извечно «естественное» желание к ретираде, на этот раз все же решается выступить:

«Со стороны его противников все способствует этому: в конце июня у них истощились боевые припасы, и они остались без артиллерии и даже почти без какого бы то ни было огнестрельного оружия, принужденные сражаться только холодным оружием. Накануне решительного сражения они оказываются без вождя: во время рекогносцировки на берегах Ворсклы, разделявшей две армии, Карл, как всегда опрометчивый и без нужды подвергающий себя опасности, был ранен пулей. “Пустяки, в ногу...” — сказал он, улыбаясь... Но по возвращении в лагерь он потерял сознание, и тотчас, рассчитывая на моральное значение этого происшествия, Петр решился перейти Ворсклу...¹⁴

Прошло, однако, еще десять дней в ожидании нападения, на которое русские не осмеливались. Карл предупредил их...» [16, с. 339].

То есть даже в полностью безвыходной ситуации своего давнего соперника, когда и командовать тот своим безоружным и крайне истощенным воинством из-за ранения уже более не мог, Петр снова был не готов к каким-либо решительным действиям.

Чем же он занимался все это время?

«Петр I во главе русской армии (42,5 тыс. человек) расположился в 5 км от Полтавы. Перед позицией русских войск расстилалась широкая равнина, ограниченная лесами. Слева находился перелесок, через который проходил единственно возможный путь для наступления шведской армии» [149, с. 41].

Почему шведы могли сунуться только через этот самый злосчастный *перелесок*?

Так ведь лезть безоружным, с пустыми пороховницами, напролом через широкое поле было бы, с их стороны, уже полным безумием. На открытой местности сблизиться на

---

¹⁴ *Lundblad*, т. II, с. 118.

ружейный выстрел им не предоставлялось возможности. А как обойти по полю без потерь выставленные неприятелем пушки?

Потому Петр с армией, втрое большей количественно и вооруженной до зубов, решил обрубить шведам даже и эту самую последнюю надежду — сойтись с его армией врукопашную:

«Петр I приказал на этом пути построить редуты (шесть в линию и четыре перпендикулярно). Они представляли собой четырехугольные земляные укрепления со рвами и брустверами, располагались один от другого на расстоянии 300 шагов... За редутами находилась конница (17 драгунских полков)... Замысел Петра I состоял в том, чтобы измотав шведские войска на редутах, нанести им затем сокрушительный удар...» [149, с. 41].

Вся эта трусливая ретирада с окапыванием против втрое слабейшего и имеющего на вооружении лишь холодное оружие противника нынешними историческими источниками поименована как:

«...тактическое новшество Петра...» [149, с. 41].

Так ведь всемером от одного безоружного да еще и за редутами прятаться — это и действительно: *новинка*.

И это все притом, что:

«...Карл пришел с малочисленным войском, и трудно было ему дополнять его из далекого своего отечества, а Петр явился с ратью, вдвое превосходившею силу его соперника. Войско Петра безпрестанно увеличивалось...» [51, с. 659].

То есть уже в самих историях историков указывается на то, что войско Петра, бывшее вдвое большим, постоянно пополнялось. Шведы же еще продолжали атаковать Полтавскую крепость. То есть их число постоянно уменьшалось, появлялось множество раненых. Так что, соотношение сторон, что логически следует из историй этих самых историков, было уже как минимум 3:1. Но Петр все еще чего-то выжидал.

Так на что свалить исторической науке это трусливое выжидание?

На то, что наш «великий», будучи слишком в коленках жидковат, требовал все новых дополнительных пополнений:

«Готовясь к битве, Петр откладывал ее со дня на день...» [51, с. 659].

Он, что выясняется, ждал и еще подкреплений:

«...40-тысячное калмыцкое войско...» [185, с. 422].

То есть тройного численного перевеса над практически безоружным врагом (оставшемся к тому времени без пороха) ему было все ж маловато. Он ждал и еще большего увеличения своих орд.

Между тем, свидетели уже со шведской стороны сообщают, что еще задолго до начала этого странного ожидания армия Петра была много больше той, какую ее рисует сторона «великого гения». Константен де Турвиль:

«Государь Карл вскоре оказался перед печальной необходимостью участвовать в сражении с неприятельской более чем 100-тысячной армией» [392, с. 129].

Так что при посредстве ожидаемых Петром калмыков эта армия могла увеличиться и до 140 тыс.

Калмыки, кстати, что сообщает словак Даниел Крман, к началу Полтавского сражения прибыли. Потому общая численность войск Петра составляла 150 000:

«...100-тысячное регулярное войско и почти 50-тысячное легкое...» [394, с. 108].

И лишь полная инициатива предводителя шведского войска, давно разгромленного малочисленным полтавским гарнизоном, подвела черту под его гегемонистскими планами по отношению к России. Лишь упрямое желание Карла XII вступить в единоборство со своим трусливым соперником довершило это самоубийство, кажущееся теперь столь странным:

«Сражение было просто бешеной схваткой, в которой славные остатки одного из самых удивительных войск, когда-либо существовавших на свете, без оружия, без вождя, без

надежды на победу, окруженные врагами и подавленные их численностью, борются некоторое время только для того, чтобы не покинуть своего короля. Через два часа Карл сам покидает поле сражения...» [16, с. 340].

Безоружные шведы, судя по всему, были просто расстреляны в упор. Вот каковы их потери, доказывающие полное отсутствие какой-либо хоть малой надежды этого воинства, вооруженного лишь холодным оружием, при вступлении в противоборство с многократно превышающим их количественно свежим войском неприятеля, вооруженным до зубов:

«Шведы потеряли всего более 9 тыс. убитыми... потери русских войск составили 1 345 чел. убитыми...» [118, т. 6, с. 435].

То есть произошел расстрел остатков безоружного войска легендарного предводителя, окончательно спятившего от любви к своему собственному «гению». Но, может, Карл, слишком хорошо зная «храбрость» своего оппонента, просто ни на секунду не усомнился, что этот редкостный трус, в данном вопросе никем еще не превзойденный (впоследствии воспетый Лажечниковыми как великий метатель неких таких «гранад»), и на этот раз, по милой своей давно освоенной привычке, все равно сбежит? Ведь повезло ж ему на этого отъявленного труса уж в куда как не менее безвыходных ситуациях: разок под Нарвой и пару раз под Гродно.

Однако же, что еще и куда как более вероятно, Петр бегал и во множестве иных ситуаций, свидетельства о которых просто до нас еще не дошли (под Вильно, например). Потому Карл в бегстве своего оппонента просто не сомневался. А потому и совершил столь на первый взгляд полностью безумный поступок.

А двухмесячный безуспешный штурм Полтавы, что было и естественным, подточил боеспособность шведского войска. Из-за полученных при неудачных штурмах Полтавы ранений более трети шведов в сражении участия принять не могло:

«Общая численность армии Карла XII, по шведским источникам, достигала 27 тысяч человек, из которых непосредственное участие в сражении приняло около 17 тысяч человек» [35, с. 23].

А подошел-то Карл к Полтаве, между прочим, в составе 40-тысячной армии!

То есть шведы, следуя логическим вычислениям из имеющихся данных о количестве воинства неприятеля, оставили под стенами этого слишком для них злого города 13 тыс. убитыми и 10 тыс. ранеными, которые ко времени Полтавского сражения еще не успели вернуться в строй.

На что надеялся противник, на подступах к маленькой русской крепостце оставивший к тому времени более двух десятков тысяч мертвецов и калек?! Куда ему было лезть на армию, большую этого малюсенького гарнизончика в десятки раз?!

«Русские (Петр I) — 60 000 человек (без иррегулярных войск), 102 орудия» [53, с. 70].

А с *иррегулярными*, стало быть, так и все 100 000. То есть даже по официальным данным войска Петра, в сравнении со шведским, нападавшей стороне победы ни при каких раскладах не сулило. И это, вновь заметим, — как минимум. То есть Петр имел здесь шестикратное, а то и восьмикратное над своим врагом численное превосходство!

Но Карл был просто уверен в ставшей уже давно привычной поистине нечеловеческой, какой-то просто патологической животной трусости Петра. Лишь она одна была просто обязана вернуть Карлу уважение Европы, поверженной им ниц.

И вот многократно превосходящей противника армии Петра, вместо вполне понятной в данном случае для шведов ретирады, было вдруг навязано это нигде не виданное по безумству и самоуверенности столь теперь выглядящее непонятным сражение:

«Против четырех шведских орудий были выставлены восемьдесят два русских (а по другим данным сто двенадцать)» [15, с. 385].

По другим данным и у шведов было не четыре орудия, а только два. Но ведь даже и те — без пороха...

Вот что об этом сообщает графу Пиперу в своем повествовании о Полтавском сражении Гилленкрюк — правая рука Карла XII в том походе в Россию:

«...у нас нет ни ядер, ни пороха, как для малых орудий, так и для пехоты, и все выстрелы, теперь нами слышимые, принадлежат неприятелю, а не нашим. По этой причине мы теряем много людей...» [357, с. 101–102].

Таково было у шведов на тот момент наличие пороха в пороховницах.

Но Петру повезло, а то бы опять сбежал: совершенно случайно, на рекогносцировке, Карл получил серьезное ранение. А потому исход этого сумасбродного поступка шведского короля был заранее предreshен.

Но Петр и здесь до самого конца оставался верен себе. Сам помышляя лишь о бегстве, пытался изобличить в этом же и все свое вполне достойное своего «гения» творение — очень уж ненадежное эрзац-аника-воинство:

«...даже располагая крупным превосходством в людях и вовсе уж подавляющим превосходством в артиллерии, Петр применил “новинку” — *впервые* в русской военной истории появились расположившиеся в тылу наступающих *заградительные отряды*, которые получили от Петра приказ стрелять по своим, если те дрогнут...» [15, с. 385].

И это является тем единственным, что следует отнести к личному вкладу Петра «Великого» в искусство, именуемое «воинским». То есть и здесь единственным новшеством, принадлежащим лично нашему «дивному гению», является один из элементов построения карательного аппарата. Ведь именно по данной карательной части опытом Петра затем прекрасно воспользуются все наследующие ему злодеи веков грядущих: и Ленин, и Троцкий, и Сталин, и даже Гитлер.

Вот еще отблеск сугубо петровского толка творенья, о чем спешит сообщить нам Соловьев:

«...когда в губерниях рекрут сберут, то сначала из домов их ведут, *скованных*, и, приведши в города, держат в великой тесноте по тюрьмам и острогам...» [124, с. 446].

Но вот и до антихристового клейма добрались:

«...захватив рекрута...» [14, с. 99],

петровские птенчики:

«...делали на кисти правой руки татуировку...» (там же).

Просто гениальнейшим изобретением Петра было:

«...клеймить своих подданных как скот...» (там же).

«...в дороге приключаются многие болезни, и помирают безвременно, другие же бегут и пристаю́т к воровским компаниям, ни крестьяне и ни солдаты, но разорители государства становятся. Иные с охотой хотели бы идти на службу, но, видя с начала над братией своей такой не́порядок, в великий страх приходят (из доклада Военной коллегии Сенату, 1719 г.)» [15, с. 386].

А потому:

«...в 1718 году по армии числилось 45 тысяч “недобранных рекрут” и 20 тысяч в бегах» [14, с. 100].

«Недобранных» — значит умерщвленных «птенчиками» при захвате, транспортировке и «хранении».

Причем, это сводка всего лишь за год!

И вот как был устроен Петром этот просто немыслимый на Руси до той поры конвейер смерти:

«...если рекрут умирал на сборном пункте, его деревня или посад обязаны были поставить другого, точно такого же... и государство ничего не теряло, получая нужный ему “винтик”» [14, с. 100].

Теперь понятно — каким же это образом Петру удалось уничтожить половину мужского населения России!

А ведь эту ужасающую цифру мы почему-то никогда недооценивали: лес мол рубят — щепки летят. Ведь в Великую Отечественную войну в качестве воинов, убитых на полях

сражений, мы потеряли всего 8% своего мужского населения (см.: [228], [229], [230]). И этот процент потерь был просто ужасающим: с войны, по свидетельствам очевидцев (а не всякой чухонской шушеры, сегодня про нее басни изобретающей), в сельской местности не вернулась и половина (город потери имел много меньше из-за занятости многих на оборонных предприятиях). Так кто ж возвратился домой после того, как побывал на изобретенных Петром «забавах»? Половина мужского населения! Это 0 целых 0 десятых процента!!!

И спасся от затей этого людоеда лишь тот, кто вовремя умахнул в бега...

Но какая-то часть из свеженабранных рекрутов в ряды армии супостата все ж вливалась. И хоть меченые солдаты антихриста шли в бой без кандалов, желания стать убитыми было что-то уж слишком маловато. Ведь они были все же русскими, а потому прекрасно осознавали, куда они теперь после смерти попадут после того, как получили на руку отметку зверя.

Однако ж здесь, в Полтавском сражении, им рисковать собою не пришлось. Безоружные, голодные, изорванные в долгом походе шведы лезли под жерла пушек и умирали, словно мухи в осеннюю пору. И их безнаказанно расстреливали в упор многократно количественно превосходящие числом жандармские части Петра, помеченные его печатью — печатью антихриста.

Но ведь даже и здесь, что самое интересное, вновь все обошлось без этого воспетого историками «славного гения»:

«Всею русскою армиею командовал фельдмаршал Шереметев...» [51, с. 660].

Где же был в это самое время Петр? Может быть, он командовал атакой кавалерии или столь любимейшей ему пушечной пальбой?

Командовали:

«...артиллерией — Брюс, правым крылом — генерал Ренне, а левым — Меншиков» [51, с. 660].

То есть даже и эта вроде бы и выигранная Петром баталия о личном его в ней участии вообще ничего не говорит! И очень может быть, что и здесь он не приблизился к шведам и на пушечный выстрел.

Однако ж во все тех же аллегорических пиитоупражнениях по историческим изысканиям петрообожателей, кое-что находим. Соловьев:

«Петр распоряжался в огне, шляпа его и седло были простреляны» [124, с. 262].

Но имеются и иные версии, где пуль, неизвестно кем выпущенных, из Петра понавыковыривали и еще больше.

Костомаров:

«Сам Петр участвовал в битве, не избегая опасности: одна пуля прострелила ему шляпу, другая попала в седло, а третья повредила золотой крест, висевший у него на груди» [51, с. 660].

Но вот и про четвертую, пятую и многие иные пули, что и еще более «обезжиривает» эту оду про героические подвиги воспетого в веках кумира аристократии, присказка также имеется. И не менее удивительная. Наш «Великий», как сообщают очередные «очевидцы» (вроде Костомарова с Соловьевым), захлеб теперь «пересказывают» ими «увиденное» (то бишь принесенное сорокой на хвосте), как, мол, Петр:

«находился посреди огня во все время сражения и как платье на нем, были прострелены **во многих местах**» [189, с. 50].

Хороша сказочка...

А в особенности, если учесть, что шведы сражались лишь холодным оружием: *порох в их пороховницах давно закончился!* То есть при всем на то шведов желании выпулить эти самые со всех сторон якобы поиздырявившие Петра пули было просто нечем...

Но для петрофильных одосоставителей это не в счет. Ведь их не волнует, как это все на самом деле было: правда, как они сообщают, здесь вовсе не главное. А что все ими

изобретенное является ни с чем не соотносящимся враньем, так то не беда: главное чтоб красиво было. Чтоб в одах и балладах прославлено на века:

«В то время, ободряя своих воинов, он сказал знаменитые слова:

— Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное... а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, слава, честь и благосостояние ея!..» [51, с. 660].

Однако ж на самом деле, когда писался данный памфлетец, совершенно не оказалось учтено, то совершенно незначительное обстоятельство, где в момент этой схватки находился сам Петр. А так как он даже и «при исполнении» не зафиксирован, то следует думать, что наш «дивный гений» и на пушечный выстрел к этой все же случившейся баталии не подходил: «суть опасно». Ведь у шведов имелось целых две пушки (правда, без пороха). Потому «газарт» «преобразователю» следовало все ж по возможности смирять. Что, судя по результатам баталии, ему прекрасно и удалось: Петр дрожал от страха на почтительном от сражения расстоянии.

Кстати, вот как в пику к поиздырявленному в решето одеянию нашего «Великого» выглядело и участие его главного во всех этих липовых победах вспомогателя:

«И тебя, Меншиков (Mezyku), краса воинства, трудно забыть: смело стоял ты в этом хаосе: под тобой убито три коня...» [318, с. 1–9].

А чтобы убить коня тут пули—другой — маловато будет. Ведь он большой. Пусть пока не слон, но все-таки...

То есть шведы, в речах фальсификаторов, вероятно еще не знавших, что тем и пули свои выпуливать давно уже не чем было — порох давно закончился в пороховницах, поиздырявили в своих виршах не только самого Петра, но и его подручного. И до такой просто вопиющей степени, что уже лишние пули здесь прилепливать оставалось просто не к чему — если только их одну в другую обоймами запускать.

Но вот просто не по здоровому очумевший от любви к себе, то есть к загранице, враг безнаказанно расстрелян. И уже оставил на поле этой односторонней бойни с десятков тысяч трупов. И если бы у Петра хватило самообладания хоть раз в жизни довести дело до конца, пленив Карла, уже давно обреченного на поражение, то тогда опять, как под Нарвой, война могла быть победоносно завершена!

Однако же Петр, явившись после драки из своего укрытия, все ж сумел полностью запороть и в этой бойне достигнутый результат. При виде такого грандиозного количества крови, вместо вполне обыкновенного завершения всей этой столько лет бездарно тянувшейся военной эпопеи, когда пленение врага было уже предreshено, он устроил грандиознейшую попойку на костях. Ведь если искусство воевать так и не стало, несмотря на безчисленные потуги, избранной им стезей времяпрепровождения (улепетывал он всегда до самого первого совершенного одной из сторон пушечного выстрела), то по части фанфар и дифирамбов — тут другое дело:

«На поле битвы в тот же день Петр устроил пир...» [51, с. 660].

«Петр, охваченный эйфорией “о зело превеликой и нечаемой виктории”, сначала отметил победу...» [53, с. 71].

Похмельный Петр вспомнил про Карла лишь на следующий день.

А Карл бежал, между прочим, вместе с казной. И не знать про это Петр не мог!

Так почему же он так бездарно поступил?! Даже обыкновенная алчность не могла бы позволить случиться такой вопиющей оплошности!

Этот для нас удивительно странный пир на костях, столь непонятный для обыкновенного человека, легко объясним не вполне нормальной страстью Петра к запаху крови вообще. Как уже говорилось, свою практически прямую дорогу из Кремля в Преображенское, через Сретенку, он еще в бытность начала своих «славных дел», при сооружении пыточных казематов Преображенского, заменил заездом своего царственного кортежа на Мясницкую. Где запах крови от Поганых Луж навевал столь приятные для его некрофильской природы мысли.

А потому именно у Мясницкой Меншиков соорудил свою знаменитую башню, попутно вычистив Поганые Лужи и переименовав их в Чистые Пруды. Данный факт указывает на то, что хоть и был он масоном и вором, но звериных взглядов Петра не разделял. А потому и кровавые лужи повелел вычистить, и первым, между прочим, бросился в погоню за убежавшим Карлом. Над кровавым месивом из трупов тысяч безоружных шведов он, в отличие от своего патрона, некрофилией не страдая и колдовать на крови отнюдь не вознамериваясь, в силу присущей ему алчности, больше интересовался увезенной Карлом казной, а потому за ней и пустился в погоню. Но было уже поздно — Карл успел уйти.

Петр же, добив полулежачего на земле врага, и без него давно побежденного другими, возмнил себя великим полководцем. Потому и завел все свое войско в окружение, где драться с неприятелем, на этот раз с турками, опять испугался и откупился без боя, как всегда спасая самое драгоценное, что он когда-либо имел — свою жизнь. Эта его новая безславная прогулка, закончившаяся полным конфузом, стоила нашей державе отдачи обратно своему лютому извечному врагу с таким трудом завоеванного у него Азова, уничтожением построенного в результате варварской вырубке воронежских дубовых лесов флота, иными территориальными уступками и очень немалой денежной контрибуцией.

«Отступление было невозможно. Приходилось выбирать между пленом и смертью.

Петр, по словам одного из свидетелей, думал и на этот раз лишь о своем личном спасении» [16, с. 351].

И вот как «храбро» вел себя при этом Петр:

«Как рассказывали мне (очевидцы), царь, будучи окружен турецкою армиею, пришел в такое отчаяние, что как полоумный бегал взад и вперед по лагерю...» [293, с. 315].

Воевать же, что и понятно, он вовсе не вознамеривался, но лишь трясся от страха в надежде куда-нибудь сбежать. Причем, на этот раз даже не один, но с избранной им себе жены, для очередного кощунства — кровосмесительного греха, духовной дочерью своего сына (его любовницу крестил Алексей, сын Петра, а потому отчество у нее и было — Алексеевна):

«Петр помышлял уйти из стана вместе с Екатериною... Предложение было предводителю молдавского войска Никульче взять на себя обязанность проводника царских особ. Никульче не взялся за это, находя невозможным избежать турецких сил, окружавших стан» [51, с. 672].

То есть и вновь: Петр, готовый бросить как свое, так и молдавское войско на произвол судьбы, был озабочен лишь спасением своей собственной шкуры:

«...Петр до такой степени перепугался, что послал Петра Шафирова в лагерь турок с приказом: получить мир любой ценой. Любой...» [14, с. 105].

Но вот какова была на это реакция в стане неприятеля:

«...турки не ожидали, что русские запросят мира. Они даже сначала заподозрили здесь какую-то военную хитрость. До начала переговоров они совсем не считали себя победителями» [190, с. 278].

А ведь и действительно. Чего так нешуточно перепугался Петр? Ведь его армия, по свидетельству Моро-де-Бразе, имела численность:

«...79 800 наличного войска» [371, с. 389].

Мало того:

«Здесь не считаю 10 000 казаков и 6 000 молдаван...» (там же).

То есть почти стотысячная армия врага, преодолев огромные расстояния, пришла на турецкую территорию, грозя и еще сильно увеличиться от пополнения здесь проживающими в плену у турок православными народностями, только для того, чтобы, лишь еще завидя неприятеля, безславно сдаться?

И действительно, в такое туркам что-то уж больно мало верилось. Но это было так.

А турки, завидя безчисленное воинство врага, что и вполне для них естественно, уже и сами помышляли — как бы им, улучив момент, произвести ретираду незаметно от неприятеля. Или, если не удастся, хотя бы сдаться на приемлемых условиях.

То есть обе армии готовы были разбежаться в разные стороны. Но первым из них, что и естественно для всех его «баталий», предъявил свой *естественный* испуг Петр: по части трусости его мировое лидерство всегда являлось неоспоримым. Так и здесь — он испугался на мгновение раньше своего врага, что и сгубило нашего всеми историками прославленного якобы величайшего всех времен и народов воителя в очередной раз.

Этой его безславной теперь уже Прутской эпопеей Россия вновь была отброшена на полстолетия назад. Но могла бы потерять куда как больше. Ушедший на переговоры Шафиров имел полномочия в обмен на жизнь самодержца предложить:

«...возвращение всех областей, завоеванных у Турции во время прежних войн, возвращения Швеции Ливонии и других прибрежных областей, кроме Ингрии и Петербурга (Петр готов был уступить Швеции вместо Петербурга Псков и другие города в сердце России!)¹⁵, восстановление Лещинского, военную контрибуцию, подарки султану» [16, с. 354].

«Сохранилась записка Петра Шафирову: “Стафь с ними на фсе, кроме шклафства (то есть кроме рабства — А.Б.)”¹⁶» [14, с. 105–106].

Насмерть перепуганным «преобразователем», со слов историка Соловьева, чья расположенность к Петру всеобща известна, обещалось:

«1) Туркам все города завоеванные отдать, а построенные на их землях разорить...

2) ...о шведах станут говорить, чтоб отдать все завоеванное... уступить, кроме Ингрии, за которую, буде так не захочет уступить, отдать Псков, буде же того мало, отдать и иные провинции...» [124, с. 370].

То есть полномочий в ограничении раздаче врагам русских земель уходящий на переговоры еврей Шафиров не имел! Так что Псков, Новгород, Смоленск (а, может, и саму Москву) Петр готов был уступить лишь за одно единственное самое с его точки зрения наиболее драгоценное: сохранение собственной жизни...

А нам все про какие-то там невразумительные: ковали, строили...

Даже исконно русские города готов был сдать неприятелю без боя наш «великий» — своя собственная жизнь была ему значительно дороже!

Так что ж лез, не зная броду?! Сидел бы себе дома, коль для войны оказался в коленках жидковат!

А зачем лезли в Варшаву его двухсотлетней давности «славных дел» последователи?

Им тоже, как и ему, мировой революции захотелось. Вот и сунулись — да не тут-то было...

Да, ситуация у Петра была тяжелая. И он, что и понятно, за сохранность собственной шкуры был готов отдать вообще все, что в тот момент от него ни потребовали бы.

«Фактически это была установка на мир любой ценой» [190, с. 279].

А он и отдавал все. В договоре также значилось, что:

«3) ...Польше возвратит Украину Польскую, а также Эльбинг и другие города им захваченные.

4) Выведет без изъятия все полки, находящиеся в разных частях Польши, и впредь ни под каким предлогом и ни в каком случае не введет их обратно» [371, с. 415].

То есть и Малороссию, и Белоруссию, иные западные уже великорусские области отдать был готов, и южные только что присоединенные провинции с выходом в Черное море — все отдавал Петр, лишь бы сохранить самое у него имеющееся драгоценное — свою жизнь. То есть согласен он был на любые условия, «кроме шклафства».

Но Петру повезло:

«Шафиров вернулся, получив мир совсем даром...

¹⁵ Geschichte d. Osmanischen Reichs, 1828, т. VII, с. 157.

¹⁶ Война с Турцией 1811 г. Прутская операция / Сб. документов под ред. Мышлаевского А.З., СПб., 1898.

По свидетельству Ластнера, справлявшегося в турецких источниках, стоимость бакшиша, полученного великим визирем и разделенного им с Кегаем, не превышала 200 000 рублей...» [16, с. 354].

Ну не совсем все-таки рублей, как сообщает Моро-де-Бразе:

«200 000 червонцев золота и вещей, обещанных бароном Шафировым великому визирю» [371, с. 410].

Но не только обещанных, но и отданных, совместно со всеми вышеперечисленными областями. Моро-де-Бразе умиляется такому неожиданно успешному окончанию этих переговоров, позволивших сохранить в целостности в том числе и его собственную иноземную лишь в погоне за дурными деньгами в лагерь Петра залетевшую шкуру:

«Таковы были условия мира, столь полезного и столь нужного для славы его царского величества. Прибавьте к тому и 200 000 червонцев, подаренных великому визирю (что подтверждено мне было... пашою)» [371, с. 415].

Прибавим. А потому вот что следует в итоге сообщить об этой очередной «героической» военной эпопее Петра, произошедшей в интерпретации Моро-де-Бразе «для славы его царского величества». Выражаясь словами английского посланника Джемса Джеффриса:

«...на реке Пруте только мошенничество великого визиря спасло его от полной гибели»¹⁷» [207, с. 129].

И, добавим к сему высказыванию Джеффриса, необычайная дружба с Шафировым иностранцев. Вот как характеризует эту втершуюся к Петру в доверие темную и лукавую личность французский дипломат маркиз де ла Шетарди:

«Барон Шафиров — лучшая голова во всей России: его употребляют, по необходимости... но он продажен... Почему к нему нет никакого доверия» [410, с. 4].

А вот что сообщает о нем Берхгольц. Когда Петр решил прибрать к рукам все награбленное в нашей стране этим хананеом, то как Запад (так и Восток в лице, например, тех же великого визиря с Кегаем):

«...терял в Шафирове искреннего и преданного друга. Иностранцы не скоро дождутся вице-канцлера, которым будут так довольны, как были им» [317, с. 27].

Вот как был полезен Шафиров за границей. И вот почему поручение договориться с «врагами» было поручено именно ему. И вот, в конце концов, почему этот договор не обошелся Петру слишком дорого.

А ведь и вправду: шкура зверя из-под ножа нависшей над ней гильотины выскользнула действительно — практически задаром! Потому как бездарная победа в бездарно ведущейся так называемой Северной войне, десятилетием позже, закончилась и еще более бездарным «миром» с побежденной стороной. Вот насколько был в то время «высок» уровень петровской дипломатии:

«Оккупированные русской армией в ходе войны территории страны Суоми возвращались Стокгольму» [53, с. 95].

То есть без единого выстрела лишь росчерком пера целая страна отвоеванная у неприятеля потом и кровью русского налогоплательщика, в том числе плательщика рекрутской повинностью — самой кровожадной из всех иных, весьма милостиво отдавалась ему обратно!

Что, между прочим, сводило столь упорное и столь людоедское строительство на гнилых болотах Невы к нулю. Ведь поставка сюда из внутренних районов России всего жизненно необходимого для поддержания жизни в этом гнезде иноземнобесия, устроенном Петром, обходилось крайне дорого. А потому и не имело никакого смысла. И лишь приобретенная здесь под боком Финляндия способна была решить проблему с обеспечением Петербурга дешевыми продуктами питания для строящегося здесь города мегаполиса. Потеря же ее сводила все понесенные здесь колоссальнейшие жертвы на нет.

---

¹⁷ James Jeffenies to the right honourble m. secretary Graggs. Reval, July the 22-nd o. s. 1719. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, с. 568–569.

Так за что ж, в таком случае, воевал все это время Петр?

«В самом деле, эта умеренность Петра I казалась непонятною для всех... Так как Петр I решился уже раз сделать своим постоянным местопребыванием и столицей своего царства Петербург, до сих пор еще получающий большую часть необходимых потребностей из Финляндии, завоевание этой страны было царю гораздо нужнее и значительнее Ливонии...» [301, с. 57].

Однако ж взять так просто и отдать самую на тот час важную для его же города местность. А затем тужиться — отстраивать систему переправки в одностороннем порядке средств существования Петербурга через многочисленные речные протоки и болота, то есть практически пустынную местность, из внутренних провинций страны.

Но этим подарки «Преобразователя» отнюдь еще не ограничивались — побежденным требовалось выплатить и контрибуцию за понесенный моральный ущерб!

«За Ливонию и Моонзунд Россия секретным артикулом обязывалась выплатить 2 миллиона рейхсталлеров (1,5 миллиона рублей)» [53, с. 95].

Вот еще свидетельство об этом позорном мире, купленном просто астрономической суммой денег, вышибленной из российского налогоплательщика всеми виданными и уже просто доселе невиданными способами, отчего число этих налогоплательщиков уменьшилось вдвое:

«...император по заключении мира уплатил Швеции 2 000 000 рублей за Ливонию...» [372, гл. 19, с. 282].

Таким образом, сумма, которую он столь страстно желал отдать побежденным десятикратно превышала сумму, отданную за свою шкуру турецкому визирю и Кегаю в качестве бакшиша (однако ж и эта позорная сумма историями историков сильно занижена в пользу «преобразователя»). То есть в сравнении с этим подарком побежденной Швеции и действительно: Петр из турецкого плена был отпущен просто задаром!

Так кто ж победил в войне России со Швецией?

Но и этим еще не заканчивались все чудеса, которыми венчалась в данной войне эта странная «победа». Петр соглашался на условия, которые позволяли бы Швеции приобретать Россию в качестве своей заморской территории — колонии. То есть сам этот «преобразователь» — «дивный гений» — совал голову своей державы в подъяремную кабалу как бы так только что «побежденной» им страны:

«Шведы также получали право беспошлинного вывоза русского хлеба на 50 000 рублей в год и на 100 000 товаров, ассортимент коих скандинавы определяли сами» [53, с. 95].

То есть хозяевами своей страны после этого пресловутого «мира», венчающего петровского толка «победу», мы уже больше не являлись...

И вот откуда у столь поразительно безтолкового «договора» ноги растут. В те времена, что выясняется:

«У Петра зародился спорт, — пишет Ключевский, — охота вмешиваться в дела Германии. Разбрасывая своих племянниц по разным глухим углам немецкого мира, Петр втягивался в придворные дразги и мелкие династические интересы мелкой паутины...» [238, с. 102].

И вот чем закончилась эта мышьяная возня:

«Германские отношения перевернули всю внешнюю политику Петра, сделали его друзей врагами... Так главная задача, стоявшая перед Петром после Полтавы... разменялась на саксонские, мекленбургские и датские пустышки...» Кончилось это тем, что Петру... пришлось согласиться на мир с Карлом XII» (там же).

Мало того:

«Петр обязался помогать Карлу XII вернуть ему шведские владения в Германии...» (там же).

То есть «победитель» не только отдавал большую часть завоеванных территорий обратно, не только выплачивал «побежденным» баснословную сумму, не только

подставлял проигравшим войну шведам свою страну для разорения, делая из нее колонию, но еще и соглашался лить русскую кровь за только что «побежденного» врага?!

Такой-то вот *сумасшедшинки* при завершении военного конфликта — уж и точно — мировая история просто не знает!!!

А в какую сумму обошелся теперь подлежащий уничтожению Черноморский флот?! А в какую два похода на Азов?! А черноморские крепости, стоявшие тысяч загубленных Петром русских жизней?!

«А за это Московия срывала все свои крепости на Черном море, в том числе такие большие, как Таганрог и Каменный Затон, отдавала Турции Азов, обязалась не вмешиваться в дела Польши и не держать флота на Черном море, а корабли, построенные под Воронежем и с таким трудом выведенные из Дона, сжечь» [14, с. 106].

Потому даже Дашкова высказалась об итогах всей его деятельности следующими словами:

«...тиран, кого иностранные писатели, по невежеству или недобросовестности, провозгласили создателем великой империи, которая, однако, до него играла роль гораздо более великую, чем при нем самом!» (Дашкова, 1780) [46, с. 161].

Так что по любым меркам деятельность Петра в военной сфере ничего хорошего России не принесла: лишь превратила ее в колонию столь им любимой за границы.

«Приходится признать, что в отношении армии Петр сыграл роль парового катка. Его действия скорее следует называть не столько “реформой”, сколько “ломкой”, “разрушением” или “взрыванием” — так будет значительно точнее» [14, с. 100].

Так что с сухопутными «подвигами» царя-супостата мы теперь разобрались достаточно основательно. Рассмотрели и саму суть и даже приблизительное количество наломанных им «дров». Теперь о методах проковыривания этого самого пресловутого куда-то там уж больно на тот день якобы необходимого «окна».

Война на море и за морем

Между тем о морских баталиях эрзац воинства Петра, и здесь более чем потешного, можно сказать все то же самое.

Но сначала о самом Русском флоте, основателем которого якобы является Петр. Вот одна из саг того времени, когда приставленные Екатериной II к русской истории немцы исправно на заказ сочиняли свою вариацию истории России. Вот что они сообщают о нашем московитском варварстве якобы бытовавшем у нас в допетровскую эпоху:

«Россия тогда не имела еще ни одного корабля на море и ей вовсе не известно было кораблеплавание» [189, с. 10].

То есть не только кайла каменного-де, не имела, но и понятия о нем! Ну, это уже что-то принципиально новенькое. Хотя и не совсем: данный «труд» увидел свет еще в незапамятном 1788 году.

Однако же куда как более справедливым на эту тему является все же следующее мнение:

«Петр вовсе не создал русский флот, и, если бы на свете существовала справедливость, именно об этом сегодня повествовали бы все учебники» [14, с. 108].

Одной из первых сказок, приписанных «реформатору», является им якобы прорубленное некое такое «окно в Европу». Однако же прекрасно известно, что:

«...рыболовный и торговый флот в Московии XVII века был. Поморские лодии-кочи добирались до Англии и Шпицбергена, а могучие каспийские бусы ходили в Персию и Азербайджан» [14, с. 108–109].

Так что безграмотность немцев, изобретших свою о нас ну уж вовсе не остроумную версию, просто шокирует: в погоне за обещанной им мздой от изобретения сказки о

России они выглядят теперь более чем нелепо. Но мы их вовсе не собираемся в чем-то оправдывать. Чужая глупость особенно заметна тогда, когда людьми, в погоне за гонораром, теряется вообще чувство всякой меры. Причем, выясняется, что они не ознакомлены даже с сочинительствами своих собственных авторов. Вот, например, что сообщает о способности передвижения по морю автор трактата XII в. немец Гельмольд.

Когда вновь был отстроен сгоревший до этого в прошлом славянский город Любек:

«...отправил герцог послов в города и северные государства — Данию, Швецию, Норвегию и Русь... чтобы они имели свободный проезд [морской, понятно, дело: из Швеции и Норвегии иного и быть не может — А.М.] к его городу Любеку. И установил здесь монету и пошлину и самые почетные городские права. И преуспевал с этого времени город во всех делах своих, и умножилось число его жителей [в том числе и за счет переехавших сюда через море в этот морской порт русских купцов — А.М.]» [423, с. 196–197].

Вот еще эпизод о наличии у славян кораблей на Балтике. В данном случае тем же Гельмольдом сообщается уже о способе борьбы славян Померании, понятно дело, более чем привычных к мореходству, против засилия немецких, что выясняется, чисто сухопутных варваров.

Славяне, не видя возможности отбиться от превосходящих сил врага:

«...скрылись в лесах, посадив семьи свои **на корабли**» [423, с. 200].

Те самые, которых у них, что талдычат нам немцы со своими о нас историями по истории, якобы в наличии отродясь не бывало. Очень смешная шуточка.

Вот еще фраза Гельмольда:

«Бирка же — самый знаменитый город готов, расположенный в центре Швеции... куда обычно имеют обыкновение собираться для различных торговых надобностей все **корабли** данов, норвегов, а также **славян**, сембов¹⁸ и других народов Скифии» [424, с. 334]; [423, с. 50].

Так что флот и, причем, именно на Балтике, у нас, о чем сообщает немецкий писатель еще XII века, очень даже имелся. Потому-то купечество наше зазывали на жительство даже в немецкий морской порт Любек. И потому в его окрестностях славяне, дабы спастись от немецких сухопутных варваров, садили свои семьи на корабли и спасались от них в открытом море. А рискнули бы они это сделать, если бы их враги имели пусть и захудалый, но какой-либо мало-мальски пригодный для плавания по Балтийскому морю флот?

Да никогда.

Причем, что свидетельствует все тот же Гельмольд, наши корабли, что было куда как и еще много ранее, посещали и Швецию. Своих же земляков, среди ознакомленных с наукой кораблевождения в акватории Балтийского морского бассейна, он, отметим, не упоминает вовсе. Вот еще очередное свидетельство о беспочвенности придуманной немцами истории о своем-де господстве на Балтике:

«Показательно, что в списке народов у Гельмольда... “готы” как таковые отсутствуют, а Готланд в “Хронике” ни разу не упомянут» [425, прим. 36 к с. 274].

То есть германец еще тех времен являлся исключительно сухопутным варваром, в чем сам, в лице хрониста Гельмольда, и признается. Лавры торгового острова Готланда ему явно были приписаны много позднее.

Потому германец тех времен мог довольствоваться у попавших в его лапы неприятелей пока лишь отобранием земли и свободы. Знания он будет у них отбирать и присваивать себе лишь много позже. Тогда же и историю переписет под себя. Тогда и остров Готланд произведет в центральный пункт якобы существовавшей в те времена торговой республики Ганзы. Пока же, заметим, в середине XII в., ни о каких плавательных средствах, имеющихся в наличии у его соотечественников, в его многотомном весьма

---

¹⁸ Сембы — балтийское племя. См. Adam, II, 22.

пухлом фолианте упомянутым не оказалось. То есть немец, что подтверждается им самим же, был в те времена лишь грязным сухопутным варваром.

Потому Петр никаким первооткрывателем в области русского мореплавания быть просто никак бы и не мог.

Понятно дело, впоследствии, оказавшись отрезанными от Балтики, наши суда временно исчезают с этого моря. Однако ж, что выясняется, не насовсем. Вот что об их наличии сообщает в эпоху, предшествующую петровской, швед Кильбургер:

«...часть товаров, идущих через Восточное море [Балтику — А.М.]... привозится самими русскими прямо в Россию **на своих ладьях из Швеции...**» [204] (с. 122).

Так что первооткрывательство в данной области Петра является самой настоящей ложью — ничем более.

Конечно же, ряд преимуществ перед нашими бусами и кочами, хорошо известными нам по Белому и Каспийскому морям, Сухоне и Волге, имели и голландские суда. Но это больше относится к специфике тех морей, где ими пользовались. В наших же северных водах, что и понятно, более предпочтительно было иметь корабли все же отечественной постройки. Между тем, пусть наши суда в ту пору еще и не пересекали воды океанских просторов, но даже на своих достаточно небольших морях мы использовали самые крупные корабли среди всех тех, которые имелись на тот день в мире:

«...испанский галеон, легко ходивший через Атлантику, не на много лучше снаряжен и, уж конечно, не крупнее каспийского буса...

...кто, собственно, мешал Петру совершенствовать русский флот, не уничтожая его?..» [14, с. 109].

Но антихристу, судя по всему, флот был вовсе не нужен. Ему требовалось создание очередной стройки века, где можно было бы извести как можно больше народа — другого объяснения им спроторенной глупости просто нет!

«Московский флот приказано было уничтожить, и его не стало. После этого на Каспийском море долгое время не было никакого флота — ни торгового, ни военного» [14, с. 110].

И вот в чем заключается вся уже и изначально запланированная тщета всех усилий для воссоздания какого-то такого морского гения Петра:

«Все флоты, построенные Петром, сколочены в ударно короткие сроки **из сырого леса...** и представляли собой еле держащиеся на поверхности воды плавучие гробы» [14, с. 110–111].

Спрашивается, почему ж не подсушить-то лес? Куда гнали? Зачем спешили?

Все это смахивает на «большой скачек» Мао Цзэдуна, когда в одночасье перестреляли всех воробьев, после чего гусеницы сожрали весь урожай.

То есть на революцию. А она ведь никогда не объясняет последовательность производимых ею действий: она просто рубит, все что под руку попадает. Потому и щепки летят.

И если петровский флот, ежегодно подновляемый сотнями вновь отструганных кораблей, быстрее успевал сгнивать, чем дойти до поля сражения, то вот какой срок годности имел флот, например, у англичан:

«В английском флоте, громившем Наполеона под Трафальгаром в 1806 году, были суда, помнившие времена Петра» [14, с. 111].

Таков был срок службы кораблей, думается, и в нашем Каспийском или Северноморском флоте. Но, что и естественно, до появления на русских многочисленных верфях этого самого «реформатора». При его же «передовых» методах строительства это предприятие:

«...выливалось в такую копеечку, что плавучий гроб из сырого дуба и со сроком службы в пять лет получался как бы отлитым из золота» [14, с. 112].

Но был и еще вариант перевода усилий и средств. Ф.Х. Вебер, например, указывал, что:

«...все корабли строятся русскими там из пихты или ели, и они способны находиться в воде лишь считанные годы» [281, с. 59].

Потому этот материал, впоследствии, сменили дубом, сырым, понятно дело. Потому такая замена сырья увеличить живучесть этих плавучих гробов конечно же не могла.

Именно по этой причине:

«...через пять лет, так по-настоящему и не освоив не только море, но даже маленький залив, русский флот практически исчез. В 1711 г. в плавание могли выйти лишь несколько судов» [53, с. 135].

Так на чем же, в таком случае, вел свои морские сражения Петр, о которых истории историков нам всю плешь проели?

«...в 1715–1718 гг... все российское военное кораблестроение сконцентрировалось в Петербурге. Здесь каждый год, взамен потерянных и сгнивших, собиралось большое количество разных гребных судов. Но это были небольшие примитивные конструкции...» [53, с. 162].

Но даже примитивные галеры, которыми лишь единственными мог бы похвастать Петр, стоили здесь, в отрыве от центральных областей России, баснословно дорого.

О чем свидетельствует Перри:

«...несмотря на то, что рабочий труд ценится дешево, и что канаты, веревки и весь железный материал получается из России, корабли эти обходятся так дорого, что дешевле было бы выписывать их готовыми из Англии» [327, с. 29].

А как же все им понастроенные в невероятнейших количествах верфи? Куда подевались еще и там в невероятнейших количествах наструганные корабли?

Да. Они ежегодно сжигали:

«...от четверти до трети госбюджета...» [53, с. 174].

Но вот проку-то от них...

«Азовский флот сгнил, так ни разу и не вступив в бой с неприятелем... А эскадры Балтийского флота нанесли противнику столь непропорциональный моральный ущерб в сравнении с усилиями, потребовавшимися для обзаведения ими, что отечественная историография по сию пору стесняется этой статистики. За весь период боевых действий петровские моряки сумели вырвать из рядов врага всего один (!) линкор...» [53, с. 174].

Да и тот, небось, сел где-нибудь на мель. Потому и попал, чисто случайно, в полон к петровским потешникам.

Уже за год до смерти Петра:

«...из всех огромных 70–90-пушечных линкоров, во множестве построенных “царем-шхипером” на выколачиваемые из нищих мужиков последние копейки, в море из базы всего только несколько раз выходил только один. Остальные сгнили...» [53, с. 90].

Эти во множестве наструганные корабли, немалая часть которых имеют просто гигантские размеры, как замечает англичанин Перри:

«...быв построены из сырого леса, весьма скоро подвергались гниению, не выдерживали кренения и спущенные на воду легко шли ко дну» [327, с. 7] А вот что об этом флоте сообщает датский посланник Юль в своем дневнике от 28 мая 1710 г., что:

«...все (суда) построены из ели и ...большая их часть непригодна для морского плавания» [293, с. 174].

Однако ж строили не только из данного сорта древесины.

Когда первые суда благополучно изгнили, как засвидетельствовал посланник датский Юль, строившие их иностранцы обвинили во всем не себя, но, что и понятно, негодный с их точки зрения строительный материал. Вот как это «ударное» строительство, о чем свидетельствует уже английский посланник, Уитворт, было продолжено:

«В Олонце из пихты строятся два 40-пушечных корабля и могут быть закончены этим летом.

В Лодейном Поле два 50-пушечных корабля должны быть закончены мистером Брауном прошедшим летом; кницы, тимберсы, нос и корма сделаны из дуба, доставленного из Казани по суше.

Один 80-пушечный корабль должен был быть заложен в прошлом году. Все остальные корабли в Петербурге и Архангельске из пихты, в Воронеже и Казани — из дуба» [298, с. 98].

Но вы, друзья, как не садитесь — все в музыканты не годитесь. Собранные со всего света иностранцы, некие такие-де корабельных дел мастера:

«...из своекорыстных побуждений строили корабли очень непрочно, из сырого леса, так что они гнили еще до завершения постройки» [298, с. 90].

И что же предпринял наш «великий», узнав о бракоделах иностранцах на своих верфях?

«Царь, узнав об этом по возвращении из Великобритании, постепенно утратил свое расположение к голландскому кораблестроению и голландским мастерам и уволил их, так как мог получить английских» [298, с. 90–91].

А вот что собой представлял к той поре уже весьма благополучно наструганный им в неимоверном количестве голландский флот:

«В нескольких местах на Дону находятся 36 кораблей голландской постройки, от 80 до 30 пушек, все прогнившие... их разберут на дрова, как только будут готовы новые корабли» [298, с. 96].

А новыми будут, о чем в 1710 г. сообщает англичанин Уитворт, уже английские. Но сгниют, о чем он в ту пору еще не знал, протянув ничуть не более голландских, и они.

Однако ж после того, как благополучно сгнили корабли английские, Петр и на этом не успокоился. Он все лелеял в своих чаяниях давно всем набивший оскомину лозунг — заграница нам поможет. А потому уже десятилетие спустя, когда и в англичанах Петр разочаровался, вот что отмечает в дневнике от 23 июля 1721 года Берхгольц:

«...ходил в Адмиралтейство смотреть новый корабль... Корабль этот 64-пушечный и построен французским мастером присланным царю на несколько лет из Франции» [316, с. 175].

Но и он, судя по всему, более кораблей английских и голландских не протянет. Но сгниет, как и все они, достаточно быстро, объявив в бездарности и этих заграничных бракоделов.

А вот что сообщает Джон Перри о нашем флоте теперь еще и на Волге. Его сооружением, в добавление голландским, английским и французским мастерам, был занят представитель еще одной очередной державы — Дании. Уже эта флотилия, как и все иные необычайно многочисленная и громоздкая, предназначалась царем-«шхипером» для покорения Каспийского водного бассейна:

«Царь Русский обещал водворить Грузинского Царя в его владениях, и в 1702 году, приказано было (как предполагают) с этой целью Датским мастером построить на Волге 120 парусных судов 12-ти и 16-ти пушечных... выше означенные суда до сих пор гниют на Волге, не быв употреблены ни в какую посылку» [329, с. 65].

Недалеко отсюда, уже на Дону и Воронеже, гнила очередная флотилия, предназначенная для покорения еще и Черноморского бассейна. То есть царь-«шхипер» всех и вся желал покорить разом. Но, почему-то, кинулся воевать в этот самый момент, когда флотилия уже была настругана, в совершенно противоположную сторону — на север. Потому с неимоверным трудом собранные из сырого леса в неимоверном количестве и неимоверных размеров корабли, которые тонули сразу после малейшей попытки спуска их на воду, продолжали здесь спокойно догнивать себе и без всяких сколько-нибудь позывов со стороны Петра к какому-либо их пусть и незначительному употреблению.

А вообще, судя по всему, лишь из-за весьма естественного неумения вести кораблестроительство иностранцами в нашем климате:

«все корабли гниют, как только их построят» [298, с. 97].

Но может быть лес наш для кораблестроения вовсе не подходил? Может он был каким-то особо для данной цели неподходящим?

Да вовсе нет. Вот что сами же иностранцы сообщают о русском лесе. Франческо Тьеполо, например, вот как характеризует это наше общенародное достояние:

«...страна очень богата деревом всякого рода и больше всего таким, которое больше всего пригодно для постройки домов и судов» [302, с. 337].

Так что лес, и какой надо, у нас был. И был просто в удивительном для иностранцев изобилии. Были у нас и свои русские суда. И мастера, их из поколения в поколение строящие.

Но у Петра не было желания использовать в постройке своего флота именно их опыт. Ему почему-то больше нравилось приглашать на изготовление своего детища западноевропейских бракоделов.

Так что любовь к закордону почему-то во времена всего его царствования пересиливала какие-то пусть и малые проблески мыслей в его извечно пьяной голове. Потому, лишь меняя иностранцев, то есть, замещая после очередной крупной неудачи, венеянцев голландцами, голландцев датчанами, датчан англичанами, а англичан французами ударными темпами все отстругиваемый им флот, лишь только появившись на свет, весьма благополучно уже успевал сгнивать. И так на протяжении десятилетий — никакие пусть и колоссальные убытки в этой области ума, этому преобразователю русской энергии в хлам, так и не прибавили.

Вот что сообщает на тему этого пустопорожнего строительства Фоккеродт:

«...Петр I гораздо лучше пособил бы своим пользам и был бы в состоянии совершить гораздо более великие дела, если бы оставил в кармане подданных те изумительные суммы, какие затратил на флот» [301, с. 55].

А суммы эти были и действительно *изумительными* — от четверти до трети госбюджета! И, причем, пусть и отструганные во множестве линкоры не успевая даже спуститься на воду уже благополучно изгнивали, — ежегодно — на протяжении трех десятков лет. Виданное ли в свете подобного же рода тупоумие?

Но Петр, вместо, чтоб быть названным таким, каким и являлся на самом деле, всеми и вся историками поименован «Великим». Было ли в этой самой истории среди встречающихся исторических фигур большего несоответствия между действительными произошедшими некогда событиями, приписанными кому-либо из них, и событиями желаемыми, то есть изобретенными для определенной персоны специально — чтоб прославить в веках?

И вот на каком «моторе» двигались петровского покроя кораблики:

«Петр I, старавшийся перенимать и вводить в своей империи все имевшееся где-либо лучшее и полезное, что он видел и о чем слышал, достал план **венецианского Адмиралтейства с чертежами судов и галер, какие там строят**» [338, с. 230].

А строили там, как нам помнится, исключительно такие *галеры*, на которые турки заковывали всех попавшихся к ним в лапы славянских пленников, захваченных врасплох при набегах подвластными им вассалами — крымскими татарами. И вот как обустроены были эти вполне свойственные Западу «творения» их примитивистской рабовладельческой культуры — генуэзские галеры, перенятые у этих каннибалов Петром:

«Весел на галере было по 28 с каждого борта; на каждом весле сидело пять-шесть **закованных каторжников**» [293, с. 165].

То есть около 300 «преобразователем» определенных в смертники русских людей обязаны были приводить в движение эти «Петра творенья» и утонуть в числе первых, когда через 5 лет эта отслужившая свой срок посудина пойдет на дно (вот для чего корабли сооружались исключительно из сырого леса!!!). А таких посудин за время правления страной Петра было настругано с несколько тысяч. Таким образом, выясняется, что лишь перетопить закованных в гребцы крестьян он мог, в свое царствование, где-то

под миллион. Но и мало чем менее рисковали и те, кто в кандалы закован пока еще не был. Потому как и они, судя по любви Петра гонять свой филожный флот, туды-сюды, даже в самые экстремальные моменты года, например, во время ледохода, потопляемы были нашим этим «шхипером» ничуть не в меньших, чем колодники, пропорциях. Юль, например, в прошлом моряк, сравнил одну из его подобного рода выходов с плаванием в водах Гренландии.

Так что вот зачем Петру потребовались корабли: изведение благосостояния ненавистной ему страны и, что в большей степени интересовало антихриста, уничтожение при этом ее народа. И уничтожение, что глобальностью своей людоедской задумки повергает теперь исследователей того вопроса просто в шок, сразу по двум направлениям. Потопление в аврально наштампованных из сырого неподготовленного леса посудинах экипажей кораблей, наполовину закованных в кандалы, а потому и просто не подлежащих в случае потопления судна спасению, а также нагнетание авральности построения самих этих судов. Ведь стройка века, тем более в авральном ключе, — что может быть для этого удобней и незаметней? Ведь как бы так для державы что-то там такого выаем:

«Мужики на строительстве умирали как мухи. Но им на замену из центральной России каждый год гнали тысячи новых...» [53, с. 139].

Теперь о самой войне.

Нам не известно: сколько петровских кораблей успели за двадцать лет войны перетопить шведы — на эту тему никаких цифр с петровской стороны не приводится. Однако ж стоит обратить внимание на чуть ли не единственную викторию, случившуюся у флотоводцев Петра, чтобы понять сам принцип всех этих выдающихся баталий, где «птенцы», ничуть не уступая в смелости своему патрону, драпали с завидным постоянством при первой же к тому самой малейшей возможности.

«Наиболее ярким эпизодом последней кампании Северной войны 1700–1721 г. между Россией и Швецией является морское сражение у острова Гренгам...»

Как только русские суда стали выходить из-под прикрытия острова Редшер, они были атакованы шведскими кораблями. Используя малую осадку галер, Голицын стал уходить от неприятеля...» [3, с. 67].

Короче говоря, по милой привычке своего патрона, морской главноверх решил, как, чувствуется, и всегда решал до этого случая, заблаговременно, еще до первой самой малейшей возможности принять бой, поскорей подальше унести ноги. Однако же:

«Четыре шведских фрегата, увлекшись погоней, вошли в узкий пролив, где не могли лавировать и слабо управлялись... в азарте преследования шведы сами загнали себя в ловушку...» [3, с. 67].

И вот как «ковалась» затем последовавшая голицынская виктория:

«Фрегаты “Венкерн” (30 пушек) и “Шторфеникс” (34 пушки) сели на мель... Два других фрегата, “Кискин” (22 пушки) и «Данскерн» (18 пушек), попытались вырваться в открытое море, но неудачный маневр флагманского линейного корабля не позволил им это сделать» [3, с. 67].

Ну и как же, спрашивается, в такой столь удачно сложившейся для нас обстановке действовал наш флот, построенный «великим» Петром?

Так ведь никакого флота-то у нас, как теперь выясняется, и не было. А была куча фелюг, на которых и накинулись со всех сторон тут же использовавшие промашку белого человека папуасы: благо численно их было, как и обычно, в десятки раз больше:

«...90 гребных судов, более 300 пушек, 10 941 десантник» [53, с. 170].

Так что никаким петровским флотом даже при самой его выдающейся победе и близко не пахло: имелась куча наструганных примитивных фелюг, на которых пиратствовали его «птенчики», словно заправские корсары Моргана, толпой накидываясь на зазевавшихся мирных граждан противоборствующей стороны.

«Петровские галеры, прикрываясь прибрежными мелями...» [53, с. 90],

могли совершать лишь мелкие разбойничьи нападения на прибрежные шведские селения и плохо защищенные маленькие городки. Но:

«...бороться с линкорами и фрегатами противника... не могли. Русский же парусный флот солидно выглядел только на бумаге» [53, с. 90].

Но вот вдруг этим морским разбойникам, мелкого пошиба, несказанно повезло: шведы, в очередной раз погнавшись за ними, совершенно непредвиденно сели на мель! Вот радости-то туземным царькам: будут всю ночь теперь стучать в тамтамы, жарить на костровищах изъятую из вражьих закромов говядину и упиваться портвейном, реквизированным из трюмов неудачливого неприятеля, севшего в нейтральных водах на мель.

Шведы, таким образом, потеряли:

«...103 чел. убитыми и 407 чел. пленными» [118, т. 3, с. 38].

То есть даже при нескольких севших на мель кораблях потери врага выглядят не просто не густо, но смехотворно не густо!

Где бы это найти достойный аналог такого вот количества убиенных солдат неприятеля, когда такого же рода рядовая вооруженная стычка была бы под грохот фанфар на весь свет объявлена «сражением»? Но ведь даже на потерпевшем кораблекрушение о д н о м корабле жертв может оказаться много более чем в этом самом «сражении», выигранном петровскими «птенчиками»!

Так почему же убиение ста трех шведов поименовано некоей *морской баталией*?

Всего лишь потому, что ничего и приблизительно тождественного за все двадцать лет этой самой нам извечно расхваливаемой войны Петра на море не то чтобы не случилось, но и случиться бы никогда и не могло. Ведь двадцать петровских мародеров закономерно удирало от одного шведа, выступающего в окрестностях Балтийского моря в роли хозяина.

Но вот чем все же повезло в этих краях, сильно изрезанных шхерами и словно созданных для фелюг разинского толка, петровской разбойничьей флотилии. Та самая виктория, когда сразу несколько вражьих кораблей сели на мель, оказалась не единственной. За шесть лет до вышеизложенной историками зафиксированной виктории приключилось в здешних краях нечто очень похожее. На этот раз петровским «джонкам», наструганным в невероятнейших количествах, также помогли безветрие, инициатива шведов и давно усвоенное «птенцами» у своего патрона это самое «здоровое отступление».

Да, у шведов был хоть и парусный, но все же флот:

«...15 линейных кораблей, 3 фрегата и отряд гребных судов...» [118, т. 2, с. 474].

Флот, как видим, был солидный. Но шведам опять не повезло: «птенчики», лишь завидя неприятеля, тут же кинулись наутек. А гнать за ними без ветра шведам было просто не на чем. Потому они и выделили в погоню за беглецами из всего своего флота аж целый фрегат и несколько гребных «джонок» петровского типа, построенных, судя по всему, исключительно для войны с мелким петровским корсарством, в борьбе против которого солидные суда не были эффективны.

Однако же шведам на этот раз крупно не повезло. Бегство выглядело слишком поспешным — просто паническим. А потому шведы не успели даже хотя бы приблизительно прикинуть количество фелюг врага, опрометью кинувшегося наутек. За то и были наказаны. У Апраксина, при встрече с неприятелем чисто интуитивно мгновенно кинувшегося в бега, этих *джонок* оказалось отнюдь не несколько, как подумалось шведам, но:

«...99 галер и скампавей с 15 тыс. войск...» [118, т. 2, с. 474].

Шведы же, гоняясь между своих островков за нашими мародерами, как всегда слишком многочисленными, против всей этой джоночно-фелюжной флотилии извечных беглецов, о сопротивлении которых в культурных слоях их высшего общества и думать-то считалось признаком дурного тона, оказались совершенно не готовы к неравному бою. Петровский

солдат трус — вот что ими было усвоено достаточно давно, еще с Нарвы. А потому шведы совершенно неожиданно оказались против немислимых толп петровских джоночников, имея:

«...1 фрегат, 6 галер, 3 швербота...» [118, т. 2, с. 474].

В эту вдруг случившуюся безветренную погоду погоня девяти шведских галер завершилась их боем против петровских девяноста девяти...

Причем, петровское воинство насчитывало 16 000 личного состава, у шведов же было всего 941 человек [53, с. 154]. То есть по 17 джоночников пришлось на каждого шведа! И ведь поначалу-то наши эти ваятели даже драпануть каким-то образом по инерции умудрились...

Но что ж погнались шведы так уж слишком неосмотрительно опрометчиво?

Да, видать, давно привыкли, что эти петровского образца потешные опереточные военные, всегда драпающие вдсятером от одного шведа, и теперь сбегут.

Но тут шведы увлеклись. За то и заплатились.

Однако ж наш учредитель филлюжно-джоночной флотилии, типа «а-ля Стенька Разин», при оценке произошедшего оказался много иного мнения:

«Петр I высоко оценил победу рус. флота у Гангута, приравняв ее к победе под Полтавой в 1709 и учредив спец. медаль в память о Г[ангутском]м.с.» [118, т. 2, с. 474].

И вот чем эта «победа» сродни Полтавской. Шведы потеряли убитыми:

«...9 офицеров и 352 нижних чинов...» [207, с. 76].

Потери же морских потешников Петра, что и естественно, нигде в средствах информации почему-то не упомянуты. Но следует все же себе отметить, что они вовсе не малы. Так как известно, что шведы отбили два штурма. И лишь с третьего захода, и благодаря лишь 17-кратному своему численному преимуществу, петровским жандармам горстку шведов все же удалось пленить.

И вот как не слабо поработала здесь шведская артиллерия:

«В 1871 в Рилакс-фьорде, на месте погребения погибших в Г.м.с. рус. воинов, поставлен памятник» [118, т. 2, с. 474].

То есть «птенчикам», имеющим даже *семнадцатикратный* перевес, шведы умудрились и здесь по зубам так здорово наковырять, что для более чем обильного здесь оставленного количества покойничков пришлось даже помпезный памятник устанавливать! Потому-то, между прочим, в советских источниках о потерях сторон что-то уж больно скромно умалчивается: видать, поотведали от «побежденных» достаточно прилично — вот и нечем похвастаться...

Кстати, интересный момент: об участии самого Петра в этой раздутой буквально из пальца эпопеи нынешние советско-эрфэшные источники и полусловом не обмолвились.

Но вот Ключевский сообщает, что ерник князь-кесарь производит:

«...торжественное пожалование Петра в вице-адмиралы за морскую победу при Гангуте в 1714 г., где он в чине контр-адмирала командовал **авангардом**...» [166, с. 389].

Авангард же, что выше распрекрасно описано российско-советским источником, драпанул...

Потому и победителем объявлен все же Апраксин. Петра, видать, «победителя» этого самого, привесившего себе очередную блямбу на грудь за очередное свое эдакое всех и вся победительство, и на этот раз очень долго искали, чтобы сообщить ему эту радостную весть...

Вот по какой весьма тривиальной причине средства современной дезинформации порешили об участии в этой военной акции Петра, уж для русского-то оружия боле чем позорной, весьма благоразумно, несколько приумолчать.

А вот и еще об одной из такого же рода пирровых побед. Тут, судя по всему, об одной из первых:

«25 апреля 1703 г. Петр вместе с Шереметевым с 25 000 войска подступил к крепости Ниеншанц... После сильной пушечной пальбы комендант полковник Опалев, человек

старый и болезненный, сдал город, выговоривши себе свободный выход. Между тем шведы, не зная о взятии Ниеншанца, плыли с моря по Неве для спасения крепости. Петр выслал Меншикова с гвардией на тридцати лодках к деревне Калинкиной, а сам с остальными лодками тихо поплыл вдоль Васильевского острова под прикрытием леса...» [51, с. 645].

Зачем ему потребовалось держаться ближе к лесу?

Так ведь чтоб было куда сбежать, если что.

Затем вся эта армада с 25 тысячами войск накинулась:

«...на два шведских судна с двух сторон» [51, с. 645].

То есть нападавшие навалились сотней на одного.

А вели себя петровские корсары, что и вполне для них естественно, сообразно данным их патроном инструкций:

«...убивали неприятеля, даже просившего пощады...» [51, с. 645].

Но то для птенчиков являлось в порядке вещей. Ведь они, в кои то веки, сотней кинувшись на одного, захватили:

«...два больших судна» [51, с. 645].

То есть туземные царьки захватили целых два опрометчиво попавшихся им в лапы судна белых людей! Чьи команды и истребили на радостях всех до единого. И даже тех, кто пытался у этих людоедов просить пощады.

Знали б у кого просят — не спрашивали бы. Ведь эти заплечных дел специалисты истребили в западных русских землях каждого второго. Не многим меньше они поубивали и среди своих сограждан: каждый второй мужчина огромной страны был уничтожен именно за счет этого отребья, не знающего пощады вообще ни к кому.

Однако ж:

«Событие это, по-видимому, незначительное, чрезвычайно ценилось в свое время: то была первая морская победа...» [51, с. 645].

Однако ж и не последняя из серии тех, о которых вспоминать уж русскому-то человеку, просто стыдно!

Но человек петровский не был русским. А потому ему и такая пиррова победа — в самый раз: им не стыдно сотней побеждать одного. Мало того, убивать даже тех, кто готов был сдаться в плен, сложив оружие...

И за эдакую-то «доблесть», то есть за полную к пленникам беспощадность, новое ерничество привесило нашему Петрушке очередную блямбу на грудь:

«...и Петр, носивший звание бомбардирского капитана, вместе с Меншиковым пожалован был от адмирала Головина орденом Андрея Первозванного» [51, с. 645].

Вот и все о так сказать «победах» на этом самом море.

И, между прочим, ни одного даже какого-либо упоминания о наших мифологических, приписанных этому самому «светлому гению» якобы когда понастроенных у нас кораблях — только о примитивных однопушечных джонках-фелюгах. То есть история сообщает исключительно об имеющихся у Петра именно тех средствах передвижения на воде, которыми лишь единственными он и мог похвалиться. Но перед кем? Перед нашими самыми опытными в мире мореходами? Ведь это мы еще в древние времена отправляли свои корабли в Англию и имели у них свою факторию, а не они у нас! То есть именно нами были освоены самые студёные моря Северного Ледовитого океана.

При Петре же, судя по результатам полного отсутствия морских побед, ни о каком обладании нами и действительно боеспособным флотом никогда и намека не было. Но лишь о приключениях пиратских челнов излюбленной петровской модели: «а-ля Стенька Разин».

И очень не зря он эту свою викторию, когда девяносто девять с девятью справиться еле смогли, приравнивает к Полтаве. Эти баталии, и по сию пору все не перестающие удивлять, действительно сходны, словно дети одной матери. Кроме позора русскому

оружию такие пирровы победы ничего не принесли и принести не могли: толпой одного мы испокон века не то чтобы не побеждали, но просто никогда на него и не набрасывались! Мы всегда осознавали свое достоинство, до сих пор не понятное чумазой и завшивленной за границе.

Петр же иначе побеждать никогда не умел, чем и доказал свое отличие от русского человека еще одним очень немаловажным пунктиком.

Так что и на море эти нам столь усиленно в красках расписанные его якобы победы оказались на поверку полным блефом: у него и флота-то настоящего никогда не было...

Но и после смерти Петра ни о каком у нас наличии военных кораблей не сообщается. Вот на какую странную фразу мы натываемся в поисках петровского флота тех времен:

«Русских галер более всего опасались англичане и датчане» [4, с. 217].

То есть со стороны России, кроме в невероятных количествах наструганных джонок, морским державам, как выясняется, опасаться было более нечего.

Кстати, а припомним-ка имитацию ведения военных действий Петром на этих фелюгах при взятии казаками Азова. Ведь там им было «задействовано», в смысле имелось в наличии:

«23 галеры и 4 брандера» [298, прим. 143 к с. 90].

Так что даже и там, где флотилию эту никто перетопить не успел — Петр вовремя сбежал, ничего кроме галер в наличии не имелось.

Странно как-то все это. Ведь нам о некоем флоте Петра сызмальства пропаганда все мозги поизбуравила. А флота-то, на поверку, никакого и не было...

А вот что уже через пару десятилетий после смерти Петра представлял собой этот наструганный нашим царем-шхипером джоночно-фелюжный флот:

«...Миних, занимаясь укреплением Кронштадта, докладывал, что в кронштадтской гавани лежат кучами ветхие военные суда, которые остается выкинуть и истребить как ни к чему не годные, но для этого потребуется чрезвычайное множество рабочих рук» [51, с. 910].

И при всем при этом:

«...Миних, приобретший себе историческую славу как полководец, едва ли не более русских людей признавал важность кораблестроения для величия и безопасности русского государства» [51, с. 910].

А ведь кораблей, например, к 1703 году, было изготовлено ох как еще и не малое количество. Вот что сообщает о них, например, Корнилий де Бруин, в тот момент посетивший верфи Воронежа. В то время:

«...на реке Днепре, близ Крыма, находилось четыреста больших бригантин и на р. Волга — триста...» [323, с. 119].

Но и в самом Воронеже:

«Изготавливались еще и были в работе пять военных кораблей: ...два о семидесяти четырех пушках и другие два — о шестидесяти или шестидесяти четырех пушках; пятый же... — о восьмидесяти шести пушках... На берегу на другой стороне реки видны были еще с двести бригантин, большая часть которых построена в Воронеже» (там же).

То есть флот построен был. И отстроен он был просто в умопомрачительнейшем количестве изготовленных к морскому вторжению судов. Ведь количественно их было более тысячи. И из них, между прочим, 60-и, 70-и и даже 80-и пушечные линкоры.

Какая боевая мощь! Какая силища!

Но, что уже на самом деле, корабли эти, десятками и сотнями клепаемые в том же Воронеже, не успев быть спущенными на воду, уже весьма благополучно сгнивали.

Виной тому иноземные мастера, за большие деньги закупленные для строительства флота Петром.

А ведь эти самые специалисты липовые, не владевшие секретами технологии обработки нашего леса в наших природных условиях, кстати говоря, с большим

энтузиазмом скупавшие у нас эту драгоценность по демпинговым ценам, обвиняли в чрезмерно быстром гниении кораблей вовсе не себя, липовых строителей неумех, но русский лес:

«...он такого плохого качества, что ни один корабль, построенный из этого дерева, не оставался целым в продолжение 12 лет» [301, с. 52].

Потому флот, с течением времени, вовсе не возрастал, но лишь ежегодно катастрофически уменьшался в количестве. Вот как этот флот, на который в течение трех десятилетий уходило до трети государственного бюджета, выглядел за год с небольшим перед смертью Петра. Свидетельствует Берхгольц в своем дневнике от 5 октября 1723 г.:

«Флот состоял из двадцати с лишком линейных кораблей, которые все, за исключением двух или трех [один из них точно иностранной постройки — А.М.], не как не старше 8 и 9 лет» [317, с. 154].

То есть свеженастроганые. Однако благополучно превращающиеся в хлам, как и все суда уже к тому времени благополучно догнивших его предыдущих флотилий, со скоростью пять лет на судно.

Потому-то к царствованию Елизаветы от Петра в наследство ей не перешло вообще ни одного корабля. Даже самого вроде бы стойкого из стойких. Остальные же, что выше оговорено, большей частью успевали сгнить, не успев быть и вообще спущенными на воду.

Однако ж и в самый рассвет этого нашего царя-«флотоводца» вот какой флот он имел в Петербурге, например, в 1710 г. Свидетельствует английский посол Чарльз Уитворт:

«Флот в Петербурге состоит из 12 фрегатов, 8 галер, 6 брандеров и двух бомбардирских кораблей, не считая малых судов. Из фрегатов только три пригодны для службы, остальные гнилы и едва ли выдержат плавание и того менее — сражение...» [298, с. 97].

Может, сочиняет английский посол по части готовности нашего воспетого пиетистами и одосоставителями флота «чудного гения» к морским баталиям якобы им где проведенным (но нами не обнаруженным)?

Еще 6 января 1709 г. А.В. Кикин писал Петру:

«Здесьные фрегаты и шнявы, кроме «Думкрата», «Олифанта» и «Лизетки» бомбардирского нового галиота, и также старые бомбардирские галиоты и провиантские суды гораздо гнилы по самую воду...»¹⁹ [298, прим. 186 к с. 97].

Но уже год спустя от петровской потешной флотилии вообще мало чего остается:

«И из “мнения Крюйса о судах” (1710 г.) явствует: “Разсуждаю, что годны только «Думкрат», «Михаил Архангел», «Иван-город» и «новый бомбардир-шип», а прочие все худы...»²⁰ Таким образом, по состоянию на 1710 г. сведения Ч. Уитворта вполне согласуются с приведенными К. Крюйсом» [298, прим. 186 к с. 98].

Так что уже здесь под ногами у самого Петра догнивало 8 из 12 имевшихся у него на вооружении судов. И это не считая многих сотен судов иных, догнивавших в это время в Воронеже и Архангельске, Таганроге и Олонце. То есть сгнивших много быстрее, чем их даже чисто теоретически смогли бы спустить на воду.

Однако некоторые корабли все ж Петербурга достигали:

«...в 1713 году весь флот состоял из 4 линейных кораблей, двух фрегатов и шхун» [301, с. 53].

То есть пусть половина фрегатов за эти три года догнили, но флот пополнился четырьмя новыми уже теперь линейными кораблями. Только вот тишина о том, сколько и они у него проплавали. Ведь о боях Петра при посредстве 40–60-пушечных линкоров упоминаний вообще не имеется. Есть только сведения о пиратских набегах на беззащитные шведские провинции при посредстве трехпушечных гребных джонок типа аля Стенька Разин. Вот пример нападения на побережье Карелии. Там «птенчики», улучив момент:

¹⁹ МИРФ-I, № 252, с 177; то же: П и Б, т. 9, вып. 2, прим. к № 3019, с 634.

²⁰ МИРФ-I, № 286, с. 196–197.

«...сделали высадку на 12 кораблях, сожгли 3 города и 500 деревень и опустошили всю область...» [390, с. 73].

А джонок этих Разинского толка Петр настругал во множестве. И даже:

«...для того утвердил в Петербурге особенную галерную верфь и отдельную галерную пристань: ...туда можно было отвести до 200 галер и поставить их там на суше» [301, с. 55].

А вообще Петр:

«...в несколько лет собрал в Петербурге до 300 галер» (там же).

Именно им Петр и обязан своим корсарским набегам не только на Карелию и Финляндию, но и на Швецию. После захвата побережья Финляндии, его корсарский флот беспрепятственно теперь мог:

«...переправляться в Швецию везде, куда хотели делать высадки, и разорять огнем и мечом внутренние места этого государства... все места, где приставали они, наполняли убийствами и пожарами» [301, с. 56].

Так что пусть флота и связанного с его наличием побед на море у Петра и не было, но филюжно-джоночная его флотилия каверз надела на шведам ох как еще и не мало, выжигая последовательно провинцию за провинцией. И лишь бездарный мир, наконец, прекратил эту бездарную войну на истребление, бездарно ведущуюся два десятка лет.

Кстати, вот чем закончилось строительство флота в Петербурге. Побывавший в нем через несколько лет после смерти Петра француз де ла Мотрэ, сообщает:

«...в ту пору не строили уже никаких ни в Галерном адмиралтействе, ни даже в Кронштадте, хотя газеты, особенно английские официальные в Лондоне, сообщали, что (в Петербурге — Ю.Б.) строят суда сотнями. Там было 16 галер, начатых постройкой до кончины Петра I, но не законченных...» [338, с. 230].

Так что одни корабли этого «чудесного флотоводца» гнили в то время недостроенными на стапелях, а другие в гавани Кронштадта, в Воронеже и т.д. Но сгнили, в конце концов, не дотянув и до царствования дочери Петра, весьма благополучно, и те, и другие, и даже третьи.

Вот что можно сказать о воспеваемом за границей этом эдаком всех времен и народов «флотоводце» — «царе-шхипере».

А вот и финал всех петровских эпопей — «битва» за Кавказ.

«Течение обстоятельств влекло Петра к намерению пожить для России за счет Персии» [51, с. 755].

«Консулу Аврамову велено было прежде заключить условие с шахом Тахмасом о уступке некоторых городов и провинций, по западному берегу Каспийского моря лежащих²¹» [430, 1722 г., л. 88 об., с. 68].

А положение этой некогда могучей страны к тому времени являлось настолько слабым, что ее покорили представители варварского Афганистана с просто микроскопическим для подобного предприятия 20-тысячным войском [186]. Потому-то Петр и клялся шаху, что идет сюда лишь в качестве жандарма.

Первые же предложения в возможности такого предприятия были высказаны Петру побывавшим в Персии посланцем курфюрста Баварского Израэлем Орием еще в 1701 году:

«В подтверждение того, что предположения его осуществимы, Орию указывал на легкость, с какою Стенька Разин с 3 тыс. казаков занял Гилян. Орию полагал, что соберется до 116 тыс. армянского войска... и 30 т. Грузин, шах же Персидский более 38 тыс. собрать не может...» [186, с. XXX].

---

²¹ Кроме того, первому русскому консулу в Иране Семену Аврамову предписывалось успокоить шаха и заверить его в том, что войска посланы Петром I не для ведения военных действий, а для усмирения бунтовщиков [429, с. 180].

Но в тот момент Петром была затеяна война со Швецией. Потому данное предприятие на время приходилось отложить. И вот пришли, наконец, более благоприятствующие времена. Мало того, даже появился прекрасный повод для вторжения:

«...в августе 1721 г. Лезгинский владелец Даудбек вместе с Казыкеумыцким владельцем Сурхаем напали на Шемаху, взяли и разграбили город, причем напали и на лавки русских купцов, побили торговцев и овладели их товарами, ценою в 500 тыс. рублей. Донося об этом Волынский писал царю: “Мое слабое мнение доношу по намерению вашему к начинанию законнее сего уже нельзя и быть причины: первое, что изволите вступить за свое; второе не против персиян, но против неприятелей их и своих”²²» [185, с. LI].

В добавление к тому Петру сообщается о возможности хорошо поживиться за счет ослабленной Персии грузинским царевичем:

«Вахтанг уговаривал русское правительство воспользоваться крайним положением Персии и со своей стороны обещал 40 000 войска...» [51, с. 756].

Петр на уговоры, сулящие обеспечить его славой в веках в качестве некоего всех и вся завоевателя, ощутив полную от своих несметных полчищ беззащитность этой на тот момент слабой державы, а потому принять деятельное участие в грабеже, милостиво согласился:

«18 июля Петр с пехотою в числе 22 000 и 6 000 матросов пустился на судах по Каспийскому морю по направлению к Дербенту; конница шла туда же сухопутьем (регулярной русской конницы было 9 000; кроме того 40 000 казаков и калмыков и 30 000 татар) [51, с. 756–757].

«К грузинским войскам присоединились восставшие местные крестьяне. Вахтанг VI сообщил Петру, что он идет в Гандзак, чтобы там присоединить к своим войскам армян.

Вскоре к войскам Вахтанга в местечке Чойлак, недалеко от Гандзака, присоединился прибывший из Карабаха восьмитысячный отряд» [154, с. 79].

То есть помимо 147 тыс. названных грузино-петровских воинских формирований присутствовали еще и 8 тыс. армян из Карабаха, и многочисленные повстанцы. Грандиозность в кои-то веки собравшегося в здешних местах многочисленного воинства просто шокирует. Однако же:

«Петр I проводил чрезвычайно осторожную и осмотрительную политику...» [154, с. 80].

Ну что ж: про «газарт» мы слышаны. Но тут ведь главное, чтобы где это самое «назади» в точности определить. А потому:

«...обострившиеся отношения с Турцией, а также нехватка провианта вынудили Петра I прервать поход...» [154, с. 80].

То есть *опять сбежать*. Но на этот раз, уже свалив не на нехватку пороху, а на отсутствие достаточного количества провианта. Но тут же армянский историк сам себе противоречит в этом вопросе, просто пальцем указывая на действительную причину этой очередной позорной ретирады Петра, которой он дополняет бегство от Софьи и из-под Нарвы, по дважды из-под Азова и Гродно, а также позорную сдачу своей армии в плен на реке Прут (итого: семь позоров + этот, очередной):

«В Карабахе для встречи войск Петра I были сделаны большие приготовления: 60 тыс. пудов зерна, 10 тыс. голов крупного рогатого скота и разные продукты» [154, с. 80].

Так что вовсе не от голодухи сбежал Петр, своими ордами пыжающийся пораспугать всех местных царьков, но от несварения в желудке — ввиду возможности выступления против его потешного воинства войска настоящего, пускай хоть бы и турецкого — ему все равно от кого драпать.

Но несмотря даже на это: «В 1723 г. морская экспедиция под командованием генерала М.А. Матюшкина заняла Баку» [154, с. 83].

---

²² История Соловьева, т. VI (18), с. 41

Тем и провозгласив, что пиратский флот Петра ничем не уступает корсарской флотилии Стеньки Разина — даже славный город Баку, с моря ничем не защищенный, может взять легко и успешно.

Петр приободрился — на Каспии у возможных его супротивников не оказалось никакого флота вообще, а потому все приморские города шли ему в руки сами. Тут, думается, он припомнил сагу о Стеньке Разине, аккурат где-то здесь совершенно без сопротивления местных сардаров промышлявшего разбоем. Потому приказывает:

«Всех принимать в подданство, *которые хотят*, тех, чья земля пришла к Каспийскому морю» [154, с. 83].

Однако ж и тут: *которые хотят*. В противном случае опять в бега подаваться придется. Новый конфуз, так сказать, за державу обидно. Потому брать только задаром.

А так как ему здесь не все в подданство ежеразово поотдались, то иных пришлось возвратить при наибольшем почтении к лишь для форсу и пригрозившему ему турецкому басурману:

«...пришлось отказаться в пользу Турции от таких городов и территорий, как Грузия, Армения, Ганджа, Шемаха, Нахичевань...» [207, с. 177].

Но тех, *которые* все-таки *хотят*, Петр все-таки дождался. И отъем их земель в свою пользу был произведен более чем непринужденно: лишь помахивая из-за моря шашулькой и грозясь, но, боясь, однако же, как и всегда, нарваться на скандал. Но тут и Турция на сторону Петра перешла: пусть лучше ему достанутся эти спорные, ей все равно чужие земли — от него меньше беспокойства будет. А потому взятой со всех сторон за шиворот Персии пришлось уступить свои исконные земли какому-то заморскому кровососу, всеми средствами постоянно отсуживающему в свою пользу лоскутки от территорий, разоряемых его бандформированиями:

«По договору с Персией от 12 сентября 1723 г. к России перешли Дербент, Баку, Гилян, Мазандаран и Астрабад» [154, с. 85].

Взятые, добавим, абсолютно без боя: в местных водах и ватага Разина — войско. Ну, а уж более сотни тысяч шашулек петровских потешных для туземных князьков — это войско астрономически великое.

Так что:

«...без войны, **воспользовавшись обстоятельствами**, Петр приобрел для России полосу южного края, богатого различными произведениями...» [51, с. 758].

И вот для кого, как выясняется, он столь настойчиво хлопотал, распугивая местных царьков наездами своих многочисленных потешников. Вот кому он хотел вручить отсуженные у Персии земли:

«...поселенцами, по предположениям Петра, должны были быть армяне, которые давно уже побуждали русского государя к овладению прикавказским краем» [51, с. 758].

И Петр:

«...приказал отвести им отвести земли по рекам Сулаку, Аграхану и Терек²³»

Так что и здесь его политика оставалась прежней: отнюдь не для русского человека столь суетно, как всегда боязливо и усердно, а, главное, вовремя у опрометчиво зазевавшегося соседа открамсывал Петр этот лакомый кусочек.

Но вот он, прельстившись вопиющей беззубостью туземных сардаров, решает идти и еще дальше — в Хивинское ханство, где, по слухам, имеется золотоносная река Дарья. Вот как ее характеризует Страленберг:

«...в малой Бухарии или в государстве Гишкарском известная река имеется, которую Каптак-Дарья именуют. Она повсегодно фунтов по двадцати золота песчаного выбрасывает» [306, с. 163].

Петр, алчно жажда от этих двадцати фунтов за год разбогатеть, отправляет туда князя Черкасского:

---

²³ Подтверждается данными, опубликованными Эзовым [431, с. 392–397].

«...с отрядом из 5 или 6 тысяч человек, большею частью шведских пленников, по принуждению поступивших в русскую службу, с приказанием основать прочное поселение на хивинских берегах, а для подкрепления этого отряда туда же послано из Астрахани несколько галер и других вооруженных судов» [301, с. 84].

Но и здесь алчность Петра оказалась неоправданной:

«...поднялся разом весь хивинский народ, застал своих гостей врасплох, содрал с живого вождя их кожу... изо всего отряда не больше двух или трех остались целыми...» [301, с. 85].

А затем, после очередного своего безславного мирного договора, Петр отдает и все то, что даром было отошло к нему в Персии. Так что и здесь, сначала получив многое, но захотев и еще больше, он остался все у того же разбитого корыта, которое ожидало его и во всех иных начинаниях, закончившихся плачевно, подобно этому Персидскому его походу.

Антирусская политика Петра

После всего изложенного становятся просто смешны потуги Лажечникова составить о Петре некое иное мнение, выдумав для этого извечного беглеца героическое сражение, где Петр якобы принимает в нем непосредственное участие:

«...прикреплены веревочные лестницы. По ним, как векши, цепляются русские, — и первый на палубе Петр.

— Ура! силен бог русских! — восклицает царь громовым голосом и навстречу бегущих шведов посылает горящую в его руке гранату... Со всех сторон шведы с бешеным отчаянием заступают места падших; но перед Петром, этим исполином телом и душою, все, что на пути его, *ложится в лоск*, пораженное им...» [56, с. 349].

Хороша сказочка! Однако ж на самом деле за время своих попыток утех с батальями он не только на расстояние броска этой самой *гранаты* к неприятелю не подступился, не только на выстрел пращи или бросок копья не подошел, не только на ружейный выстрел не подкрался, но не приблизился даже и на пушечный выстрел! Басенка же о том, что все, мол, «на пути его ложится в лоск», требует некоторого уточнения: на пути его может ложиться все живое в тот самый *лоск* исключительно под воздействием всюду им насаждаемой, столь его звериному сердцу разлюбезной, импортированной с Запада «цивилизации»: безпробудного и безудержного пьянства. Именно он ввел регулярное спаивание своих верноподданных: кого на ассамблеях, кого в устроенных им для этого кабаках.

А вот еще сказочка из уст все того же романиста:

«...останавливает на бегу судно... и оборачивает его назад. Он в одно время капитан, матрос и кормчий. Во всех этих маневрах видны необыкновенное присутствие духа, быстрое соображение ума и *наука*, которой он с таким смирением и страстью посвятил себя в Голландии» [56, с. 349].

Да уж, слышаны-с: и про Голландию, и про Англию, и даже про Францию. Облеваные стены лучших гостиниц и герцогских карет, пьяные скандалы и дебоши с метаниями опорожненных бутылок в зазевавшуюся публику, проститутки и мальчишки, исполняющие грязные услуги за вознаграждение, — вот лишь малый перечень им прекрасно освоенных в заграничных этих самых «наук».

Вот объяснение в подложности лишь одного из множества мифов — якобы овладении Петром голландским языком:

«В ноябре 1721 года, принимая тайно французского посла, Кампродона, который жил в Голландии и свободно владел языком страны, он вынужден был прибегать к переводчику...» [375, с. 81].

То есть не знал Петр, что выясняется, даже голландского языка. То есть языка тех людей, которые якобы его чему обучали в Голландии. Потому, что следует все же усвоить, он мог обучаться там единственному — съему продажных девиц. О чем, собственно, и имеются свидетельства. Чему он еще мог там обучаться, не зная даже местного наречия?

Потому ложь его восхвалителей становится все более очевидной:

«Давая в письме к Лажечникову от 3 ноября 1835 года высокую оценку наряду с “Последним Новиком” и второму роману Лажечникова — “Ледяной дом”, Пушкин, однако, указывал, что “истина историческая в нем не соблюдена”» [56, с. 436].

Но вся эта являющаяся чистым плодом фантазии легенда о некоем величайшем в истории России «кормчем» вызывала скептическое отношение даже советского литературоведения:

«...крайне ослабляли, ограничивали... историзм “Последнего Новика” эстетические взгляды его автора» [56, с. 436].

Но что собою означают эти самые эстетические взгляды, столь ослабляющие некий такой историзм?

На этот вопрос находим ответ у самого Лажечникова:

«...в историческом романе истина всегда должна, должна уступать поэзии, и если та мешает этой. Это аксиома»²⁴» [56, с. 436].

То есть, если истина мешает этой самой поэзии, то истину, за ненужностью, следует спровадить в архив!

Премило и прелюбезно...

То есть, если врешь, но при всем притом врешь на удивление складно и забористо, то такое допускается. Это вроде бы как даже обязано приветствоваться. Ведь некое аллегорическое восприятие действительности — это, как бы так сказать, и есть, по Лажечникову, высочайшая форма искусства.

Но он отнюдь не является изобретателем этого жанра. Он лишь подливает очередную порцию масла в огонь, разведенный еще его знаменитыми предшественниками:

«...утверждение Лажечникова, что историческая истина всегда должна уступать поэзии, слишком явно восходит к традиционным представлениям и дореалистической эстетики XVIII века, бытовавшим и в классицизме (в этом духе высказывался, например, Херасков в связи с историко-героической эпопеей “Россияда”) и в сентиментальной поэтике Карамзина» [56, с. 437].

То есть все их «истории» на самом-то деле являются всего лишь художественным вымыслом! Однако, в пику утверждениям этих довольно свободно истолковывающих некогда произошедшие события Лажечникова-Хераскова-Карамзиных, бытуют о Петре и много иные мнения. Кронпринц Прусский, например, будущий Фридрих Великий, так охарактеризовал Петра I в своем письме к Вольтеру:

«...это не безстрашный воин, не боящийся и не знающий никаких опасностей, но робкий, даже трусливый государь, которого мужество оставляет во время опасности. Жестокий во время мира, слабый во время войны...»²⁵ [16, с. 591].

Он же добавляет о Петре:

«монарх-самодержец, коему удачливая судьба заменила мудрость... ремесленник... готовый пожертвовать всем ради любопытства» [75, с. 357].

Однако ж и мнения отечественных классиков, находящихся все в том же левом, безбожном лагере, ничуть не уступают мнению короля Фридриха — прилежного ученика своего учителя — законодателя безбожничества — Вольтера. Герцен:

«...повеление Петра I: перестань быть русским, и это зачтется тебе в заслугу перед отечеством» [46, с. 151].

²⁴ “Русский Архив”, 1880, с. 3.

²⁵ Remusberg, 113 nov, 1738. Вольтер, Сочинения, т. X, с. 45.

«По выражению Герцена — Петр является первым “русским немцем”; пруссаки — для него образец, особенно для армии» [238, с. 127].

«“Петр I, убивший в отечестве все национальное...” (Каховский, 1826)» [46, с. 151].

И даже Лев Толстой, правда, в достаточно сдержанных тонах, просто никак не смог не отметить того разочарования, которое наступило после того, как у него появилась правдивая информация о своем былом кумире:

«...личность и деятельность Петра не только не заключала в себе ничего великого, а напротив, все качества его были дурные» [46, с. 184].

Но и не только воинствующие безбожники своего кумира не мирволили:

«”Не будет преувеличением сказать, что весь духовный опыт денационализации России, предпринятый Лениным, бледнеет перед делом Петра. *Далеко щенкам до льва*” (Федотов, 1926)» [46, с. 152].

Щенячью моду попугайствовать иноземщине Ленин перенял именно у своего предшественника — в поездках по заграницам действительно «льва». Который, с ворохом повсеместно закупаемых девок (или мальчиков), заливая реками шампанского и блевотины предоставляемые его шайке шикарные апартаменты, оставил в местах своего пребывания достаточно однозначное впечатление как о себе самом, так и о своих соратниках.

Вот как Владимир Ильич проявлял свою солидарность с далеким завещателем в попугайстве у иностранщины:

«По-моему, надо не только проповедовать: “Учись у немцев...”, но и *брать в учителя немцев...*»²⁶ [58, с. 91].

Вот откуда у вождя появилось:

«русский рабочий — плохой работник» «надо русского дикаря учить с азов» или «в России азиатства хватит на триста лет» [58, с. 90].

И борьба с этим самым «азиатством» проходила отнюдь не под девизом борьбы с протестантизмом или иудаизмом, католичеством или исламом, которые вождем, для борьбы с Русским Православием, были признаны даже целесообразными, но через непримиримую кровавую войну именно против исконной веры русского человека. Именно эта война столь роднит его с Петром.

Оба диктатора, в первую очередь, пытались выбить из-под ног русского народа ту почву, на которой тот стоит вот уже, как минимум, тысячелетие. И именно средства борьбы с Русской Церковью повсеместно вводил Петр, чем пытался отвратить русского человека от его вероисповедания. На том делают упор практически все его нововведения, крушащие наши многовековые традиции.

Всему вышеизложенному имеются и иные подтверждения уже чисто материального характера. Ведь именно исконно русский Псков Петр готов был отдать в обмен на свою жизнь, когда, в очередной раз испугавшись, с ужасом для себя заметил, что турки, прекрасно осведомленные о методах ведения им войн, учли его извечную привычку к ретираде. А потому, первым делом, отрезали ему такую возможность. Скорей всего, им помог в выборе метода борьбы с Петром Карл XII, находившийся в стане неприятеля. Ведь именно его головы Петр шел домогаться от турецкого султана.

Так чем же «великому» наш древний Псков столь катастрофически не угодил, коль готов он был его сдать с потрохами в обмен на свои комариные болота?

Наш исконно русский город был ненавистен ему именно тем, от чего не в чести была и Москва — он ненавидел нашу веру. Именно по этой причине Петр колокола в пушки переплавлял:

«...у колокольной и орудийной меди разный состав, и перелить колокольную медь в орудийную очень не просто. Сделать это можно только с помощью специальных присадок. Таких присадок в Московии попросту не было, приходилось их ввозить, и к

²⁶ «Известия ЦК КПСС», № 4, 1990, с. 190.

1703 году из 90 тысяч пудов “заготовленной” колокольной меди перелили в орудийную всего 8 тысяч пудов. Остальные колокола так и валялись, но, конечно же, никогда не вернулись на подобающее им место — на колокольни» [14, с. 49].

Причем, даже и эта менее чем десятая часть колоколов, переплавленная в пушки, в деле участвовать могла лишь чисто символически (как негодные американские танки в Великой Отечественной войне). Потому как такого рода пушки быстро выходили из строя и требовали постоянного ремонта. О чем свидетельствует посол Дании в России Юст Юль.

Из предназначенных для штурма Ревеля нескольких десятков орудий, что происходило на глазах посла:

«...двадцати штукам с прогоревшею от долгой пальбы затравкой и потому негодных к употреблению залили дно на толщину ядра металлом и затем впереди этого залитого слоя просверлили новую затравку. Артиллерийские офицеры уверяли меня, что такому быстрому прогаранию затравок подвержена бо́льшая часть их орудий, и это потому, что вылиты они из металла, обыкновенно употребляемого для колоколов и заключающего в себе слишком много олова; ибо в настоящую войну духовенство было вынуждено предоставить (правительству) из церквей во всех царских владениях известное количество колоколов для переплавки в пушки» [293, с. 61].

Однако ж, заметим, вообще запрещающий отливку колоколов указ, вышел много позже окончания этой войны — 23 февраля 1722 г. То есть когда уже и предлога никакого против их изготовления не имелось. То есть никакой военной цели объявленные гонения на колокола не имели не в начале, не в конце царствования Петра. Этим он лишь выражал свое отношение к Русской вере, столь им ненавидимой. Только-то и всего.

Это доказывают и иные подобного плана его поступки. Ведь не только с колоколами вел столь тотальную войну Петр, но даже церкви закапывал в землю. В Москве часовни снести ему не дали. Удалось лишь опоганить некоторые из них, предоставив басурманам под склады. Потому, подальше от сохранившихся, и перенес свою столицу на новое место.

В древнем же Пскове он изобрел новый способ уничтожения наших святынь — закатка в валы крепости, сооружаемой якобы для обороны. А потому и обнаруживаем теперь в рассказе советских искусствоведов:

«Наибольший интерес среди раскрытых и исследованных построек представляют каменные храмы, расположенные на восточной границе Довмонтова города. Закрытые в 1701 г. насыпью петровской “куртины”, вошедшей в городские документы под названием Рождественского бастиона, храмы эти сохранились на высоту более 5 м. Поставленные горожанами во второй половине XIV в., они дошли до нас в своих первоначальных формах» [93, с. 211].

О чем такие факты говорят?

Да о том, что этот самый «преобразователь» среди неких «дел» своих «славных» более всего прославил себя в уничтожении русских святынь, которые в данном случае он просто похоронил под землей. Ведь лишь останки на три четверти снесенной им русской старинной церкви обнаружили теперь археологи. А сохранившиеся их основания, дошедшие до нас в своих первоначальных формах, говорят лишь о том, что были они на момент уничтожения Петром *действующими!*

Именно в такого рода святотатствах и заключена столь нам теперь удивительная «слава» этого «великого»!

Между тем здесь прослеживается и в природе-то ранее просто не встречаемая поразительнейшая его завистливость. Именно слава псковского князя Довмонта (в крещении Тимофей), в честь кого и была названа снесенная Петром часть древнего русского города, и явилась основной составляющей вынесенного нашим святыням приговора. Совершались же победы князя по его молитвам в стенах наших белокаменных святынь, именно за это и снесенных Петром, эдаким де «любителем старины». И победы

Довмонт одерживал русскою дружиной, постоянно в десятки раз уступающей своим количеством силам врага. Например:

«В поход на Литву Довмонт отправляется “с тремя девяносто мужей псковичей”, в погоню за немцами выезжает “с малою дружиною в пяти насадах, с шестьюдесятью мужами”. Столь же конкретно в “Повести о Довмонте” противопоставление великой силы противника малой дружине князя. В битве с литовцами на Двине Довмонт “с одним девяносто семьсот победил”, в сражении на Мироповне “с шестьюдесятью мужами восемьсот немцев победил, а два насада бежало”. Стремление к точности является характерным признаком “Повести о Довмонте”...» [120, с. 149].

Имеются и куда как более существенные подтверждения вышеназванных цифр:

«*Мирожская* икона Божией Матери находится в Псковской губ., на реке Мирожь, в Спасском мужском монастыре. Явилась она в 1498 г. и прославилась множеством чудес. На иконе, вместе с Богоматерью, стоящей во весь рост, с поднятыми вверх руками и с Младенцем, сидящим на ее груди, изображены *св. благоверный Псковский князь Довмонт и его супруга*» [96, с. 1570].

Уж более убедительного подтверждения вышеназванных цифр, чем явление князя на чудотворной, чудом же явившейся иконе, просто не бывает.

И слава Довмонта является полным продолжением славы Александра Невского. Ведь лишь о нем известны победы над неприятелем, столь подавляющим своим количеством. Победы, не доступные для повторения простыми *смертными*.

Петр решил славу эту закопать: закатать ее под плод своего «гения» — «куртину», которую достаточно глумливо назвал «Рождественскою».

Кто был ему в данных делах наипервейшим помощником? Ведь даже потомственные его братья по организации достаточно нередко докучали ему отказами в произведении святотатственных действий. Вот один из многочисленных примеров:

«Древний скандинавский род Рерихов обосновался в России при Петре I... отец рассказал юному Рериху о прапрадеде, который не побоялся навлечь на себя гнев императора за отказ уничтожить церковь...» [16, с. 12].

То есть сообщения о кознях Петра в деле уничтожения русских церковей подтверждают нам даже масоны — сами наследники его антиправославных традиций.

Так что уж больно все это увязывается в грандиозную цепь растянутых на века событий, ведущих к одному: заговору, который предполагает превратить русского человека в Ивана, не помнящего родства. Потому истребляется и древняя письменность, и след от нее, и след от культуры, ее сквозь века пронесшей. Взамен же изобретается теория о тысячелетней рабе.

Но остаются следы следов — в Великом Новгороде, Смоленске и Старой Руссе в невообразимом множестве обнаруживаются письма русских людей — простолюдинов. Что одно ставит на изобретенных Западом теориях о нашей вопиющей безграмотности большой и жирный крест. Но следов с каждым днем обнаруживается все больше: находят древние монеты, фундаменты каменных православных храмов, наличие русских монастырей на Афоне в «дохристианскую» эпоху. Может быть, исследовав все эти упрямо продолжающие всплывать сведения о нас, все же удастся докопаться до столь скрупулезно кем-то упрятываемой от нас Правды?

Нами разбираемым неким таким «собирателем истории» дел было понаделано столько, что по сию пору не разгрестишь. Для современных археологов:

«Не меньший интерес представляют росписи церкви Покрова Богородицы, начатые раскопками 1974 г. Сама церковь, в числе трех храмов погребенная в 1701 г. под насыпью Рождественской «куртины», сохранилась на высоту более 5 м.

...Летописи, как известно, сохранили даты первоначального строительства церкви (1352 г.)...» [93, с. 222].

Вот какую древность уничтожал наш этот некий такой «любитель старины» — Петр.

Так для чего ж, в таком случае, нами рассматриваемый «великий» объявил приказ о сборе всех исторических ценностей, в том числе и рукописей?

А для того, чтобы точно так же, как и три древние церкви в старинном русском городе Пскове, — безжалостно уничтожить!

«Всего под укреплениями было похоронено *свыше десятка церковных и монастырских зданий*, которые сохранили стены и конструкции до высоты сводов под земляной засыпкой» [93, с. 261].

Все эти шедевры древнерусской архитектуры и фресковой иконописи, столь безжалостно уничтоженные «собирателем русской старины», теперь буквально по крупицам с огромнейшим трудом восстанавливаются реставраторами. Однако многое уже утрачено безвозвратно, что указывает на полную заинтересованность в тотальном уничтожении русской культуры этим самым *великим* ненавистником страны, отданной масонами в его страшные лапы. Петр, что выясняется, и действительно стал преобразователем: великой державы в очень великую своими размерами безжизненную *пустыню*...

И вот куда девал он работавших на монастыри крестьян. Юст Юль, свидетельствуя об изъятии Петром, например, у Новоиерусалимского монастыря в свою пользу 2 600 крестьянских хозяйств из 3 000, сообщает, что с объявления им войны Турции, то есть найдя для такого рода кощунств, вкупе с переливкой колоколов и закатывания церковей в крепостные валы, очередной способ по изъятию церковных ценностей. На этот раз о превращении в своих безправных рабов каждого шести из семи хозяйств, работающих на монастыри:

«...царь произвел такой дележ со всеми главными монастырями в России, благодаря чему ему досталось несколько сот тысяч крестьян и его доходы значительно увеличились» [293, с. 253].

Так он пополнял людьми свои к тому времени презрительно обезлюдевшие от его «хозяйствования» владения, из которых живыми спасались лишь те, кто в нужный момент, когда птенчики производили очередной набор «воров», успевал куда-либо скрыться.

А вот механика уничтожения русских святынь наследниками «славных дел», петровскими «птенчиками», в частности, «Кира и Ивана, что в приделе у Николы Чудотворца в Довмонтове стене...» в старинном городе Пскове:

«Местоположение этого придела мы находим на плане 1740 г., фиксирующем расположение церкви Николы вместе с ее пристройками... На плане Пскова, составленном в 1821 г., церкви Николы с Гребли мы уже не видим» [93, с. 218].

Почему же это *не видим*? Церковь-то не сахарная — растаять не могла, и даже не деревянная — камень не горит. Его можно лишь взорвать динамитом!

Но вот куда-то вдруг запропастилась...

Почему?

Да потому, что погуляли по Земле Русской своими «делами славными» густо насаженные «великим преобразователем» его дел наследники — «птенцы». Это варварское уничтожение русской святыни — лишь маленький эпизод в той антирусской войне, заряд которой заложил под наше государство воспетый в историях историков «преобразователь». Именно его «дела» открыли тот самый заветный краник, через который волны западного чужебесия умопомрачительным все сметающим потоком хлынули на нашу святую землю.

Между тем погребение заживо русской старины глубокой в лице церкви Николы с Гребли — это лишь продолжение уничтожения русской культуры наследниками «великих дел» Петра.

Вот как прослеживается их ненависть к русской старине по отношению «птенчиков» к древним нашим фрескам XIV в. — церкви Рождества в Городне на Волге:

«В 1745 г. она была вновь перестроена... оставшуюся на стенах живопись сбили...» [93, с. 265].

Но такого варварства не позволяли себе даже монголы!

А вот что сообщается об этой многострадальной церкви во времена петровских «славных дел» еще начала:

«В конце XVII в. после очередного пожара церковь долгое время оставалась “без пения церковного”» [93, с. 265].

И таких заброшенных церквей в начальную пору «славных дел», как оказывается, было немало. Тем она в корне и отлична от предшествующих ей времен Святой Руси. Но, однако ж, слишком походит на эпоху ей кровно сходную — эпоху ГУЛАГа и чрезвычайек, Беломорканала и концентрационных лагерей.

И если ленинская эпоха наиболее осталась славна устроенным в Поволжье искусственным голодом, что было произведено лишь для мотивации отбора у Русской Церкви всех имеющихся у нее в наличии ценностей, то в эпоху Петра, при почти аналогичных ситуациях, возникали такие же бунты, которые не менее жестоко подавлялись.

Но в самой основе причин для жесточайшего подавления постоянно вспыхивающих бунтов находилась ведущаяся Петром долгие годы все никак нескончаемая Северная война.

А ведь она имеет под собой и иные причины возникновения, которые лишь теперь начинают всплывать, обнаруживая в своих двухсотлетней давности продолжателях «славных дел» полную аналогию. Ведь исключительно сюжет разжигаемого без причин вооруженного конфликта продемонстрирован в эпоху «славных дел» наследника Петра — Ленина. Он был прекрасно, как по нотам, разыгран двумя якобы враждующими между собою сторонами, на самом деле представляющими собой две стороны одного и того же переворота — февраля 1917 года. Никакие белые армии не встали бы на защиту совершенно чуждых им интересов как раз и раздувшего эту революцию класса, если бы этот сценарий братоубийственной бойни не входил в планы захвативших власть в России сил.

Вторым вариантом по уничтожению Православия и поддерживающего его народа являлись стройки века. Эти мероприятия при большевиках запомнились достаточно не плохо. Но разработал для них данный варварский способ массового уничтожения людей их далекий предшественник. Наибольших же объемов это «Петра творенье», то есть усовершенствованный им заимствованный у заграницы чудовищный аппарат смерти, достиг при строительстве города-монстра. Где счет загубленных жизней пошел уже на миллионы...

Город-монстр

И вот самозванный император, по нашей предварительной версии должен именоваться Лжедмитрием III, учредил город с именем апостола, тождественным своему. И город этот им основан в самом центре комариных болот. И хоть вгонял Петр в фундамент своей бредовой затее ежегодные сотни тысяч жизней русских людей, но чем-либо оправдать строительство своего безжизненного детища никак поначалу не мог — позвать туда купцов было достаточно сложно, а потому:

«Новая столица была отвратительным складом, и только... пенька, кожи и другие товары, так как с 1717 года две трети всех продуктов осуждены были направляться туда, — доставлялись с трудом, обремененные огромными расходами на перевозку, а там, не находя покупателей, скоплялись, обезценивались, благодаря своему изобилию, и наконец гнили, особенно пенька» [32].

И вот по какой причине. Свидетельствует Вебер:

«Местность в Петербурге такого свойства, что пенька не может пролежать там несколько месяцев не испортившись» [401, аб. 277, с. 1336].

И вот как той трезвой оценке Дмитриева, подтвержденной свидетельствами посла иностранного государства Вебера, противоречит лжеверсия Лажечникова:

«...торговля кипит на пристанях и рынках...» [56, с. 353].

Однако ж и через пять лет после смерти Петра I эта самая торговля кипеть не могла лишь по следующей причине:

«Третий остров называется Васильевским... Предполагалось, что здесь будут жить купцы; но хотя дома и улицы очень красивы, они по большей части не заселены...» [406, с. 191–192].

Что-то уж больно призрачным и слишком неестественным выглядит этой самой торговли «кипение». Тут прослеживается именно *гниение*.

И лишь после полного запрещения «преобразователем» продажи пеньки через Архангельск в какой-то мере уменьшилось *преобразование* на огромных складах в труху столь дефицитного на Западе этого предмета русского экспорта. Ведь даже при хорошей торговле на складах Петербурга, ввиду гиблого здесь климата, пенька лежать вообще не могла.

Переработка же ее на месте обходилась бы в очень кругленькую сумму, о чем также сообщает Вебер:

«В Вологде (между Москвою и Архангельском) живут три немецких купца, которые очищают и обрабатывают всю пеньку, отправляемую в Архангельск и в чужие земли, для чего содержат на свой счет более 25 000 рабочих людей. Но Вологда такая дешевая по продовольствию местность, что на прокормление в ней рабочих требуется издержек в пятеро меньше, чем в Петербурге; следовательно, если купцы будут держать столько же народу в таком дорогом месте, как Петербург, то они не только не получают никакой прибыли, но потерпят убытки» [401, аб. 277, с. 1335].

Но не только пропитание в Петербурге было в пять раз дороже. Не только климат не позволял использовать эту местность в качестве складов. Не только доставка товаров из Москвы в Петербург обходилась втрое дороже, нежели в Архангельск. Не только жилье для купцов в этом мертворожденном городе, как и доставка груза, требовала в несколько раз больше затрат.

Сами условия подхода, а, главное, отхода для морских судов парусного флота являлись достаточно затруднительными. Ведь возможность выхода в открытое море предоставлялась только при наличии попутного ветра, а само пребывание в гавани из-за большого содержания в ней пресной неводской воды было нежелательным для дерева, из которого в те времена сооружались корабли. Потому-то уже в 1719 г. Вебер, сообщая о стоянке в порту Петербурга военных судов, ни об одном торговом судне и не заикается:

«Здесь-то преимущественно и стоит царский флот, зимою и летом; но с тех пор, как флот этот заметно увеличился и возрос уже до 40 слишком ранговых кораблей, а в то же время когда шесть лет тому назад устроена была гавань и в Ревеле, то теперь большая часть кораблей находится уже в этой гавани» [402, аб. 475, с. 1698].

Так что после отстругивания новой своей флотилии с частотой 5 лет на каждую он, под конец, все ж смекнул, что для хотя бы какого-либо чисто символического имени этих барахтающихся на волнах корытинах следовало хотя бы часть их убирать из этого гнилого места куда-нибудь в стороночку. В противном же случае, думается, вся эта его эрзац флотилия сгнивала бы много быстрее.

Вот что об этой затее Петра сообщает в 1748 г. Финкенштейн:

«...в порту Кронштадтском дела так скверно обстоят, что вода пресная корабли в короткое время повреждает...» [412, с. 321].

Но ведь и означенные являлись еще не всеми связанными с мореходством здесь проблемами:

«Водяной путь по Финскому заливу чрезвычайно опасен, и застраховка по нем, особенно во время Северной нынешней войны, почти невыносима» [401, аб. 277, с. 1336].

И лишь титаническими усилиями разграбляемых поборами русских людей и ежегодной потерей товаров на астрономические суммы для удовлетворения не имеющей аналогов прихоти монарха порт с течением времени все же начал функционировать. Однако для его нормальной работы в последующие Петру царствования пришлось вбухать еще ох как немало средств. Они пошли на строительство целой системы гидротехнических сооружений, позволяющих из центральной России подвезти к нему барки с грузами, подлежащими очень невыгодному для нас обмену. И лишь эти титанические усилия позволили вдохнуть какую-то пусть и чахлую жизнь в изначально мертворожденную затею царя-антихриста.

Но почему Петр свою столицу решил устроить на месте, наиболее пригодном для вражеского вторжения — ведь именно здесь, на месте строительства Петербурга, некогда совершил свою знаменитую высадку Ярл Биргер?

Мало того: само устройство порта именно в устье Невы было не просто безумно дорого, но, после победы над шведами, теперь и совершенно нецелесообразно. Более удобные захваченные в войне порты Ревеля и Риги полностью снимали проблему. И период навигации, и подвоз сырья, и близость его сбыта куда как более удобны были через эти уже давно имеющиеся порты. Пути сообщения с ними еще с незапамятных времен были освоены русским человеком и являлись наиболее естественными и рациональными и в торговом, да и в любом ином отношении.

«...победа уменьшила стратегическое значение Петербурга и свела почти к нулю его значение как порта. Устраивать же в нем столицу всегда было безумием... В 1778 году Екатерина II жаловалась, что находится там слишком близко от шведской границы и слишком мало защищена от нападения врасплох, едва не удавшегося однажды Густаву III. Вот что говорилось с точки зрения военной.

С точки зрения торговли, Петербург, правда, представлял довольно ценную водную систему путей сообщения. Но Рига представляла другую, гораздо лучшую... Рига, Либава и Ревель являлись единственными точками соприкосновения России с Западом. Они находились на равном расстоянии от Москвы и от Петербурга, были менее удалены от торговых центров Германии и обладали более мягким климатом» [16, с. 432–433].

И если, например:

«Р[ижский] з[алив] замерзает с декабря по апрель...» [118, т. 7, с. 124],

то:

«...в Петербурге море освобождается только около 10 мая» [410, с. 20].

Так что и в данном отношении Петербург сильно проигрывает Прибалтике, на «основание» которой никаких средств не требовалось тратить вообще. Ведь порты там существуют с давних пор. И, судя по всему, нами же когда-то и были основаны. Перешли, правда, на несколько веков во владения немцев, но теперь отторгнуты обратно. Зачем Петру и здесь было что-то особого мудрить? И, тем более что никаких сухопутных путей из центральной России в эту глушь никогда не существовало. Но местные болота лишь прикрывали от внезапного нападения врагов.

«В настоящее время сообщение с городом облегчено проведением железных дорог, но в эпоху великого царствования оно было не только затруднительно, но и опасно. Кампроден на переезде из Москвы в Петербург истратил 1 200 руб., потопил дорогой восемь лошадей и часть своего багажа, провел в пути четыре недели и приехал в Петербург совершенно больным. Сам же Петр, обогнавший дипломата, должен был часть пути сделать верхом, переправляясь через реки вплавь» [16, с. 436].

«Но зато между осужденным прошедшим и желанным преобразователем будущим была вырыта пропасть, а национальная жизнь, насильно сосредоточенная в новом центре, получила сначала поверхностный, а потом все более и более глубокий западноевропейский отпечаток, который и хотел придать ей царь. Москва и до сего дня

сохранила набожную, почти монашескую внешность. Часовни заграждают пути прохожим на каждом углу улицы. Как бы ни было занято население, оно не проходит мимо, не сотворив крестного знамения и не преклонив колен перед святыми образами, повсюду возбуждающими его благочестие» [16, с. 437].

Книга Валишевского издана до революции. А потому автору тогда не было известно, что наследники «славных дел» воспеваемого им «великого преобразователя» с лихвой исполнят волю своего завещателя. Теперь на московских улицах не только не встретишь часовен, но и крепостных ворот.

«Петербург принял с самого начала и сохранил совершенно иной, светский вид. В Москве было запрещено исполнять светскую музыку. В Петербурге же Петр мог велеть играть целые дни музыкантам-немцам на балконе своего трактира... там совершали богослужения на четырнадцати языках» [16, с. 437].

Вот где лишь и можно было выращивать ту самую импортномыслящую прослойку доморощенных полунемцев, безудержно раздувающих гидру революции, впоследствии ухайдакавшую своих же создателей. Этот легкий бриз вечно требуемой ими свободы и породил ту самую бурю столь страшной разрушительности, которая смела всех этих либеральных дворянчиков, чьи косточки ныне раскиданы по огромным просторам Земли Русской.

Но и сама идея сооружения столицы вдали от боярско-патриаршей Москвы принадлежит не Петру:

«...создание Северного Парадиза вдали от центра страны не есть оригинальный замысел самого Петра. И в этом случае, как во всех своих замыслах, он только реализовал иностранный замысел. Это реализация старого польского замысла, который созрел в головах поляков, которые, уже в Смутное время видя, — по словам одного исследователя, — “плотность боярской и духовной среды, замыкавшейся около государя, считали необходимым для проведения своих планов **в ы р в а т ь** царя из этой среды и перенести царскую резиденцию из Москвы куда-нибудь в другое место” ...Польские политики правильно рассчитали, что для того, чтобы уничтожить влияние сложившегося веками государственного строя на верховную власть, столицу нужно создать где-то на новом месте, где бы власть не зависела от политических традиций страны. Петр и выполнил этот польский план, как до этого он выполнял замыслы немцев, голландцев — протестантов — по разгрому русского государства и русской культуры.

Петровский Парадиз основан “в северном крае, — писал Карамзин, — среди зыбей болотных, в местах вынужденных на бесплодь и недостаток”, построенный на тысячах русских трупов, стал только могилой национальной России...

“Быть сему городу пусту”, — пророчил Ф. Достоевский, и его пророчество исполнилось. Февральский бунт вспыхнул именно в этом чуждом русскому сердцу городе, населенном космополитической по крови аристократией и космополитической по своему духу европействующей интеллигенцией» [238, с. 101–102].

То есть именно «Петра творенье» и позволило произвести в России революцию. Ведь именно ему мы обязаны возвращением паразитического класса Чичиковых-Коробочек, который благополучно и подгрыз сук, на котором и был высажен.

Сюда же следует добавить и учителей Петра — Вольфа и Лейбница. Ведь именно у них усиленно учился превращению нашей Великой страны в иностранную колонию ее «Преобразователь».

И его выучка у врагов нашей страны, будем все-таки справедливы, дала свои ядовитые всходы: город-монстр выпестовал в своей среде целый класс революционеров, приведший самого себя с помощью впрыснутого в него еще Петром космополитизма ко вполне прогнозируемому самоуничтожению.

Так что сама идея переноса русской столицы в сторону от Москвы вовсе не является какой-то особо свежей. Но лишь исполнением плана врагов русского человека, некогда усадивших к нам еще тогда первого Лжедмитрия.

Однако ж и в отношении музыки, которую Петр столь любил слушать за едой, он полностью копирует своего предшественника по лжеимператорству:

«За обедом у Дмитрия была музыка, чего не делалось при прежних царях» [51, с. 309].

Мы прекрасно знаем, как ненавидел Петр русский лес:

«Вековые дубовые леса в Воронежской губернии были вырублены во имя постройки каких-то двух десятков кораблей. Миллионы бревен валялись десятки лет спустя, свидетельствуя о хищнической, бессистемной вырубке лесов. Целая лесная область была превращена в степь, и в результате верховья Дона перестали быть судоходными. 35 же построенных кораблей сгнило в водах Дона²⁷» [19, с. 129–130].

Немногим лучше он поступил и с корабельными лесами Архангельска, где задуманная им флотилия на плаву не продержалась: построенные по голландским проектам корабли оказались не приспособленными для плавания в наших северных широтах.

Почему так, мягко говоря, безхозяйственно он поступил со своими поистине бесценными лесными угожьями?

Да потому, что ему в этих граничащих со степью достаточно опасных для его персоны лесных южнорусских дебрях не жить. Не жить ему и в Архангельске, столь серьезно конкурирующим с возводимым на костях новоделом. А потому и не жалко уничтожить: Петр вырубал наше достояние практически под корень, не оставляя потомкам и молодой поросли!

Однако же у себя под носом при постройке города-покойника в лишенном лесных массивов гнилом нежилом месте, куда для его отопления зимой приходилось ввозить лес издалека и который в этой болотистой местности, лишенной настоящих лесов, стоил баснословно дорого:

«...его царское величество под страхом смертной казни запретил срубить в С.-Петербурге... хотя бы ветку, не говоря уже о дереве» [281, с. 59].

А потому:

«...по берегам Невы и вдоль Финского залива стояли... виселицы в поучение хищникам. В черте нынешнего Петербурга, на месте, где теперь таможня, поднимался тогда сосновый лес; так как в нем упорно рубили дрова, то Петр устраивал облаву и присуждал десятого преступника на виселицу, а остальных — к кнуту²⁸» [16, с. 503].

Вот такая у Петра, как теперь оказывается, была великая любовь к природе!

И такое не в завоеванном чужеземном государстве, а вроде бы как в своей кровной стране! Возможно ли такое?!

Только лишь в одном единственном случае. Если эта страна диктатору вовсе не кровная, а инородная — чужая! Мало того — люто ему ненавистная!

И все вышеприведенные доводы являются подтверждением того, что именно *кровно* к русской нации этот самый «великий» ни под каким соусом и близко принадлежать не мог!!!

И его выпуклые рыбы глаза, черные как смоль, от самых корней кучерявые чисто негроидного типа волосы, жиденькая борода, свойственная лишь мулатам, черная чисто хананейского цвета кожа — все говорит о принадлежности Петра к негроидной расе. Ко всему прочему имеется столько заложенных уже чисто на подсознательном уровне отличительных от русского человека особенностей, что лишь перечислив нелюбимые Петром предметы русского обихода, можно с полной уверенностью сообщить о его происхождении, явно и недвусмысленно исключаящую какую-либо возможность отношения к нашей нации.

А его лютая, просто патологическая ненависть к русскому лесу выглядит по-особому вопиюще. И здесь присуждение к виселице за обломанный сучок не в счет: куражиться, при желании, можно над чем угодно. Ведь им оказались загублены не только воронежские

²⁷ Башилов Б. История русского масонства. М., 1995.

²⁸ Зобов. Этюд в Журнале Земледелия, 1872.

леса. Во многих иных регионах нашей державы этот апокалипсический зверь погулял своей секирой не менее безжалостно: русский лес был ему ненавистен, и он рубил его без всякого разбора. А что он из него построил?

При приемке хозяйствования достоящейся ей разоренной «великими» реформами страны государыня Елизавета Петровна ни одного корабля в свое наследство не получила...

Так что ни о каком российском флоте, появлению которого мы якобы обязаны «гению Петра», говорить просто не приходится. Наструганные им в невероятнейших количествах фелюги сгнили в пресных водах Невы, даже не дожив до царствования его дочери.

Петр со звериной жестокостью уничтожил половину мужского населения вверенной ему державы. Подобные ему злодеяния на нашей земле совершали лишь Батый, Наполеон, Адольф Гитлер и Ленин со последователями.

И фашистов в проявленной ими звериной жестокости, которая обошлась нам более чем в двадцать миллионов жизней, особо сурово винить не стоит — ведь они враги, которых пускать на свою территорию нельзя (это нам наука перед нынешним снятием шляпы перед «дядюшкой Сэмом»). Императора Наполеона Бонапарта, как и хана Батыя, винить чрезмерно также не следует. Ведь они открытые враги, и пощады от них никто и не дожидался. Однако же своим вероисповеданием, что становится все более очевидным, все они слишком схожи, чтобы этот факт можно было так все и продолжать игнорировать. Потому осквернение православных храмов творилось как при занятии наших городов и весей татара-монголами, так и их сменившими более нам приближенными по времени варварами — масонами французской революции, пришедшими с Наполеоном для уничтожения русских святынь. А потому нечего удивляться произведенными ими кровавыми злодеяниями — именно мы их доктрине-то как раз и поперек горла, потому как Петр чисто врожденно чувствовал ненависть к Православию, с которым боролся всю свою жизнь.

И колокола на пушки он переливал вовсе не от нужды, но все от той же ненависти (90% снятых с церкви колоколов так и остались валяться «незадействованными»). И новые отливать запретил именно поэтому. И патриаршество на Руси уничтожил исключительно для усиления этой борьбы. И имущество у Церкви, опередив большевиков на пару веков, все с той же целью отобрал. Он же и московские часовни к сносу назначил. Но вот уж только здесь явно палку перегнул, смог лишь частично какие-то из них подвергнуть мерзости запустения. И только большевики-ленинцы его «дела» «славные» сносом часовен продолжили, не забыв при этом приступить к уничтожению и проездных башен русских крепостей (на них обычно устанавливалась икона, на которую молились все проходящие в ворота люди)...

Тут можно много еще чего перечислить. Но и всего вышесказанного вполне достаточно, чтобы определить его полную чисто генетическую неприязнь ко всему русскому. А потому Петру и не жалко было инородного и инославного ему народа, который, несмотря на все его усилия, ни под кнутом, ни на дыбе, ни даже на плахе Бога своего предавать все никак не желал. Вот потому и сам подлежал быть преданным на Голгофу.

А раз хворост в его владениях русские люди даже под угрозой смерти все так же продолжали собирать, то, значит, им было уже все равно, от какой смерти погибать: от голода, болезней и холода или под ударами кнута и на виселице. Чему и является вопиющим подтверждением тот злоеший факт, что ежегодно Петр свозил на свою «стройку века» каждый раз все новые и новые сотни тысяч русских людей, обреченных на лютую холодную смерть, от которых к следующему году в живых никого не оставалось!

Самым же страшным во всей этой истории является еще лишь тот всем распрекрасно известный факт, что ежегодно уровень воды в Неве по несколько раз подымается. Причем, даже наличие дамб не всегда спасает от наводнения. Во времена же Петра это бедствие

просто не позволяло даже попытаться заготовить для сотен тысяч собранных работников продовольствие:

«Осенние наводнения причиняют много неудобств, иногда ночью вода неожиданно поднимается до вторых этажей, так что скот часто уносит, а жители едва спасаются на верхних этажах своих домов» [298, с. 95].

А как же собранные со всей страны так называемые «колодники»?

Их ждала такая же участь, которая постигала в Петербурге арестантов и полувеком позже Петра. Вот, например, что случилось во время очередного здесь наводнения в сентябре 1768 г.:

«...в крепости и в погребах разных тюрем залито водою до 2 000 преступников» [407, с. 185].

Понятно, что в петровские времена количество скованных по рукам и ногам людей, содержащихся в подвальных и полуподвальных помещениях, было в десятки раз большим. То есть каждое такое наводнение, когда вода частенько поднималась и до второго этажа, убивало десятки тысяч людей, находящихся в многочисленных петровских темницах.

Но и жилища, не имеющие спасительного второго этажа, что и понятно без комментариев, принадлежавшие простолюдинам, подвергались не меньшей опасности:

«...ужаснее всего положение Калинкинского предместья, где все дома разрушены и повсюду лежат трупы мужчин, женщин, детей!..» (там же).

Но и оставшиеся чудом в живых после наводнения были обречены на иной вид смерти — голодную. Вот что сообщает о том Чарльз Уитворт:

«По этой причине они не могут устроить складов либо погребов — землю также нельзя копать, поскольку на глубине двух футов выступает вода» [298, с. 95].

То есть даже и при большом на то желании запастись на зиму необходимого количества продуктов здесь было просто технически невозможно. Желания же такого, судя по факту ежегодного уморения голодом и холодом сотен тысяч людей, у Петра не было никогда. Вот по какой главной причине ему так нравился этот изобретенный им город-монстр с неподлежащим завершению вечным его строительством, когда каждое такое наводнение заставляло чуть ли ни весь этот деревянный город, превращающийся в руины, отстраивать заново. Ведь даже каменные многометровой толщины стены Петропавловской крепости после наводнений приходилось ремонтировать. О чем сообщает полувеком позднее Петра Корберон:

«Даже стены самой крепости пострадали» [407, с. 185].

Но и сама природа не давала человеку, рискнувшему поселиться здесь, никаких шансов на выживание:

«Местность вследствие избытка воды имеет холодную почву и неплодородна, поэтому зимой и летом приходится доставать продовольствие за много сотен миль, и оно, следовательно, чрезвычайно дорого. Во всей округе не сыскать даже самого маленького фруктового дерева» [398, с. 265].

Причем, даже то самое малое, что все же большими усилиями там удастся вырастить, а также выпасти некоторое количество скота, так как кругом одни болота, для пропитания города слишком недостаточно:

«...из-за множества народа в С.-Петербурге все съедено, и очень бедным людям стало даже нечем жить, и можно заметить, что они ныне кормятся одними кореньями, капустой, репой и т.д., а хлеба уже почти вовсе не видят. Поэтому легко себе представить, насколько убогое и жалкое существование влачат эти бедные люди...» [399, с. 58].

«...рыба тоже довольно дорога. Но в большом избытке есть дурно пахнущая соленая рыба... и хотя от нее уже издали распространяется столь сильный запах, что приходится зажимать нос, русские, особенно простолюдины, едят ее с почти невероятной жадностью...» [399, с. 59].

То есть в Питере тех времен среди согнанных сюда крестьян, даже тех, которые не были закованы в кандалы, стоял страшный голод. Потому-то иностранцы так и удивляются «жадности» русских до этой вонючей рыбы — сытый голодного не разумеет.

Как здесь обстояло с топливом для обогрева жалких бараков, отведенных Петром для своих работников, уже сообщалось выше. То есть с приходом зимы не только согнанные петровскими жандармами закованные в кандалы недоимщики, но и без кандалов собранные в эту гиблую местность люди, вряд ли имели возможность спасти себя от наступающих зимних холодов. Ведь если в качестве еды им просто за счастье было раздобыть гнилую вонючую селедку, то откуда у них деньги на куда как и еще более дорогущую в этой гиблой местности необходимую вещь для обогрева — дрова? И в такой местности, где, ввиду близости подпочвенных вод, невозможно было соорудить себе, чтобы не погибнуть, даже землянку?

А ведь здесь даже за сломанный сучок приговаривали к смертной казни. И виселицы с повешенными, в назидание пока остающимся живыми, чтобы люди и не пытались себя спасти, были выставлены вдоль Невы и Финского залива.

Такая вот обрисовывается в здешней местности зловещая картина. Да и бежать отсюда просто невозможно:

«Местность сплошь болотиста, что делает весьма тяжелыми дороги, ведущие в город и из него» [398, с. 266].

«...если один только день идет дождь, то пешком уже нигде не пройдешь, повсюду застреваешь в грязи» [399, с. 60].

И вот какие Петром были здесь порядочки заведены:

«Рабочие, определяемые к постройкам областных крепостей, брались на полгода, и на этот срок давалось им продовольствие, но многие не возвращались домой, рабочая повинность была, по замечанию одного современника, бездна, в которой погибало безчисленное количество русского народа...» [51, с. 675].

«...из дальних губерний каждый год пригоняли толпы крестьян, чтобы рыть каналы и строить дворцы. Не хватало ни лопат, ни заступов, и они землю носили в подолах, камни ворочали голыми руками, а жили в землянках на болоте. Жалованья им не давали, полагалась только пища, да и ту разворовывали чиновники. Наступали холода, и они мерзли, мерли; за городом росли обширные кладбища» [146, с. 54].

О том, как это происходило, свидетельствует Вебер:

«Со смертью бедных простолюдинов не соблюдают особых церемоний. Завернув тело в рогожу, привязывают двумя веревками к жерди, и затем два человека его уносят или увозят на санях, как я видел собственными глазами, совершенно нагими, и хоронят без песнопений, колокольного звона и провожающих» [281, с. 63].

Так заканчивали свою недолгую жизнь в изобретенном Петром грандиознейшем за всю историю своими масштабами и размерами концлагере русские мастеровые люди, огульно обвиненные им в воровстве, а потому обреченные на холодную и голодную смерть.

«Но весной пригоняли новые тысячи, а кладбища, переполненные до краев, сдавали купцам под огороды: так они и назывались — “огороды на могилах”» [146, с. 54].

Что нам это напоминает?!

А то, что извлекли из опыта «славных дел» при строительстве Беломорканала, канала им. Москвы (Дмитлага), Метростроя и иных строек века его наследники советского периода. Петербург — это ГУЛАГ петровской революции!

«...его строительство представляло, по существу, первый концентрационный лагерь на территории страны» [161, с. 47].

И вот какими варварскими методами шла эта стройка века:

«Согласно сведениям Ф.-Х. Вебера, на петербургских и кроншлотских работах погибло более 300 тыс. человек²⁹» [399, прим. 8 к с. 50].

---

²⁹ См.: Вебер Ф.-Х. Записки. Стб. 119.

«Таким образом, за какие-нибудь четыре летние месяца 1703 года эта крепость была возведена...» [399, с. 50].

Чем поглощение этой стройкой века людских душ отнюдь не прекратилось:

«впоследствии постепенно год за годом над нею продолжали работать...» (там же).

То есть концлагерь здесь продолжал действовать и во все последующие времена:

«...пока она не достигла такого состояния, что ей удивляются» (там же).

И действительно — есть чему подивиться. Ведь даже Адольф Гитлер, однажды расстреляв безбилетников, внес этим такой ужас в сознание своих сограждан, что они и по сию пору исправно платят за проезд. А раз платят, то, значит, есть чем.

А у нас, похоже, за дрова свезенным сюда русским людям платить было просто нечем. Так ведь и сами его последователи в изданной ЦК ВЛКСМ о тех временах отписочке достаточно откровенно и сообщают, что никакого *жалованья* свезенным сюда русским людям вообще *не полагалось!* А на 133 версты кругом одни болота и ни одной живой души! Это проклятое место представляло собой сплошную пустыню, а потому люди здесь никогда и не жили. Разве что десяток-другой чухонцев в Шушарах. Вот почему Петру не потребовалось ставить вышек и обносить свой ГУЛАГ колючей проволокою — бежать отсюда было некуда!

Однако ж хоть про вышки с колючей проволокой сведения пока не просочились, но о постоянно берущихся откуда-то каких-то «колодниках» один из певцов великости «преобразователя» все ж пробалтывается:

«Петр писал Ромодановскому: “...в людях зело нужда есть, вели по всем городам, приказам и ратушам собрать воров, слать их сюда”» [135, с. 471].

Так вот откуда Петр набирал себе эти ежегодные сотни тысяч рабов! Ведь нет ничего проще: объяви человека воров — и можно слать его в качестве *колодника* в Петербург! Видать, не зря антихрист за границу учиться ездил. Эту западную манеру борьбы с перенаселением он позаимствовал не иначе как в Германии. Мало того, у самых эффективных борцов с перенаселением: *судов* таинственной *фем*.

«...Петр писал князю-кесарю, прося слать еще людей, — “зело здесь болеют, а многие и померли”. Шли и шли обозы, рабочие, *колодники*...» [135, с. 472].

Так что фраза эта теперь вовсе не удивительна — термин «рабочие» в петровском понимании и есть — «колодники»! А скованный по рукам и ногам человек даже хворост в его лесу воровать не сможет — он скован, и, как придет зима, так просто зачоченеет и умрет от холода. Тихо и без шума. Кормежка же его в зимнее время, судя по просто технической невозможности строительства здесь каких-либо складов, вообще не предусматривалась и изначально. Потому русский работник (мастеровой или гребец с галеры), закованный как тут принято в кандалы, как-либо избежавший смерти от холода, умирал от голода.

И вот откуда этих «колодников» каждый год новых набирали:

«Самые разнообразные окладные и неокладные налоги, существовавшие при Петре, *не были поставлены в соответствие с действительною платежною способностью*; оттого во все царствование Петра не переводились неоплатные должники казне... приказано было отправлять их на казенные работы...» [51, с. 746].

А ежели кто задумает над таким несчастным человеком, предназначенным на убой, сострадать, то получит от супостата соответствующее мздовоздаяние:

«Государь (4 апреля 1722 года) указал предавать виновных подьячих смертной казни, если окажется, что они делали потачку колодникам» [51, с. 746].

Вот как обрисовывает Берхгольц при путешествии своем из Петербурга в Москву созданную Петром эту работающую к тому времени уже три десятилетия кряду систему уничтожения русского народа посредством обложения его невозможными к выплате налогами:

«По улицам [Новгорода — А.М.] я встречал множество арестантов, из которых одни имели на ногах цепи, другие — большие деревянные кандалы, а некоторые были даже

скованы попарно, подобно охотничьим собакам. Это были частью должники, частью воры... Все они собирали по городу милостыню» [316, с. 276].

То есть людей, даже закованных в кандалы его подручными, Петр кормить вовсе не собирался. Потому все они были предназначены им холодной и голодной смерти, причем, со скованными железом руками и ногами.

Такую вот вполне своей кровожадностью достойную Чингисхана империю зла основал некогда Петр, и по сию пору всеми воспеваемый и возвеличиваемый.

Так что изобретшим Беломорканал «щенкам» действительно до «льва» было еще очень далеко. *Уничтожаемая им практически под ноль нация о запланированности своего уничтожения не только еще тогда не догадывалась, но не поняла этого даже и теперь, триста лет спустя!!!*

А вот наследники религии Древнего Ханаана с Беломорканала и Соловков назад вернулись живыми. Потому есть хоть кому об этом рассказать. Мало того, не только рассказать, но именно свою религиозную общность и объявить от жидомасонской же революции больше всех, мол, и пострадавшею! Одни они и вернулись, а, значит, лишь они одни, бедолажечки такие, и являются пострадавшими-де совершенно безвинно от этой самой «пролетарской», мало того, — «русской» революции! А вот уже со строек века Петра мало того, что вообще ни одна живая душа так и не возвратилась, но даже и не поняла — за что туда угодила! Те же родственники, кто их в последний этот колодный путь провожал, были подавлены больше не предстоящим их кормильцу за что-то наказанием, но именно случившейся иного рода бедой — преступлением, поскольку колодники в русской семье — это большой позор. Именно стыд является мерилем поступков русского человека. Ведь откуда им было тогда знать, что должниками государству являлись в те времена чуть ли ни вообще все! То есть все население России. Потому эта найденная Петром наша ахиллесова пята так ему тогда в деле борьбы «с перенаселением» и пригодилась.

Ведь откуда им всем знать, что никакой серьезной войны их государство вовсе не ведет, но лишь имитирует ведение столь катастрофически неудачной войны, постоянно объявляя народу о постигающих «в перенапряжении сил» «нуждах». То знали все во времена Петра — пропаганда работала.

То же скопировали и его последователи.

И все вышеозначенные преступления, что самое здесь поучительное, творились даже под одними и теми же символами. «Славные дела» у Петра не только совершались под *красным флагом*, адмиралом которого был назначен масон Меншиков, но и творили их именно *комиссары*.

«...в каждом уезде находились земские *комиссары*, наблюдавшие за *добрым порядком*» [136, с. 64].

Какой «добрый порядок» они нам могут предложить, мы уже теперь в полном объеме оценили по достоинству. И заплечных дел мастера в глухих подвалах чрезвычайек уже на нашей же шкуре разъяснили нам свое со времен «преобразователя» много возросшее искусство.

И в этом нет ничего особенного: Петр куда как больше любил все же мертвых, нежели живых. А это является не просто очередной его привычкой ко всему дурному. Это болезнь, называемая некрофилией:

«В Лейдене в анатомическом театре знаменитого Боергова, заметив отвращение русских спутников к трупам, заставил их зубами разрывать мускулы трупа» [125, с. 535–536].

Это отвращение к покойникам нормальных людей для больного недугом некрофилии царя-антихриста являлось возмутительным. Потому он и потребовал от них пусть хотя бы еще лишь видимого уподобления самому себе.

Сам же он покойников просто обожал. Вот, например, как любилвал он провожать в последний путь своих верноподданных. По свидетельству датского посла Юля:

«Когда священники сделали свое дело, царь и (другие лица), кто пожелал, прощаясь с покойным, поцеловали его в губы» [193, с. 200].

Вот как Петр приучал свою свиту к подобного рода церемониалу, который затем и воплотил у себя на Родине. Это для того, чтобы каждый из его сопровождающих лиц уж непременно *пожелал* целовать в губы мертвого человека.

Вот еще очередной эпизод из его богатой на подобные проявления некрофилии биографии:

«...Петр... слушал лекции профессора анатомии Рюйша, присутствовал при операциях и, увидав в его анатомическом кабинете превосходно препарированный труп ребенка, который улыбался, как живой, не утерпел и поцеловал его...» [136, с. 51–52].

Этот его поступок, произведенный за нашими границами, убедительно свидетельствует, что его интересовали не только трупы русских людей: Петр обожал практически любые трупы. Даже иностранцев. Такое о себе мнение он закрепил после смерти давнего своего врага:

«Смерть Карла XII в 1718 г. помешала мирным предложениям. В следующие годы Петр посылал свой флот к берегам Швеции, который жег города и села, пока не был заключен Ништадтский мир в 1721 г...» [136, с. 59].

Петровские птенчики и в этой ситуации вели себя как всегда:

«...истребляли всюду хлебное зерно, убивали и угоняли скот и лошадей... перебили множество безоружного народа, не успевшего спастись бегством» [51, с. 731].

И все это несмотря на то, что:

«В 1716 году был издан Устав Воинский, где такие действия, как разгром неприятельских городов, крепостей и населенных пунктов, занятых без сопротивления, карался смертной казнью. В артикулах 104 и 105 Устава “О взятии городов, крепостей, добычей и пленных” перечислялись объекты и лица, нападение на которых после штурма города или крепости запрещалось под страхом смертной казни» [52, с. 39].

Но нам не ведомо для коих нужд составлялись данные артикулы, так как птенчики даже устроили некоторое такое меж собой по количеству истребления беззащитного народонаселения «социалистическое» соревнование:

«Апраксин истребил шесть больших городов, более сотни дворянских усадеб, 826 деревень...» [51, с. 731].

Его сотоварищ по разбоям, конкурент «Генерал-майор Ласи, со своей стороны, сжег два города, двадцать одну владельческую усадьбу, 535 сел и деревень» (там же).

И здесь, опять же, Петр вновь попытался хотя бы на бумаге убрать с себя обвинения в излишней тяге охоты за скальпами. В одном из своих артикулов он повелевает:

«людей не токмо не брать, но не грабить» [207, с. 128].

Но на самом деле все было с точностью до наоборот:

«...города и поселки горели» (там же).

Вот, например, как описывает очевидец этого петровского «не грабить» Вебер, лишь проехавший по разоренным Петром землям Прибалтики:

«Страна, по причине недостатка в народе, не заселена даже и на четвертую долю, и по оставшимся еще развалинам можно судить, какое громадное множество дворянских и крестьянских домов истреблены пламенем войны» [400, аб. 261, с. 1164–1165].

Все тоже, судя лишь по перечисленным выше сожженным городам, усадьбам и селениям, творилось и в самой Швеции.

Но почему здесь нет сводок о сражениях и победах? Почему счет идет лишь о количестве разоренных и сожженных деревень?

Так ведь они со Швецией совсем и не думали воевать. А действовали чисто по-пиратски:

«...разоряли шведские города налетом, появляясь и исчезая то в том, то в другом месте» (там же).

И вот такая поистине просто астрономическая армада корсарствовала в ту пору в здешних краях:

«6 июля [1719 г.] к о. Ламеланду прибыл громадный галерный флот в 232 вымпела, в числе которых было 132 большие галеры. Этот флот доставил 26 000 чел. десантных войск» [207, с. 127].

А всей этой безчисленной корсарской флотилией содеянное, хотя бы в приблизительных цифрах, описано чуть выше.

То есть *целых три года*, нежданно получив военное преимущество на море, Петр со своими полицейскими заплечных дел войсками занимался ничем не прикрытым пиратством! Убивал и грабил, жег и насиловал...

Ничуть не больше внимания он уделял оказавшейся у него в плену этой самой загранице:

«...на строительстве города и Ладожского канала сложили свои косточки и сорок тысяч пленных шведов...» [15, с. 376].

Но с грабежей и массовых убийств чужеземцев он при этом все равно с куда как большим удовольствием переходил к охоте за «белыми неграми», каковыми являлись русские люди, все более и более им закабаляемые:

«На русского плательщика он смотрел жизнерадостно, предполагая в нем неистощимый запас всяких податных сил... в инструкции новоутвержденному сенату: “денег как возможно собирать, понеже деньги суть артерию войны”³⁰» [124, с. 341].

И выколачивалась с такой «легкостью» суть этой самой «артерии» из русского мужика лишь потому, что все уже прекрасно знали, что «наблюдающими за добрым порядком комиссарами» недоимщики будут забиты в колодки и отправлены в никуда: ведь со строек века тех времен еще никто не возвращался.

А так как «шли людей», потому как «зело мрут», то и комиссары свой «добрый порядок» изысканием «воров» с лихвой обезпечивали, не гнушаясь при этом практически ничем.

«В то время, когда при дворе отправляли маскарады и веселились, в народе слышны были проклятия, за которые неосторожных тащили в тайную канцелярию и предавали варварским мукам» [51, с. 761].

Однако ж и у наследующих им комиссаров, то есть у воинства «щенков», что зафиксировано в фактах многих сотен ныне прославленных святых, замученных комиссарами Ленина, совесть также отсутствовала напрочь. Сколько же ее имелось у гвардии этого самого «льва», коль половину мужского населения им удалось «уличить» в «воровстве», а потому и уничтожить?

Но прекрасно ориентированная на ложь петровская политика способствовала удивительному затуманиванию происходящего. Потому русского мужика так легко ловили на его совестливости. И родственники уводимых за «воровство» не знали, что обвинившие их кормильца люди, *петровские комиссары*, наблюдающие «за добрым порядком», на самом деле — сами воры и лгуны. И ничего святого для них давно уже нет. А потому действуют они хуже судей «святой» фем. Ведь даже без предварительного удара указкой они хватают первого попавшегося и забивают в колодки. Потому как если кому-либо из этих комиссаров, «наблюдающих за добрым порядком», не удастся выполнить отпущенной ему нормы по сбору неких «воров», то его и самого забьют в те же колодки! А то — к кнуту — и до смерти! Ведь даже на детей дворянских это распространялось, а уж на взрослых — так и подавно! Так что если ты убивать отказываешься, то убьют тебя самого!

В помощь комиссарам были изобретены драконовские законы о страшных поборах и битье недоимщиков. Уже с пеленок каждый человек облагался огромными налогами! А если по лавкам пятнадцать ртов, откуда взять столько денег для покрытия налога?!

---

³⁰ ПСЗ. Т. IV. №2329.

Вот отца этого многодетного семейства хватают, объявляют «вором» и отсылают на «стройку века», где суждено ему сначала превратиться в доходягу, а затем замерзнуть зимой тихо и скромно в бараке, переполненном такими же, как и он, русскими людьми, приговоренными царем-антихристом к лютому безжалостному уничтожению.

Но потеря кормильца, между прочим, с осиротевшей семьи никаких налогов не снимает! И она должна теперь решать — как ей поступить: или начать голодать, чтобы хоть как-то попытаться оградить себя от продолжения репрессий со стороны комиссаров, что должно повлечь за собой постепенное вымирание маленьких детей от голода, или ждать, когда старшего из семьи отберут на очередную «стройку века». Затем следующего и т.д. Так должна быть уничтожена под корень эта самая упрямая нация, которая лишь единственная имеет столь не нравящийся любителю заборов с человеческими головами дух, который именуется *русским*.

Князь С.Е. Трубецкой, 20-е гг. XX в.:

«Петр — не большевик а la lettre, каким выставляют его некоторые, но все же духовная зараза, которая бушует сейчас по России, была и в его душе... Отход от Церкви, глумление над ней (“Всеобщий Собор”!), отрешение от всех традиций и даже ярая вражда к ним... садизм (пытки сына, казни стрельцов)...» [137, с. 326].

Так что такое петровская революция?

Это революция сверху. Она произведена с помощью того самого сословия, которое, продавшись масонам, усадило нам на голову этого хананея. И подручными воцарившийся монстр избрал себе представителей именно этого сословия, лишь слегка сдобрив его безродными выскочками — подонками и шлюхами, да иноземцами, которые были для него своеобразным «Клондайком». И вся эта его гвардия обязана была довести дело Люцифера до конца: до полного истребления этого столь неподатливого племени.

Вот потому-то правящему сословию и выгодно было все это время выгораживать своего вожака, приставившего к кормушке всю свору густо распложенных «славными делами» вампиров. Не было выгоды вскрывать прошлое и царской династии: ведь лишь объявить Петра представителем туземного населения Ханаана было для нее равносильно революции!

Но антихристианская сущность всех этих революций, представляющих собою лишь бочку с водой, где революционеры — это плавающее всегда исключительно наверху кое-что, подразумевает и замену уже порядком поднадоевших донорам революций декораций. Что производится этой бочкой лишь переворачиванием, когда «ничем», то есть донные отложения плавающего на поверхности, как бы делается сразу этим самым «всем». Но при всем при этом само это «кое-что» остается все там же — наверху. И если Петр произвел революцию правящим сословием, то Ленин свой жидомасонский переворот обозвал революцией снизу. То есть, если при Петре в первую очередь уничтожению подлежали низы, то при Ленине, наоборот, — верхи. Затем — «кулаки», затем — «подкулачники» и т. д.

Но суть у них у обоих одна — тотальное уничтожение русского человека!

Но если про большевиков-ленинцев теперь-то уж ясно все, то Петр, чье правление густо обставлено плахами, виселицами, пыточными казематами и застенками — вплоть до его появления в дыму американских небоскребов — оставался все как-то на удивление в тени. И хоть в роли дьявола в дыму он и выглядит вполне на месте, но до сих пор кого ни спроси, все продолжают мямлить про него невразумительное: ну, не прав, ну, убивал, но ведь он чего-то там такое даже как будто бы вроде бы и строил...

Так что верно сказано о ленинских большевиках: *«далеко щенкам до льва!»* Ведь Петр своими нововведениями хваленую за границу ох как еще и переплюнул. И по очень важному для них показателю — «борьбе с перенаселением»!

«...людей не жалели — недаром даже большевики воспели Петра. Превращение Московской Руси в европейский “парадиз” стоило дорого. Население сократилось... Современная Россия сокращает свое население по миллиону в год. Но если “петровская

демография» шагнет своим подкованным ботфортом в нынешний день, Римский клуб порадует. И само привидение Нобеля повесит на грудь нашему лидеру какую-нибудь блямбу...» [19, с. 130].

И лишь скоропостижная смерть диктатора избавила русское население России от задуманного антихристом тотального уничтожения.

И все то страшное, что по-настоящему творилось при строительстве Петербурга, мы, к своему глубочайшему прискорбию, так практически совсем и не знаем. Но о лютой смерти от холода сотен тысяч русских людей теперь кое-что проведали. И этот страшный путь нам указали виселицы, словно кресты вдоль дорог после восстания Спартака, с раскачиваемыми на ветру обледенелыми трупами русских людей, казненных царем-палачом за вязанку хвороста. Они тянулись нескончаемым ужасным ограждением жутких владений этого прямого потомка сатанинской нации содомитов. А своим кошмарным забором из виселиц, протянувшимся по берегам Невы и Финского залива на многие десятки километров, он переплюнул не только своих последователей — «щенок» «пролетарской» революции, но и хваленую за границу, в данной области «искусств» к тому времени преизрядно поднаторевшую.

Да что там за границу — он переплюнул даже бабушку Ягу! Ей остается лишь мечтать о таком ограждении своей людоедской избушечки...

Вот, наконец, и стала нам более ясна та страшная правда о методах уничтожения миллионов русских людей на самой главной стройке века царя-антихриста. Но был еще, например, Таганрог. Вот каковы людские потери были теперь и на этой стройке века, о чем свидетельствует Фоккеродт:

«...по случаю болотистой почвы и плохих мер, какие вообще обыкновенно принимаются в России для продовольствия рабочих [понятно дело, во времена Петра I и его «птенчиков» — А.М.], при этой работе погибло их до 300 тысяч от болезней и голода. Но едва эта пристань пришла в совершеннейший вид, как Петр должен был скрыть ее... и место уступить туркам по миру, заключенному при Пруте» [301, с. 77].

Такова была судьба еще лишь одной из многих затей Петра. А были еще Рогервик и Азов. Были Архангельская, Переяславльская, Воронежская, С.-Петербургская флотилии, сгнивающие быстрее, чем успевали быть спущенными на воду наструганные из сырого леса в авральном порядке их многочисленные суда. Строились по иноземным образцам заводы и фабрики; для обеспечения безумных строителей в безумных местах городов рылись многочисленные каналы.

Но не только закрепощенный Петром простой русский крестьянин в этом концлагере был обречен на тотальное истребление. Обязанный теперь лишь через Петербург торговать пенькой русский купец находился либо под угрозой разорения, ввиду не востребоваемости ввозимой им продукции, либо под угрозой смертной казни за какие-либо недовольства полученным товаром купца, при Петре особо привилегированного — иностранного:

«В указе 13 марта 1716 года назначается *смертная казнь* тем русским купцам, которые осмелились бы вкладывать в связки пеньки порченный товар... на который жаловались их английские клиенты (Сборник, т. XI, с. 308)» [16, с. 504].

И это все притом, что еще во времена Ивана Грозного этот вид нашей отечественной продукции являлся лучшим в мире. Вот что об этом сообщает англичанин Артур Эдуардс, посетивший Россию в 1565–1567 гг.:

«Один здешний канат стоит двух данцигских...» [463, с. 238].

Теперь же, когда Петербург становится огромным складом невостребованных товаров, за пеньковые канаты, гниющие по вине самого же «Преобразователя», русского купца, за всего лишь жалобу на него иноземного гостя, ждет петля.

А через пару лет Петр вводит эти колониальные правила и на многие иные виды русского экспорта, за которые также следует убивать всех попытавшихся нанести финансовый вред столь удивительно обожаемым им колонизаторам — англичанам:

«В 1718 году устроены так называемые браковщики (т.е. поверщики) по торговле льном, пенькою, салом, юфтью и учреждены правила для проверки» [51, с. 694].

Так чья же власть в стране была?! Выходит что — английская?

Потому как именно они, что отчетливо явствует из всего вышесказанного:

«...овладели всею русскою внешнею торговлею и извлекали из нее значительные выгоды» [186, LXXIII].

Как из колонии. А вот что из них в те петровские времена они качали:

«Европейская торговля оживает. Барыши в 300% при торговле с колониями считаются нормальными» [188, с. 253].

С колониями. В одну из которых, что следует из всего вышеизложенного, в тот момент, титаническими стараниями Петра, превращается и Россия.

А потому, что и естественно для колонии, не Россия кормится за счет общающихся с ней посредством торговли народов, но они ею. Потому Фоккеродт и удивляется несоразмерности богатствам страны и получаемой ею с того «выгоды»:

«Доходы России вовсе не соразмерны с величиной этого царства. Петр I мог увеличить обыкновенные доходы в свое царствование не свыше 9 и 10 миллионов рублей, а по кончине его не слышно, чтобы они умножились заметным образом» [301, с. 104].

За счет чего умножились бы? Ведь приставленные в качестве пиявок иностранцы в царство Анны Иоанновны, когда и крапает свои вирши Фоккеродт, все так и продолжали извлекать из вскрытой Петром аорты России, Петербурга, по 300% дохода. То есть как из Гвинеи Бисау или каких иных банановых островов. Немалую толику от бюджета страны сжирал и сам этот город монстр, построенный на костях преобразованных Петром в покойников многих сотен тысяч русских людей. Ведь только одна еще доставка в эту безжизненную пустыню всего ей необходимого уже сама сжирала немалую толику от этого бюджета.

Для кого, спрашивается, был устроен этот город-монстр на болотах?

Так ведь ясно за версту — для тех, кто имел с него 300% дохода. То есть для иностранцев. И именно здесь, находясь от русских людей на почтительном удалении, они и могли чувствовать себя все же в относительной безопасности. И живя здесь неспешно заниматься разграблением перепавшей им в качестве колонии страны.

Так когда же это они нас завоевать успели? Как мы столь удивительнейшим образом прохлопали такой момент случившейся с нами истории?!

Завоевать Россию в открытом бою практически невозможно. Даже объединенная крестоносно-монгольская рать за два года непрерывных с нами сражений сумела стереть с лица земли лишь около двух десятков из имевшихся у нас на то время сотен городов, где самим западноевропейцам дележом добычи заняться даже не пришлось. Они, дважды получив от нас по зубам, надолго оставили свою бредовую затею (см.: [228]).

Им еще тогда стало понятно, что брать нас нужно исключительно с черного хода. А потому и подбросили царице в люльку чернявого мальчика самой устраивающей их крови!

И расчет был верен. Как менталитет незнающей своих родителей цыганки инстинктивно подсказывает ей о необходимости плясать и собирать за это деньги, так и менталитет чернявого подкидыша укажет ему предначертанность стези племени Содомы и Гоморры. Кишащие в его крови бесы просто обязаны указать способ уничтожения столь ненавистного хананейской породе оборотней этого *русского духа*, в нашем Отечестве настоящего веками.

Отсюда вся ненависть ко всему русскому: русскому лесу, русскому образу жизни, русскому крестьянину, русскому мастеровому, русскому купцу, Русской Вере! Начиная с

Бабы-Яги и Кощея Бессмертного, эта ненависть пронизывает всех наших ненавистников — революционеров всех мастей.

А потому не только бедный, но даже богатый человек, если он русский, должен быть казнен по первому же требованию инородца!!!

Такова русофобская политика всех этих взобравшихся на нашу шею «преобразователей».

Итоги:

«...Петр не европеизировал страну, если не считать таковым замену одежды и языка правящих сословий с русского на немецкий, а отбросил ее экономическое развитие на много-много лет» [161, с. 178].

«Реформы» же его:

«...закабалили все сословия. **Купечество при нем исчезло вовсе**» (там же).

И теперь становится понятно, каким образом: либо разорилось при вышеуказанном способе «торговли», либо, если купец недопонимал политику «партии и правительства», направленную против него лично, оно просто физически уничтожено колонизатором, усаженным деловому русскому человеку на шею Петром.

Вот как обрисовывает существо этого разграбления Страленберг. У русских купцов:

«...расходы и харчи на товары так велики были, что без убытку в Санкт-Петербург оные довести и сбыть весьма невозможно было... купеческие и торговые люди Сибирской, Пермской, Вятской, Ярославской и других провинций, которые прежде купечество свое по способности у Архангельского города производили, в конец разорились» [306, с. 128].

Но и как им было не разориться, если кроме всех уже указанных лишних расходов приходилось платить казне и за хранение собственного товара. Француз де ла Мотрэ:

«Здесь подданным не дозволено хранить или продавать какие бы то ни было мануфактурные товары где-либо, кроме императорских рынков и складов; в Турции же каждый волен это делать, где ему вздумается. Они (купцы в России — Ю.Б.) платят короне большие деньги за аренду этих складских помещений и лавок³¹» [338, с. 221].

Так что при Петре с русских торговых людей драли в три шкуры. Но не побогател от этого никто — даже сам Петр:

«...когда торг у города запрещен стал, тогда многие товары без пользы в государстве остались» [306, с. 128].

Но и сами изобретенные Петром пошлыны, сделав торговлю невыгодной, разорили не только самих торговцев, но и само придумавшее эту очередную глупость государство:

«За неприбыльное ж и за бесполезное почитали запрещение Китайского торгу, ибо в противность того соболя, черные лисицы и другие наилучшие товары вывозили купцы тайным образом в Турцию, Татарию, в Польшу, также и в Китай, из чего воспоследовало в пошлынном сборе столько убытку, сколько от казенного торга прибыли» [306, с. 129].

Таким образом, было разорено не только купечество, но и вообще практически все отрасли нашего народного хозяйства. Не для чего стало изготавливать: пеньку, лен, деготь и вообще все предметы русского народного промысла, чьи избытки ранее вывозились за границу. Петровские реформы остановили вообще все производства. От них встал даже такой самый у нас во все времена наиболее прибыльный промысел, как добывание ценных шкурок лесных зверей — меха оказались без нужды — таможенные пошлыны делали их непродаемыми.

Все из-за тех петровских и его «птенчиков» аппетитов встала и солеваренная промышленность:

«Соляной казенный торг почти большую часть мещан во всем государстве разорил. И которые соляные промышленники прежде, великие доходы получая, могли отечеству своему в случае нужды вспомошествовать великим числом денег, ныне оные принуждены

---

³¹ Прим. 38: «Речь идет о мазанковом гостином дворе на Троицкой площади».

впасть в немалые долги и заводы свои запустить, отчего в государстве и недостаток соли причинился. И вместо того, что пред тем множество соли отвозили в Польшу, ныне принуждены покупать испанскую соль. Что за немалый государственный убыток почесться может» (там же).

Миф о бурлачестве

Петр хватался за все подряд. И даже в учреждении каналов проявил свое желание, как всегда неумное, употребить в их созидании личную инициативу. И тут нет ничего удивительного. Для последующей подпитки столь им обожествляемой заграницы необходимо было более надежно вскрыть вены государства, предназначенного в доноры. Ни грандиозные флотилии, ни города-монстры, ни Меншиковы, ни Шустовы, ни бакшиши турецким султанам, ни даже «победа» в Северной войне, где победитель взял на себя обязательства выплачивать колоссальную дань за одержанную победу побежденным, никак не могли обеспечить требуемого разорения для последующего уничтожения столь ненавидимой Петром страны.

Потому пришлось нашему «великому» прибавить ко всем своим людоедским проектам и еще очередной: учреждение многочисленных каналов. И никому не известно, сколько он еще и на этом попроще людей в землю сырую положил. Потому как плата строителям каналов была такова, что в 1837 г. поведавший нам об одной из этих «строек века» автор «Путеводителя» И. Дмитриев тут же, о столь чудовищном несоответствии отпущенных Петром средств с действительно необходимой на строительство суммой затрат, замечает:

«Когда начались работы, собрано было до 6 000 рабочих; Государь уехал, приказав деятельно продолжать работы... Малость поденной платы в то время доказывается тем, что издержки на работы канала в 1704 г. составили менее 3 000 руб.» [32, с. 180].

А упомянутый Дмитриевым канал строили три года. То есть в течение трех лет «преобразователь» выплачивал своим рабочим по целых 50 коп. — думаете в день? — *в год!!!*

Между тем в эту сумму входят и многие иные статьи затрат: на инструменты, оборудование, гидротехнические сооружения, строительные материалы и т.д.

Сюда же входит определенный процент на воровство управляющего строительством. И уж тут изымаемая из «общего котла» сумма зависит исключительно от прожорливости приставленного Петром к данному мероприятию очередного «птенчика». Так что эти *50 коп. в год на брата* следовало бы еще и располовинить, а то и еще сколько-нибудь поуменьшить до требуемого количества, необходимого на «прокормку» «птенца», приставленного наблюдать «за добрым порядком».

А чтобы понять, что бы этот самый полтинник мог собою значить по времена петровским, следует заглянуть в те суммы денег, которые, например, выплачивал стрельцам, что было еще с полвека до этого, Алексей Михайлович. Барон Майерберг о зарплате, например, стрельцов сообщает следующее:

«...Царь платит ежегодно... рядовому — по 5 рублей. Сверх того каждому без различия отпускается по двадцати мер овса и ржи, обыкновенная цена которых около 18 рублей» [287, с. 175–176].

То есть каждый рядовой стрелец, причем, еще за полвека до Петра, когда цены, что и понятно, были еще много выше, получал в 46 раз поболее, нежели работник при Петре I. Если же сделать скидку на инфляцию, то эта разница может возрасти и до 60–90 раз.

И вот как подобные мероприятия «птенчиками» исполнялись:

«Когда в 1718 г. начали рыть обводной канал от Волхова к истоку Невы, строительство поручили Меншикову. Кончилось тем, что около семи тысяч рабочих умерли от голода и болезней...» [15, с. 376].

Причем:

«...2 миллиона рублей, выделенные из казны, исчезли неведомо куда, а канал при жизни Петра так и не был построен» [14, с. 157].

Но Фоккеродт, свидетель этого строительства, количество присвоенных при этом денег петровскими ворами-распорядителями все же увеличивает. Меншиков, что выясняется, копал канал на пару с неким Писаревым.

Ведь когда Петр, наконец, понял, что его городу-кровососу из-за потопления в Ладоге большей части из идущих к нему судов настает конец, то срочно порешил возводить обводной канал. Эту очередную, как и всегда ударную, понятно дело, стройку века:

«...тотчас же поручили князю Меншикову и генерал-майору Писареву, о прилежании и деятельности которых Петр I имел отличное мнение» [301, с. 75].

И действительно, эта «сладкая парочка» узаконенных воров надежды «Преобразователя» по преобразованию живых людей в мертвых выполнила с лихвой. Они:

«...погубили от голода и болезней многие тысячи работников, между прочим до 7 000 казаков (Малороссийских — прим. пер.)...» (там же).

И вот что при этом положили себе в карман. То есть, как бы так:

«истратили 21,2 миллиона» (там же).

На что «истратили» Фоккеродт не уточняет. Но вот сама сумма, в десяток раз превышающая «усвоенную» к нынешнему дню, все же шокирует. Потому как здесь сразу становится понятным — почему не только Меншикова, но какого-то совершенно неизвестного Писарева, Петр так и не вздернул за такие шуточки на рее. Тут все как и элементарно просто, так и страшно. Петр эти деньги, предназначающиеся не только для кормежки, но и для оплаты труда малороссов (а они-то уж вряд ли могли сюда в такую даль прийти работать задарма), используя своих «птенчиков», просто переложил в свой карман обратно. Потому никто здесь вновь не пострадал. Понятно, кроме на износ использованных на ударной стройке и затем зверски умерщвленных петрушечными потешниками погнавшихся за Петром обещанною большою деньгой малороссов.

И при всем при этом правая рука Петра, да и какой-то Писарев, что и естественно, кроме поощрения ничего от своего патрона не заработали. Что ж, очередную партию русских людей-тружеников они угробили — задание, следовательно, «партии и правительства», выполнили. Ну а деньги, что и естественно, со спокойной совестью — с чувством выполненного мasonicкого долга — можно теперь пускать и на иные нужды — подобные же людоедские мероприятия. Свою долю, что понятно и без слов, ничем не рискуя, от данного куша получают и Меншиков с Писаревым. То есть разойдутся с Петром по-турецки, прекрасно поделив сумму денег, в сотню раз превышающую затраты на подкуп великому визирю с Кегаем, отданные Петром за свою шкуру во времена его очередного испуга — на сей раз на реке Прут.

Вот еще отголосок подобного же. На сей раз сообщает об очередной такой стройке века побывавший с польским посольством очевидец:

«...мы с его царской милостью ходили на острове Котлин по каналу, который копали 4 000 нанятых работников; каждому платили за [выкопанную] сажень вглубь и вширь по пять рублей» [397, с. 151].

То есть, стало быть, платили, и это как минимум, по корове в неделю! Не ослышались ли?

Ослышались. Потому как переводчик тут же поправляет эту пропагандистскую музыку, которую столь охотно по тем временам тиражировали об этих людоедских стройках Петра его подельники. Да, судя по данному известию, и сам он. Вот в чей карман эти деньги, обещаемые строителям, что выясняется, на самом деле попадали:

«По данным Ф.Ф. Веселаго, в 1719 г. на строительстве канала было занято около 2,5 тыс. солдат и около 600 крестьян. Весной строительство передали на подряд комиссару П.Н. Крекшину, ему за кубическую сажень вынудой земли платили 5 руб.³²» [397, прим. 50 к с. 151].

То есть платили-то вовсе не солдатам из этой трудармии, которую лишь затем еще мечтал возродить в 20-е годы Троцкий, и, понятно дело, не крестьянам, но Крекшину, чья задача отпускаемые на эти работы вроде бы, на первый взгляд, просто сумасшедшие деньги, по-возможности, сэкономить.

Как?

Да как обычно. Содержать людей впроголодь, а когда эти здоровые сильные люди примут, наконец, вид освенцимских доходяг, то поступить с ними точно так же, как затем немцы поступали с такими же русскими людьми в лагере Освенцим. И не то чтобы с Петром выручкой с этого их общего мероприятия поделиться, но просто вернуть ему то, что Петр дал подержать временщику лишь для того, чтобы всяким там дипломатам пустить пыль в глаза — мы, мол, строим, вкладывая в строительство большущие деньги. Сколько еще здесь на острове Котлин людей позагублено?

А вот сведения и еще об одном таком людоедском проекте:

«...реку Илавлю, текущую в Дон от Волги... в 1702-м трудились перекопом соединить, но за неудобностию оставили» [133, гл. 16].

Сколько людей преобразовал этот «преобразователь» в покойников еще и здесь, Татищев не сообщает, но оговаривает, при этом, что подобная неудача постигла очередную задумку Петра и при попытке соединения Оки с Доном. Сколько людей Петр со своими «птенчиками» ухайдакал еще и там?

Но, понятно дело, при помощи тех же «птенчиков» Петра, все завершилось и на данном промежутке работы адовой таким же образом:

«...с тем же чудовищным результатом в виде огромного количества покойников» [14, с. 159].

А сколько людей унесла маниакальная попытка строительства порта в Рогервике?

Ведь фабрика смерти здесь исправно работала десятилетиями. Уже в царствование Анны Иоанновны Страленберг сообщает, что еще Петром заложена:

«...гавань в Рогервике, 7 миль от Ревеля, против Пернова, при которой завсегда 10 000 человек работали...» [306, с. 211].

То есть эта фабрика смерти перемалывала «людовую материал» в прах десятилетиями. О чем упоминал в своих дневниках и Берхгольц. Вот что сообщают его биографы:

«Рогервик в последующие 40 лет оставался местом каторжных работ, но гавань при жизни Берхгольца так и не была построена» [316, с. 446].

А умер он, что выясняется, не в 1765, а в 1771 году [316, с. 443]. То есть 46 лет спустя смерти Петра. То есть фабрика смерти в Рогервике, учрежденная еще Петром, работала более половины столетия. Причем, «завсегда» на ней работало по 10 000 человек. Сколько еще и здесь людей русских Петр со своими последователями в землю сырую уложили?

Однако ж у Рогервика в земле Лифляндии были и свои предшественники. Вот что мимоходом сообщает о них Вебер:

«Его Царское Величество находился уже в этом городе и 12-го августа снова пустился в море, осмотрев прежде в Дагероэ на Лифляндском берегу место, предположенное для устройства гавани, а равно и одно большое красивое по местоположению пространство, на горе, перед Ревелем, для возведения там увеселительного замка (крепостцы) и разведения богатого сада; обе эти дорогие работы начаты и производились с такою усиленною ревностью, что когда я в 1719-м году был опять в Ревеле, то нашел, что они исполнены были уже почти до половины» [402, 391, с. 1616].

---

³² Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. С. 511–512.

Почти, да не полностью. Потому как об окончании строительства еще и этих двух строек века известий почему-то не имеется.

Вот еще сведения о ранее неизвестном нам, за отсутствием о том информации, все такого же плана людоедском проекте и его не менее людоедском решении:

«Против (Ритусара), ближе чем на расстоянии пушечного выстрела, (стоит) замок Кроншлот, построенный среди зимы на взморье на глубине девяти футов. Говорят, при сооружении его погибло от голода, холода, морозов и (изнурительной) работы более 40 000 крестьян» [293, с. 154].

То есть это только часть от тех рабочих, которые погибли при строительстве Кронштадта — мертвого города, который так и развалился, не будучи никем заселен.

Людей не считали. А царь-антихрист вновь брался за перо и бумагу и неразборчивым безграмотным почерком кухарки отписывал весьма привычное этому главному ернику в стране — князю кесарю: «в людях зело нужда».

И вновь его гвардейцы вели новые закованные в железо партии ни в чем не повинных русских людей, именуемых Петром «ворами». Но все роли в этой бесконечной кровавой драме были распределены, и полагающийся колодникам от Петра какой-то несчастный полтинник и тот разворовывался его «птенцами» где-то еще на полдороге.

Тут, справедливости ради, все же следует отметить, что не на всех людей своей страны распространял Петр такую дикую «зарплату», теперь столь удивляющую, которая была слишком недостаточна (по любым меркам) даже для будущего узника Освенцима. Действительный статский советник, например, в городе-монстре, сооруженном на костях тех же русских людей, что и на рытье Вышневолоцкой или Волховской системы каналов, имел оклад в 2 094 руб. 15 коп [136, с. 62].

А сколько еще при этом наворовывал?

Так ведь ровно столько, чтобы потребовался специальный указ о запрете хоронить деньги в землю...

А вот как не хило получали петровские «птенчики». Вот какую астрономическую цифру, например, называет датский посол Юст Юль, приводя в своих дневниковых записях зарплату Апраксина:

«Он говорил мне, что получает от царя годового жалованья 7 000 рублей» [293, с. 78].

То есть зарплата ближайшего окружения Петра превышала «заработок» землекопов «всего лишь» в 14 000 раз.

Но хватит ли полтинника, получаемого на душу, чтобы как-либо проработать на петровских стройках положенное время?

Деньги, по тем временам, конечно же, были другими, нежели теперь. Но все равно — полтинник в год на брата — это просто насмешка над приговоренными к смерти русскими людьми.

Так как же петровские «птенцы» умудрялись кормить такое большое количество людей достаточно продолжительное время на столь поразительно ограниченные средства?!

Ответ прост, хоть и страшен.

Эту закованную в кандалы армию рабочих петровские «птенчики» за несколько месяцев умудрялись «преобразовать». То есть из здоровых и крепких русских людей посредством их безжалостной принудительной эксплуатации сначала сделать освенцимских доходяг, а затем и вообще свести в могилу!

А потому и набирали каждый год новых рабочих: здесь — еще 6 тыс. человек, на строительство С.-Петербурга — еще 200 тыс. человек, на строительство Таганрога, Рогервика, Кроншлота, Воронежской, Брянской, Казанской, Ступинской и Архангельской верфей... и т.д. и т.п.

Страна при Петре представляла собой колоссальных размеров концентрационный лагерь, где пыточные казематы Преображенских приказов лишь «плавно и непринужденно» переходили в ГУЛАГи вышеозначенных людоедских мероприятий «великого преобразователя».

А вот еще очередная манера убийств русских людей Петром. О ней в своих дневниках сообщает датский посол Юст Юль. Увиденное им происходило под Нарвой, несколько лет до этого захваченной Петром:

«В лагере под городом положение дел было незавидное: одна треть лошадей у крестьянских подвод пала, значительная часть крестьян умерла от голода, (а) 400 человек разбежались... Причиной смертности (среди крестьян) послужило то обстоятельство, что им велено было взять с собою хлеба (всего) на два месяца; (на самом же деле) с тех пор, как они покинули (свои) дома, прошло четыре месяца, так что ни для людей, ни для лошадей корма не осталось; подножного корма тоже не было, а (от правительства) ни сена лошадям, ни хлеба крестьянам не выдавалось» [293, с. 73].

То есть здесь для преобразования нескольких сотен живых русских крестьян в мертвых даже кандалов не потребовалось. Их совершенно сознательно петровские «птенчики», исправно уложив в свой карман на них отпущенные средства, поставили в совершенно безвыходное положение — либо окочуриваться от голода, либо бежать, автоматически становясь преступниками. Которых, рано или поздно, все равно выловят и доставят на стройки века уже закованных в кандалы.

Потому здесь половина перемерла, упорно пытаясь все же дожидаться от властей справедливости, а другая, поняв, что дожидаться, кроме своей смерти от голода больше нечего, разбежалась. А потому будет все равно уничтожена воинством антихриста. Но уже несколько позднее — когда эту часть созванных на работы в Нарву крестьян переловят и отправят на какую-нибудь очередную «стройку века».

Вот еще вариант вышеизложенных затей «преобразователя»:

«Для обеспечения заводов рабочей силой Петр отдавал деревни и целые волости в заводские крестьяне — называя вещи своими именами, в крепостные рабы... люди бежали с заводов на Дон и на Север... Их ловили, били кнутом, ссылали, клеймили, заковывали в кандалы, вешали для устрашения прочих. Виселица с трупами разной степени разложения стала обычной частью пейзажа заводов и мануфактур (как и “строек века”, разумеется). Рабочие в Воронеже на вопрос царя, какие, мол, будут пожелания, попросили одного: снять трупы с виселицы. “А то как ветер с той стороны, и кусок в горло не лезет”» [14, с. 162–163].

И где для травли русского духа у Петра не хватало «птенцов», там пускались в ход иностранцы, то есть те русскому человеку иноверцы, которые стали во вражеский стан не после предательства русской веры, но являющиеся ее врагами еще от самого своего рождения.

Но иноверцев хватало и своих — доморощенных. И после устройства перевалочной базы переброски русских богатств к западным морям через сооруженный на костях миллионов русских людей порт в устье Невы, Петр отдал это место, ставшее столь доходным, не просто немцу, жиду или «птенцу», но «другу степей»:

«В 1719 г., когда устроенные казною сооружения по каналу начинали приходить уже в разрушение, Новгородский мельник Михайло Сердюков (из *Калмыцкого рода*) подал Государю прошение о дозволении ему производить Вышневолоцкие работы на свой собственный счет, что ему и было дозволено... Новым Указом 25 Мая 1722 г. существовавший с 1720 г. акциз в пользу казны уничтожен; а Сердюкову для поддержания сооружения предоставлено право взимать сбор с каждого проходящего через шлюз судна, дано *право безденежной рубки* в казенных и частных лесах... дозволено пользоваться всею землею в окрестностях В.-Волочка... даны Сердюкову большие права и преимущества, и сверх того выдана ему двадцатитрехлетняя привилегия на содержание питейных домов, и «взимание канцелярских сборов и пошлин» [32, с. 187].

Так что за недостатком в сердце России немцев к центральной валютоносной артерии страны был приставлен местный кровосос — «друг степей калмык». И уж такому за его к нам полную инородность дозволено было многое из того, чего даже и собственным «птенцам» не всегда позволялось! И кровь из золотоносной вскрытой Петром артерии

организма Святорусской Державы густой теплой струей потекла сквозь клыки приставленного «преобразователем» вампира «из калмыцкого рода».

И железным аргументом устроенной Петром именно выкачки из России ее богатств, а уж никак не якобы учрежденным каким-то мифическим более удобным товарообменом через это самое пресловутое «окно», служит *миф о бурлаках*, столь чрезмерно раздутый красно-желтой пропагандой.

1. Прежде всего, резонен вопрос: почему эти самые бурлаки, ни с того ни с сего, объявились вдруг именно на Волге? Почему не на Мсте, не на Волхове и не на Неве?

Да потому, что товары из нашего со времен Петра терзаемого временщиками Отечества теперь лишь *вывозили*, а уж никак не наоборот!

Но, может быть, кто-то попробует возразить, если из Петербурга вывозились изделия русской промышленности, то, может быть, в Архангельск, наоборот, лишь ввозились?

Вот ответ голштинца Избранта, комиссара Адмиралтейского приказа, приставленного Петром к Архангельску в качестве «смотрящего» здесь иностранца «за добрым порядком». В 1717–1719 гг., следуя отчетности предоставленных им документов:

«...через Архангельск вывозилось товаров на 2 млн. руб., ввозилось же всего лишь на полмиллиона³³» [339, с. 23].

Так что и через этот город, где Петр переломал все наши торговые и промысловые корабли, осуществлялось разграбление страны путем вывоза ее достояния и взамен ввоз лишь стеклянных блестящих бус и зеркалец, словно папуасам банановых островов. То есть три четверти товарообмена и здесь составлял исключительно вывоз нашего достояния по отношению к ввозу извне.

Из Петербурга же, что и понятно теперь без пояснений, во внутренние районы страны вообще ничего не возилось. Эта форточка, вскрытая Петром в Европу, работала только в одном направлении — на вывоз товаров из страны. И железным аргументом тому — появление к Репино-Некрасовским временам мифов, воспетых затем еще и Шалапинными, о неких таких странной «технической специализации» людях — бурлаках. Возникших, что и понятно из их рассказней, якобы исключительно от некоей-де русской природной тупоумости, на собственном горбу зачем-то, в век пароходов и паровозов, все заставляющей перетаскивать баржи с грузами из акватории в акваторию.

Однако же:

2. *Бурлаки — это самый наглый и безстыдный миф антирусской пропаганды! Никаких таких бурлаков никогда нигде не было, да и вообще в природе существовать не могло!*

Так каким же образом тянули баржи вверх по Волге?

Достаточно просто — *впрягали лошадей!!!*

О чем никто из нас, естественно, ранее вовсе и не догадывался.

Причем, впрягали отнюдь не рысаков, которые обычно с бубенцами, и не скакунов, которые на бегах. Однако же в каждом из которых за тонну веса имеется.

Впрягали же специально для подобной работы выращиваемых тяжеловесов, масса которых в три-четыре раза, как минимум, будет поболее. Это три-пять тонн не просто веса, но именно веса мышц и толстой кости. Это мощь, которая может играючи везти на телеге двадцать человек!

А вот уж интересно: смогут ли двадцать человек, запряженные в телегу, не только везти, но просто хотя бы сдвинуть с места телегу, нагруженную такой гигантской лошадью?! Как бы они такую-то штуковину по-шалапински «ухнули» бы?

А если людям против этой лошади столь нам теперь привычные соревнования по перетягиванию каната устроить?! Это вроде бы как «игра в бурлаков» называется. Кто победит?

---

³³ С.Ф. Огородников. Очерк истории города Архангельска, с. 67.

И теперь, с точки зрения целесообразности, хоть немножечко прикинем: сколько съестных припасов потребует идущая в разгар лета по сочной зеленой травке лошадь, и сколько ей в альтернативу затребует ватага из двадцати человек?!

И если их только кормить, как Петр I «кормил» своих работников, и если на каждом перегоне вместо «естественно убывших» набирать новых, лишь при таком «врачительном» методе «хозяйствования» возможно некоторое сопоставление.

Однако же Некрасовы с Репиными этих самых бурлаков умудрились откуда-то намыть даже не просто в век, когда воспоминания об ужасах ерничавшего на троне душегубца в памяти народной несколько поизгладились и когда уже давно закончились страшные времена послепетровских временщиков с Биронами да Шуваловыми, но когда сами эти тягловые лошади повсеместно заменялись. И уж отнюдь не мужицким горбом, а пароходами, шлюзами и прочими техническими усовершенствованиями. Между прочим, вот что интересного нам теперь стало известно на тему вдолбленной нам в голову большевиками с демократами якобы вопиющей отсталости царской России:

«В 1912 году в мире всего имеются только 15 теплоходов, из них 14 построены в России и 1 в Германии» [83, с. 543].

Так что вся эта хваленая немчура должна была о бурлачестве позаботиться, имея и лошадей-то в несколько раз меньше, чем у нас, а уж за отсталость от России всего остального мира — тут и говорить не приходится!

Между тем, когда в наших городах давно ходили изобретенные нами же трамваи, за граница даже и на бурлачество лошадей отрядить никак бы не смогла — лошади у них были шибко перегружены на иных — «патриархальных» работах. Вот что на эту тему сообщает князь Трубецкой:

«В те времена (1913 г.) в Париже, даже в самом центре его — как это ни кажется невероятным! — существовали еще конки. Именно конки — дилижансы, запряженные лошадьми! Я был поражен, когда увидел эту неожиданную картину. В Киеве я конок совсем не помню... В Москве конки, постепенно вымирая, существовали еще в начале моих студенческих лет... И вдруг в Париже — конки!» [137, с. 86].

Так что если у нас, по тем временам, лошадиные силы исчислялись уже давно исключительно в мощности моторов, то у хвальной заграницы — отнюдь не в переносном смысле, но в прямом: в количестве развозящих обывателей тягловых кляч по самому модному на Западе городу — Парижу!

У нас же людей развозили трамваи, автобусы и даже троллейбусы (в 1902 г. произведено испытание первого троллейбуса, разработанного русским инженером П.А. Фрезе) [83].

И вот какой вид транспорта уже намечалось вводить в строй:

«...проект метро в России начали обсуждать еще в 1890-е годы. В 1893 году Санкт-Петербургский градоначальник получил проект по утверждению Общества для постройки метрополитена в столице» [73, с. 315].

Так что этот хваленый «прогресс» советских революционных властей русская мысль обогнала чуть ли ни на полвека, о чем мы, что и понятно, и не без помощи в том числе давно устоявшейся в советских учебниках репино-некрасовской версии, ни сном, что называется, ни духом:

«...нас учили, что только большевики могли додуматься до такого чуда, как метро» [73, с. 315].

Так что и по этой части нам мозги были подрихтованы достаточно основательно.

А вот как на фоне «прогрессивного человечества» выглядел водный транспорт якобы отсталой России:

«...в июне 1903 года первый в мире теплоход “Вандал” был спущен на воду в Петербурге (первый же пароход, “Елизавета”, отошел от пристани Петербурга осенью 1815 года» [83, с. 496].

Но не только водный транспорт еще с наполеоновских времен в дореволюционной России являлся самым передовым среди стран, конкурирующих с ней в прогрессе:

«...первый в мире паровоз был изобретен в России в 1832 году...» [83, с. 496].

И грузы из Москвы в Петербург пошли не только в период летней навигации посредством использования нашего лучшего в мире водного транспорта, но уже и круглогодично — по железной дороге:

«...в 1848–1851 гг. прошла первая в России магистральная железная дорога Петербург–Москва» [114, с. 54].

То есть еще к середине XIX века давно закончилось даже теоретически возможное бурлачество: грузы против течения, через Тверцу (Дверцу), тащить, даже на лошадях, вообще не требовалось — их по железной дороге приспокойненько себе везли паровозы!

Затем в строй стали вступать и иные железнодорожные трассы, позволив максимально разгрузить водные артерии страны. И спустя лишь четверть века о значении водного транспорта в России, в сравнении с железнодорожным, можно было уже говорить как о прогулочном:

«...в 1874 г. железнодорожный грузооборот Москвы составил около 3 300 тыс. т, а водный 180 тыс. т...» [114, с. 54].

А к началу XX в. Россия почти все перевозки уже осуществляла по железной дороге, опережая в этом вопросе водный транспорт в 25 раз³⁴.

И вот каковы масштабы охватываемых железнодорожными перевозками территорий: к 1880 г. в России уже было проложено 20 000 км железных дорог!

Но и само качество, например, пассажирских перевозок на всем этом огромном пространстве всегда очень существенно превосходило за границу:

«Русские железные дороги были самыми дешевыми и комфортабельными в мире, они имели и для III класса спальные вагоны...» [83, с. 543].

С чем в своих воспоминаниях соглашается и Шульгин:

«Россия в отношении комфорта поездов шла далеко впереди Западной Европы. Мы были очень избалованы в этом смысле. И ездить в европейских поездах было для русских чистой мукой. Впрочем, сами французы одну из своих главных магистралей Париж — Лион — Море (Средиземное) в непереводаемой игре слов называли: “Пожалейте несчастных”» [150, с. 47–48].

Таково основное отличие «отсталой» России от «прогрессивного» Запада!

Однако ж — о бурлаках. А вы просто хоть на секундочку представьте себя на месте рачительного хозяина барки, которому необходимо произвести выбор между исполнителями самых тяжелых в физическом отношении работ. То есть определить большую экономичность затрат в деле прокормления: одной тягловой лошади или требующей усиленной кормежки ватаги из двадцати здоровенных мужиков, к которой следует прибавить и ждущих от них прокормления членов их семейств?

Именно по тем временам, когда наша как всегда импортномыслящая интеллигенция изобретала бурлаков, в каждой русской семье в среднем имелось по семь детских ртов.

То есть вам следует выбирать, кого легче будет *летом* прокормить: одну лошадь или 180 человек?!!!

Ну что, будем и дальше продолжать с тупым упорством заучивать наизусть карамзино-репино-некрасовские байки, нам по ушам развешанные, или же, наконец, начнем думать своей головой?!

А ведь одну лошадь ни один рачительный хозяин гробить не станет: он, как минимум, восьмерку впряжет. А таковую роскошь, которая и на лужку преспокойненько себе попасется, смогут подменить собою только 1240 едоков!

---

³⁴ С.В. Бернштейн-Коган. Основные моменты исторической географии Московского воднотранспортного узла // «Вопросы географии», сб. 27, 1951, с. 161–162

И вся эта огромная, вооруженная ложками и через каждые полдня почему-то требующая дозаправки оголодалого желудка гвардия подсчитана еще без учета самой команды тяжелогруженной барки!

И, чтоб стало возможно всем им за целую навигацию заплатить, нужно, чтоб груз, ими переправляемый, состоял исключительно из золота...

Лишь в подобной ситуации вышеизложенная эпопея с бурлачеством станет теоретически рентабельна.

Если же это будет преобывновеннейшая пенька, обычно и перевозимая за кордон, то «выигрыша» от всей летней навигации купцу хватит лишь на то, чтобы от всего перевезенного товара оставить себе маленький кусочек от той самой, к сожалению, слишком добротной пеньковой веревочки, чтобы сплести из нее себе нехитрую загогулину и свести счета с жизнью. Так предстоит закончить свои эксперименты нерасчетливому транжиру, начитавшемуся у Некрасовых стихов, насмотревшемуся у Репиных картин и наслушавшемуся у Шаляпиных песен про бурлачество: в противном случае ему, после эдакой прогулочки на живых людях, останется ишь единственное — провести весь остаток своих дней в долговой яме.

Так как же грузы доставлялись по реке, что и понятно — еще до широкого внедрения парового транспорта — парохода и паровоза, на самом деле?

Вот как выглядел подъем вверх по волге, например, персидского посольства из Астрахани в Архангельск в 1599–1600 гг.:

«Когда на реке поднималась буря, гребцы высаживали на берег лошадей, и они тянули галеры канатами» [294, с. 175].

Полувеком позднее все выглядело также. Павел Алеппский, когда возвращался из Новгорода в Москву, заметил следующую особенность транспортировки в нашей стране грузов:

«...суда, идущие по реке в Тверь... шли не на веслах, а их тащили на канатах лошади с берега» [387, гл. 9, с. 88].

А вот как описывается плавание вверх по Волге уже во времена Пушкина:

«...барки поднимают от 15 до 18 000 пудов... При попутном ветре ходят они... на парусах и проплывают в день по большей мере верст 30; если нет ветру, то они ходят вверх по реке на веслах бечевым тягом или завозами. Вообще по Волге, как и по Тверце, барку тянут лошадей 12 или 14, полубарку 8 или 10... суда иногда поднимают столько же тяжести, как и линейный корабль. На всем пространстве империи... ходит по рекам более 36 000 судов» [32, с. 194].

И если нам при игре в бурлачество увеличить конскую тягу все же до силы положенных четырнадцати лошадей, то окажется, что во времена Некрасовых вся страна была полностью приписана к этим самым бурлакам. И уже ни на постройку, ни на оснащение, ни на управление самими барками народу у нас не хватило бы.

$2\ 000\ \text{бур.} \times 36\ 000\ \text{бар.} = 72\ 000\ 000\ \text{бур./бар.}$, то есть — сплошных бурлаков и их бесконечно требующих еды оголодалых отпрысков! У нас тогда столько народонаселения-то не проживало!

Если же разменять все это дело в «обратку»: наших «бурлаков» на действительно по тем временам имевшихся тягловых лошадей, то полученная цифра уже никаких лишних вопросов не вызовет.

А вот и еще небольшая прибавочка к вышеизложенному. В.В. Шульгин, посетив в 1956 г. один из советских колхозов Владимирской области, рассказывает о тяжеловозе, ему там представленном:

«Нам показали тяжеловозов, из которых один на сельскохозяйственной выставке в Москве потянул груз в 14 тонн на протяжении 17 метров. Эти богатыри-кони отличаются изящным сложением, несмотря на свою крупность и силу» [150, с. 35–36].

Так что даже не двадцать мужиков такая лошадь может заменить, но двести!..

Таким образом, следует констатировать достаточно удивляющий из всех наших пересчетов вывод: для некрасово-репинского бурлачества, то есть для доставки грузов с Урала в Петербург на собственном горбу, потребовалось бы иметь в России население в десяток раз превышающее проживающее здесь ко временам вышеназванных баснотворцев. То есть под миллиард...

Кровеносные артерии державы

Пройдя, наконец, все препоны:

«...суда прежде подвергались многим опасностям на бурном и каменистом Ладожском озере, которого волны ежегодно поглощали тысячи барок, и оттого Петербург претерпевал недостаток в самонужнейших потребностях» [32, с. 197].

(И известно в каких: в паюсной икорке!)

«Во избежание этого Петр Великий повелел устроить обводной канал...» [32, с. 197].

А до этого самого ежегодного потопления с несколькими тысячами барок десятков тысяч обслуживающих их русских людей, которых «преобразователь» назначил в ежегодную жертву своему столь постоянно требующему именно русской крови свирепому масонскому божку, этот самый «великий», как теперь выясняется, вовсе и знать не знал и ведать не ведал, в каком гиблом месте свою столицу вознамерился соорудить?!

Так выходит, что и впрямь не знал. Он лишь читать по складам выучился к возрасту нашего нынешнего шестиклассника, а до изучения географии просто не успел и к двадцати восьми годам добраться.

Однако ж и этот возраст — не предел тупоголовости этого всеми и вся воспетого «чудесного гения». Ведь он практически и до самой смерти своей так и не понял, что из столь ему требующегося Каспийского моря в Персидский залив, и по сей день, через отделяющие их акватории горные кряжи наиболее комфортно переправиться можно лишь на самолете. Вот как описывается существо его стратегических инициатив в этом регионе:

«Каспийское море обращало на себя особое внимание Петра: связать Балтийское море с Каспийским и найти дальнейшее водное сообщение между Каспийским морем и Индией, — составляло заветную мечту Петра Великого» [186, с. LXXI].

Что здесь скажешь?

Просчеты в познаниях географии этого «светлого гения», что переориентировал свою экспансию от незамерзающих гаваней Прибалтики в гнилой затон Петербурга (у жителей этого города и по сей день практически не встречается из-за гадкой тамошней воды здоровых зубов) — все это еще покажется цветочками. В сравнении с куда как и еще более мифологическим намерением: «обуздать» горный хребет Мазандарана — Эльбурс с его снежными вершинами — пятитысячниками!

Таким образом, выясняется, что Петр, так до самой своей смерти толком и не ознакомленный с самыми элементарными азами географической науки, просто и понятия не имел — что и зачем он делает. Но поименован при этом «гением»:

«...Петр направил свой первый удар на Нарву, но, узнав после поражения своих войск, что стоянка для судов в нарвском рейде не хороша, вследствие дурного илистого дна, поручил *сержанту* Преображенского полка Василию Кормчину, учившемуся инженерному искусству за границей, осмотреть Орешек и “возле него”, т.е. реку Неву» [136, с. 58].

Вот те раз! Так выходит, что Петр ко всему прочему еще и знать не знал о том, что эта самая Нарва, где Карл столь изрядно настучал ему по зубам, как оказывается, вовсе не была ему и нужна!

Но вот он нашел себе в этом вопросе «специалиста». Им оказался сержант-недоучка, который от «илистого дна» переориентировал все пути «преобразователя» в самую гущу комариных болот, откуда лишь попутный ветер с востока и мог вызволить вошедшие в устье Невы иностранные корабли, которые именно поэтому так упорно и не желали пользоваться вроде бы и близко расположенным, исключительно лишь для них и сооруженным односторонним «окном»-воронкой. Сама природа этих мест даже розу ветров сконструировала только на ввоз в нашу страну товаров, а никак не наоборот! И даже соратник Петра по масонству, Карамзин, об этом столь опрометчивом выборе сержанта-недоучки, сообщает, что основание Петербурга:

«было безсмертной ошибкой Преобразователя» [136, с. 58].

Выходит, что обмишурился наш «великий» по части географии-то? Получается, что не знал он про то, что восточный ветер в этих широтах крайне редок...

А может, и не хотел знать?! Его задачей являлось отнюдь не созидание благоденствия для русского народа. Его главной задачей было изобретение той безумной затеи, в созидание которой, словно в бездонную пропасть, можно было бы без счета бросать миллионами русские жизни, которые бы, принимая смерть, и ведать не ведали о конечной цели всех этих им изобретенных «преобразований». А конечной их целью было ни много ни мало, а всего лишь тотальное уничтожение единственного в мире народа, чья Держава даже и по сию пору, несмотря на захват в ней власти иноверцами, именуется подножием Престола Господня!

А потому и потребовалось изобретение строек века, куда и предназначались в жертву этой *перестройке* миллионы жизней русских людей. Только лишь тотальным изничтожением нашего народа и можно, по замыслам революционеров всех мастей, попытаться принудить оставшихся в живых принять религию антихриста.

Но оба явившихся к нам в «человеческом» (точнее — в хананейском) облики зверя (Петр I и Ленин), несмотря на уничтожение миллионов русских людей, так еще своей цели окончательно и не добились.

Между тем, в конечном итоге, эти сооружения целое столетие приходилось постоянно подновлять и обустривать, цена Ладожского канала была равна 5,5 млн. руб., Свирского и Сяского — 3 млн. руб. (в ценах времен Николая I). А сколько загубленных русских жизней? Только лишь о послепетровском «устроении» обводного канала на Ладоге в «Путеводителе» сказано:

«Имя Миниха тесно *соединено* с устроением этого канала» [32, с. 197].

И это «соединено» выглядит точно так же, как и двести лет спустя связанное с именем Сталина возведение еще одной стройки века — Беломорканала.

И их действительное предназначение теперь становится более понятно. Совершенно неважно, что этим «великим» строить. Важно загубить при этом как можно большее количество русских жизней. Страну Россию им победить станет возможным лишь тогда, когда защищать ее рубежи будет попросту некому...

Причем, для умерщвления ее защитников даже ведение военных действий, при осуществлении этих далеко идущих планов, не являлось обязательным условием. Ведь людей, понятно дело, русских, истреблять планировалось и в мирное время. Для этого, что на 200 лет предваряет трудовые армии Троцкого, Петр, по словам того же Миниха:

«...приказал отправить 25 000 человек солдат для работ на канале...» [372, гл. 24, с. 287].

А народ-то для всех этих «великих» чужой — русский, а потому, если оказывает сопротивление при его перековке в иноверие, то и подлежит в ответ за такое тотальному уничтожению. Потому и окропил Петр русской кровушкой нашу святую землю отнюдь не менее, нежели сменившие его через пару веков «комиссары в пыльных шлемах».

Однако же, в альтернативу этому самому царю, который, прозываясь при всем при этом «великим», за целый год (!) поистине каторжных работ при рытье канала выделял по половине полтинника на брата, при Николае, прозванном «Палкиным», русский человек

за период всего лишь летней навигации зарабатывал следующие средства для существования своего семейства:

«...плата, без всяких расходов на содержание со стороны хозяев барок, простирается от 14 до 25 руб.» [32, с. 198].

То есть: от трех до пяти коров! И это при полном пансионе!

Но может, мы ошибаемся? Может в пушкинские времена наши отечественные рубли так дорого уже не ценились?

Именно по тем же самым временам «во глубине сибирских руд» заработок каторжан составлял:

«За август месяц следует государственным преступникам жалованья:

Сергею Трубецкому — 63 ½ коп.

Сергею Волконскому — 65 ½ коп.

Евгению Оболенскому 1 р. 89 ½ коп» [66, с. 169].

Так что: как потопаешь, так и полопаешь. Что заработал, то и съел. И меньше ими зарабатываемого, что вполне по тем временам естественно, «графьям» в крепостной стране платить не могли. Потому Оболенский и зарабатывал втрое больше Волконского с Трубецким, что пахал на штрафных своих работах как все: с утра до вечера. Его, судя по всему, в отличие от Волконского с Трубецким, никто из родни не подкармливал. Потому и приходилось, чтобы не умереть с голоду, работать в полную силу. Но крепостной крестьянин, как нам теперь докладывают — забитый-де и обчищенный до нитки поборами, при всем прочем равенстве позиций, зарабатывал в десяток раз поболее вкалывающих с рассвета до заката каторжан. Почему?

Да потому, что в противном случае он на эту свою подработку в неурочное время просто никогда бы и не согласился!

Тут же послышится недоумение: крепостной, забитый и зашуганный эксплуататором?! Тот, которого на борзых собак десятками и сотнями оптом и в розницу обменивали, следуя присказкам Репиных с Некрасовыми, как негров в Америке?!

Вот мы теперь и выясняем для себя цену всем этим слухам и присказкам про некие такие «обмены» русского человека на борзых щенков. Что-то уж больно здесь не просто дебет с кредитом не сходятся, но не сходятся ровно настолько, насколько всю эту глупость про борзых можно было бы вообще за что-то воспринимать. Эти сведения относятся к какому-то такому народонаселению, которого у нас никогда и в помине не проживало: русский человек всегда был свободен и в любой момент мог отправиться куда ему заблагорассудится, ни в коей мере не пытаясь как-либо согласовывать свои действия с каким-то и без того не в меру обожравшимся барчуком мироедом, считающим себя его властелином. Но, что уже бытовало на самом деле, до этого кровососа русскому человеку и дела-то никогда не было никакого. Он лишь исправно платил оброк, искренне считая, что все эти деньги идут на повышение благосостояния его государства. И если бы он только знал, что все эти заработанные его трудом астрономические средства идут не на вооружение армии и флота и не на строительство фортификационных сооружений для защиты страны от неприятеля, а на организацию пиров глупого барчука, то вряд ли он так динамично работал бы. Но впал бы в апатию, как впоследствии впадет русский крестьянин в новом изобретении по его тотальному изничтожению — советском колхозе. Потому, для отдушины, чтобы не сойти с ума, будет хлестать водку, подорожавшую в сравнении с царскими временами в десяток раз.

Вот где следует искать истоки русского пьянства — в совке.

И теперь становится понятен проект учрежденного Петром государственного аппарата. Он придумал некий слой между правящим монархом и русским народом. Этот слой призван был, словно высаженный на дерево короед, подгрызать все то живое, что на дереве успевало вырасти. И если для съедения всего вновь выросшего этому кровососу аппетита не хватало, то уже не вмещаемое в его желудок обилие свежих ростков следовало если и не заглотать, то хотя бы надкусить. Что всегда вполне исправно и

выполнял этот высаженный Петром на нашу шею класс паразитов. Ведь пей себе, казалось бы, молдавский или крымский портвейн, черпай в любых количествах реки шампанского нашего родного Абрау-Дюрсо или Нового Света да закусывай осетринкою с севрюжкой, балычком с лососятинкой, красною да черною икоркою в свое удовольствие. Все эти невиданные на Западе богатства речных угодий прекрасно и в большом обилии некогда были потребляемы нами, не сходя с места. Ведь эти ценнейшие породы рыб водились чуть ли ни во всех наших родных реках. Даже в Москве реке!

Так чего ж утвержденному Петром короеду не хватало? Зачем ему требовалось портвейн везти непременно из Португалии, в лучшем случае рейнвейн из Германии, а шампанское лишь исключительно из самой Шампани. Каких совершенно необоснованных затрат стоило такое роскошество?

Это совсем не трудно представить, если учесть, что ром, например, в пушкинские времена обходился барчуку по цене 5 рублей за бутылку [139, с. 317]!

То есть рядовой ужин Александра Сергеевича Евгений Оболенский отработывал за целых три месяца каторжных работ!!!

И все это, между прочим, Пушкин играючи спустил, со слов Юрия Тынянова, лишь за свою рядовую выпивку. Но ведь Александр Сергеевич в тот запротоколированный вечер изволил еще и чем-то закусить... И уж понятно дело чем-то чрезвычайно модным и не менее чрезвычайно дорогостоящим. И это все притом, что наш поэт от своих современников особым мотовством вовсе не отличался. То есть трата полугодовой зарплаты простолудина за день — для барчука норма.

И чтобы еще более детально убедиться в глупости считающего себя хозяином жизни представителя высшего общества России, усаженного нам на шею Петром, стоит лишь краешком глаза глянуть на цену того холста, который был закуплен масонским сопровождением вышеупомянутых арестантов, работавших на копях рудника одного из Нерчинских заводов:

«Холст на рубахи каторжникам — 75 р. ассигнациями» [66, с. 168].

И это, заметим, не на все тюрьмы Сибири, как тут следует сразу предположить, не на все близлежащие прииски и даже не на всю тюрьму, в которой содержались Сергей Трубецкой и Волконский и Евгений Оболенский под строгим государственным контролем, но на упомянутых всего лишь: *трех* масонов!

То есть по пять коров стоило лишь одно полотно для каждой из рубах!!!

Оно, это полотно, что: из золота?

Да нет: все из того же, из чего уже много лет спустя Запад ткал одежду, самого что ни есть наитривиальнейшего материала — из хлопка.

А вот пахать в своей этой самой «глубине сибирских руд» не вздернутым на виселице лишь за свои красивые дворянские фамилии Сергеем — Трубецкому и Волконскому — за модную эту самую рубаху, пришлось бы не менее трех лет. Но это лишь в том случае, если масонские спонсоры продолжали бы их подкармливать французскими булочками с мармеладом. Если же еду им пришлось бы закупать на свои зарабатываемые, то, в случае просто титанического терпения этих самых «страдальцев», им пришлось бы попытаться в каторжных своих работах, во глубине этих самых оскомину набивших *сибирских руд*, годочков эдак с десяточек. Однако ж от этой самой модной рубахи, ими надетой в долг, ко времени его отработки уже ничего бы и не осталось.

Кстати «о птичках»: а не является ли таковая форма каторжных работ, когда дикарям кидается некая модная блестящая брошка или зеркальце, очень эффективным средством организации каторжно-трудовых работ для падких к иноземщине папуасских слоев верхнего общества? Они же не понимают, что эдаких безделиц цивилизатор может за день наштамповать с сотню. Вот они и готовы на «благодетеля» за таковую роскошь полжизни пахать задаром.

Но это для папуаса. Русский же человек этой глупости, лишь насущной для немца-басурманина, всегда предпочитал все же приобретение куда как более приземленного товара: стада коров.

Такое роскошество он мог себе позволить лишь век спустя. После физической смерти «преобразователя», *преобразившего* его труд в реки шампанского из Шампани и столетней выдержки портвейна из самых дорогих подвалов Португалии, которые теперь в совершенно немереных количествах изжирали вживленные в государственный организм паразиты, постоянно требующие добавки. И никакие технические усовершенствования не удешевляли покупавшихся ими по цене пяти коров за штуку модных рубах, которые эти новые русские все также безропотно отдавали за свое пристрастие к моде, вытряхивающей все содержимое их карманов, постоянно пополняемых переизбытками русской энергии.

Однако ж самым главным «творением» Петра во всей вышеописанной системе было отображение у русского человека какой-либо самой малой возможности работать своим СЛОВОМ. Оно было обасурманено и закреплено правилами во всяких новодельческих его переименованиях на новый модный лад барчуками, воркующими на заграничных жаргонах. Само же нынешнее наше наречие, справедливо именуемое пушкинским, как раз и есть результат этих модных поисков новых жаргонов, когда Александр Сергеевич, получавший по две бутылки рома за каждую из своих строчек, благополучно прокучивал результаты своего стихослогательского таланта. И именно этот талант стал поставлен в качестве эталона новоизобретенной речи, теперь поименованной русской.

А сам русский человек, в то же время, был отстранен от возможности познания своих духовных книг — церковноприходские школы закрывались:

«Церковь отстранялась от народного образования, от школы» [161, с. 53].

А так как наша исконно русская школа и являлась никак не иначе, нежели именно церковноприходской, то здесь и выявляется самая главная причина — откуда пошла безграмотная русская деревня. Теперь выясняется окончательно — от Петра.

Но и не только его лично, но и его последователей:

«В результате реформ Петра общая грамотность народа резко упала и во времена Александра I была ниже, чем при царе Алексее Михайловиче, о чем, кстати, писал и Пушкин» [161, с. 53].

Но не вечно над Русью ворону кружить: после победы Николая I над поднявшим декабрьский путч масонством в изданном по случаю восшествия на престол манифесте значилось:

«Отечество очищено от следствий заразы, столько лет среди него таившейся...

...Горестные происшествия, смутившие покой России, миновались, и, как мы уповаем, миновались навсегда и невозвратно...» [66, с. 140].

К большому сожалению: *не навсегда, и не невозвратно*. Сменить свой импортный фрак на русскую рубашку барчук так и не подумал. Потому закупка блестящей мишуры, «трущихся штанов» и зеркалец с бусами продолжились: русский мужик, благодаря усаженной ему на шею паразитической сущности, все так и продолжал снабжать средствами к существованию хитрого француза и жадного немца, заносчивого англичанина и раздутого от неимоверной любви к себе поляка. И, несмотря на это на все, уже ко времени разгрома декабристов русский человек прирабатывал к своему хозяйству за период созревания хлебов от трех до пяти коров.

А вот еще вид подработки русского человека. На этот раз извозом. Посланник маркграфа Баден-Дурлахского Карла-Фридриха барон Христиан Генрих фон Гайлинг, например, сообщает, что русскому извозчику баре и иностранцы:

«В месяц платят 40 рублей за 4 лошадей» [440, с. 118].

И это по ценам 1770–1771 гг. Что является, если учесть, что лошади все-таки не жрут бензин и износу механизмов не подвержены, но, наоборот, лишь плодятся и

размножаются, чистым месячным заработком русского крепостного крестьянина времен Екатерины II.

Вот еще особенности жизни русского человека той поры. В акватории Невы, где по тем временам встречались многие из ценнейших пород рыб, таких, например, как стерлядь и лосось:

«Рыболовством занимаются только русские. Немцы не могут ловить рыбу на продажу, если их за этим застают, они обязаны возместить убытки. Им дали на 5 лет освобождение от налогов, но они пользуются этим правом уже 10 лет...

Рыболовство является главным источником пропитания для жителей деревень, расположенных по берегам Невы, так как крестьяне не очень много занимаются сельским хозяйством, поскольку их леность велика.

Каждый должен платить в казну налог в размере 10 копеек; в Лифляндии и Ингерманландии — 40, кроме крепостных, которые платят частично в казну, частично помещикам, собственностью которых они являются. Сами они не имеют никакого заработка и, если хозяин захочет их прогнать, он имеет на это право» [440, с. 124].

И такую слишком нелестную для немцев и чухны информацию сообщает нам иностранец, русского человека и в грош не ставящий. Однако ж сообщает нам достаточно важную вещь: мы ничьей собственностью не являемся, тогда как прибалты не просто бездомные и безправные жители своей страны, но еще и подать платят в казну в 4 раза большую русского крестьянина. И они, что захлеб сегодня воют демократы, да и они сами им не без на то удовольствия поддакивают, якобы свободные хлебопашцы, а мы какие-то-де такие якобы тысячелетние рабы. Ну не смешно ли? Тут немцам, для которых в этом государстве правительством делается все, что выясняется на поверку, было рыбу нашу ловить строжайше запрещено. А чухонцы так и вообще в то время зачуханными были — света белого не видели: без кола и без двора лишь в качестве безправных рабов на своего помещика с зари до заката вкалывали. Мало того, государству нашему антирусскому, позволявшему немцу в наш госбюджет за свое на нашей земле многолетнее пребывание, вообще ничего не отдавать, платили вчетверо больше нашего.

Вот до чего распрекрасненько поработала с нашими мозгами вражья пропаганда. Однако ж опубликованный сегодня дневник барона, своими собственными глазами видевшего настоящее, а не вымышленное затем положение вещей в нашем государстве, открывает нам глаза на жизнь русского человека той поры. Ведь вы только прикиньте — что значит зарабатывать 40 руб. в месяц, используя при этом лишь 4 личных лошади — ведь безлошадных крестьян у нас в России вообще никогда не было?

Причем, и сам нами рассматриваемый этот баден-эльзасский барон обилие у русского человека домашней живности подтверждает:

«Крестьяне имеют много скота...» [440, с. 118].

Среди которого, понятно дело, не только лошади имелись, но и коровы, и овцы, и свиньи. Значит, мясо и молоко, овчинные полушубки и яйца, шерстяные носки и теплые кафтаны с валенками — у каждого крестьянина, в преобилии, что и барон закордоньский подтверждает, буквально, по улице бегают. А тут еще стерляжечкой да лососятинкой балуйся всласть — чуть не из окна дома ее вылавливай — да икорку откушивай, как в «Белом солнце пустыни», столовой ложечкой...

Да, русский человек в те времена имел очень неплохие статьи дохода. Причем, и в государственную казну платил причитающуюся с него подать вчетверо меньшую соседствующего здесь с ним чухонца. Потому-то и поля свои, занимающие бывшие болота и мало пригодные для земледелия, распахать не спешил. А деньгу наработывал иными способами: извозом и рыбной ловлей.

Но и полувеком позднее что-то никакой измордованности в русском человеке не замечается. Дмитриев:

«У всех лица веселые, ни одного угрюмого, ни одного нищего — ничего прячущегося: нет никаких признаков несчастья, удручения и зломыслия. А гармоническая поэзия

русских песен? Оссиан, желая изобразить действия сладостных и заунывных песен, говорит: "...они походят на воспоминания о минувших радостях — сладостны и вместе грустны". Это сравнение удачно и точно, несмотря на то, что песни не имеют ни малейшего сходства с чувствами нашей души, ни с воспоминаниями о прежних удовольствиях. Русские живут в спокойствии, в избытке — а от избытка глаголют уста их радость и веселие» [32, с. 48].

И в этом взгляде на русскую нацию москвича, пускай и зааристократизированного, нет ничего и близко наигранного и лишь в унисон цензуре сказанного — еще полвека до этого суворовские солдаты были просто шокированы униженно выпрашивающей у них корочку хлебушка побирающейся босоногой нищетой Италии, на территории которой им тогда довелось воевать. А ведь это говорит о том, что устроенный Петром погром уже ко временам Павла I был практически ликвидирован и народ вновь вставал с колен.

Однако ж и чуть ранее, во времена правления Екатерины II, вот какие о недостатке русского человека имеются высказывания. Посол Франции Л.-Ф. Сегюр, увидевший Россию в 1788–1789 гг., уж куда как более явный наш недоброжелатель, вот что сообщает о простолюдинах времени его у нас пребывания:

«Русское простонародье, погруженное в рабство... пользуется некоторою степенью внешнего довольства, имея всегда обеспеченное жилище, пищу и топливо; оно удовлетворяет своим необходимым потребностям и не испытывает страданий нищеты, этой страшной язвы просвещенных народов» [295, с. 329].

Так что и этот свидетель, в грош нас не ставящий и талдычащий и им самим впитанную теорию о некоем «тысячелетнем рабстве», ни о какой якобы бытовавшей в то время у нас нищете, которую здесь же и в это же время в своей сказке о России «запечатлел» масон Радищев, что-то не упоминает. Однако ж и «рабства», описанного Радищевым, он не замечает точно также:

«...подчинение их приближается к тому положению, в котором были в Европе крестьяне, прикрепленные к земле» (там же).

Кстати, пока они вообще землю эту имели. Но затем им дали с этой самой земли хорошенького пинка, и они стали свободными. То есть освободились от владения землею на все оставшиеся времена. И были теперь лупливаемыми работодателями и выкидываемыми ими на улицу за малейшую провинность. А также вешываемыми, если пытались сменить свое местопребывание в определенной местности выставливаемыми на большую дорогу работодателями патрулями.

И вот как осуществляется управление русским крестьянином этим нам всю плешь давно проевшим, что нам вбивали в голову столетиями, неким таким «крепостником»:

«Каждый крестьянин платит умеренный оброк за землю, которую обрабатывает, и распределение этого налога производится старостами, выбранными из их среды» [295, с. 330].

То есть крестьяне живут себе поживают русскою общиною, в самых снах своих кошмарных знать не зная и ведать не ведая, что находятся они в это самое время в некоем таком «рабстве крепостничества».

А живут, что выясняется, не просто сносно, но много лучше, нежели в те же самые времена простолюдины Запада. Что весьма красноречиво и сообщает этот самый Сегюр, наш более чем явный ненавистник, в своем рассказе.

А ведь в его время уже крестьяне не слонялись стадами, как несколькими лишь десятилетиями до этого — в годы Петра и его «птенчиков» — временщиков Анны Иоанновны и Елизаветы:

«Нигде не встретишь ни одного нищего...» [295, с. 337].

Да, время лечит. И изуродованная реформами и «реформатором» Русская Земля за прошедшую после смерти супостата половину столетия в основном успела зализать кровоточащие раны и оправиться от тайфуна некогда бушевавшей здесь петровской революции.

А вот кем, как теперь выясняется, являлся Радищев — правозащитник XVIII в. — предшественник наших Ковалевых-Сахаровых. Лишь он один, а затем Репины с Некрасовыми, знал ту самую «тысячелетнюю рабу», которую почему-то не заметили ни Дмитриев, ни Сегюр, о которой писал свои взятые из воздуха сочинения:

«...“просветитель невежественной православной Руси”, Радищев, будучи в Германии сблизился с масонскими кругами и по возвращении в Россию в течение пяти лет открыто состоял членом масонской ложи. Радищев не скрывая декларировал свою убежденность в том, что монархия и вера в Бога есть зло» [130, с. 220–221].

Так что предвзятость автора налицо. Тем более, что мы уже рассмотрели свидетельства нескольких иностранцев, побывавших в России во времена крапания им своей гнусной русофобской писанины.

А вот как комментирует отрезок времени восшествия ее на престол сама Екатерина II, к которой и приезжал затем с посольством француз Сегюр:

«Народ по Волге показался ей богатым и весьма сытым: все хлеб едят, и никто не жалуется; по городам цены высокие, а в деревнях прошлогодние немолочные запасы в избытке; крестьяне крепятся продавать хлеб из боязни неурожая» [165, с. 62].

Так что пусть не в радужных красках показана жизнь русского человека в ту эпоху, но с достаточной точностью и сдержанностью в оценке. В тот момент он еще не жировал, но лишь вставал с колен после страшного погрома. Что и показано в этих двух словах достаточно точно.

Но где «птенцы» душегубца Петра отсчитывали по полполтинника в год на прокорм умерщвляемой ими русской души, сотню лет спустя, уже практически при полном пансионе, всего за пару месяцев русский человек имел возможность в период созревания хлебов приработать для своего хозяйства три-пять коров. А потому и столь стремительно поднималась с колен наша страна. И все это в эпоху русского императора, столь люто ненавидимого революционерами. Именно в его царствование было в основе своей закончено исправление начатой Петром авантюры, стоившей стольких миллионов русских жизней. А в безопасность судоходства лишь придуманной, но отнюдь несколько не продуманной Петром артерии, начиная с царствования Александра I и заканчивая Николаем I, в течение двадцати трех лет было вбухано 48 586 261 руб. [32, с. 208].

На такую сумму можно было приобрести 9 500 000 коров! Что и подняло бы благосостояние нашего народа куда как на еще большую величину!

Однако же эти деньги были лишь добавлены в уже вложенные, а точнее выброшенные на все эти бездарные петровские прожекты, что и подточило, безусловно, развитие мощи нашего государства на никем никогда не подсчитываемую величину!

Но лишь вложенная в доразвитие уже сотню лет все никак нескончаемого долгостроя сумма выглядит достаточно астрономически. И тот крепостной крестьянин, который и «Наплюена» со своей земли согнал, и импортномыслящую жирующую на своем хребте прослойку бездельников обезпечил Карловыми Варами — именно он и выплатил от своего «избытка» сумму, столь теперь кажущуюся нереальной своей огромностью! И при всем при том — сам вовсе не облез!

Работники же летней навигации, в подавляющем своем числе, были крепостными. Но где Петр пару месяцев лишь поддерживал временную работоспособность свеженабранных, но уже обреченных в недалеком будущем на голодную смерть своих дармовых работников, там, спустя век, русский человек, помимо существования на всем готовом, зарабатывал за каких-то пару месяцев до пяти коров!

С каждой коровы при разделке получается лишь чистого мяса 300 кг. Цена мяса сейчас — 10 \$ за кг. $10 \$ \times 300 \text{ кг} \times 5 \text{ кор.} = 15\,000 \$$! Но в дело идут еще и кости, и шкура, и копыта, и внутренности, и т. д. То есть между посадкой и уборкой хлебов русский крепостной крестьянин при Николае «Палкине» имел возможность приработать, по нашим расценкам порядка 15 000 долларов США! То есть каждый летний сезон наш этот

«бурлак»-батрак, а точнее — погонщик скота, прирабатывал к своему хозяйству по «иномарке»!

Вот тебе и крепостной...

А кто же тогда мы-то сейчас?..

Но русский крестьянин получил бы и еще куда как большие суммы за свою работу, если бы не пришлось на стройки века, некогда начатые Петром, добавлять еще 9,5 миллионов коров из собственного кармана.

Но это были поденщики — самая неквалифицированная рабочая сила. Да и время работы их было строго ограничено: между посевом и уборкой зерновых.

А вот сколько денег за навигацию в той клятой большевиками царской России получали опытные квалифицированные моряки. На Белом озере, например:

«Местные мещане (горожане) ходили в лоцманах и шкиперах (“шкипарях” как говорили тогда в Белозерске), зарабатывая при этом за навигацию соответственно около 300 и 100–150 рублей ассигнациями» [157, с. 88].

Так что лоцман или капитан за навигацию могли этих иномарок к своему хозяйству приторочить так и вообще — с десятком!

А вот каковы вехи выкачивания крови из нашей страны реформацией нашего государства:

«В 1828 году по всей системе... в движении: судов 8 841, плотов 1 378; товаров привезено на 103 534 803 руб. Суда, прибывшие в С.-Петербург, уже не возвращаются к местам своего отправления..., а обыкновенно покупаются лесными торговцами и городскими обывателями на сломку. Это весьма много истребляет строевого леса» [32, с. 210].

Отборного, заметим, высочайшего качества корабельного строевого леса, который теперь пустят на дрова...

И этот «преобразователь» за украденный на дрова в лютую стужу замерзающими русскими людьми сучок, что рос в его лесу, приговаривал к смертной казни через повешение! Потому и утыкал частоколом виселиц отгораживаемую им под концлагерь территорию! Сам же при всем при этом изобрел целую систему, по которой каждый год предавались огню десятком тысяч новых прекраснейших кораблей, на славу добротного сработанных русскими судостроителями из отборнейшего русского леса!

Это просто какая-то мистическая жертва его богу, столь люто ненавидящему наш *русский лес!*

И никакой даже самый мудрый в нашей стране правитель эту им изобретенную систему переиначить уже не смог бы, потому что для полного исправления Петра этого самого столь чудовищного «творенья» потребовалось бы им возведенный искусственный город-кровосос просто-напросто *упразднить...*

И вплоть до «пролетарской» революции ничего в этом вопросе так и не изменилось:

«Петербург был и остается до сих пор только последней станцией по дороге русского экспорта...» [160] (37).

Резонен вопрос. А каким же это тогда образом у нас еще до Петра шло сообщение с Западом?

Ответ на поверхности:

«...Вышневолоцкая система необходима только для провоза наших продуктов из внутренних губерний к границе; для обратного же пути существуют сообщения кратчайшие и более приспособленные к цели, каковы Мариинская и Тихвинская...» [32, с. 210].

То есть путь наш древний «из варяг в греки» работал исключительно на ввоз дешевого сырья с благодатного Запада — в нашу страну, а уж никак не на его, из нашей малоурожайной с *рискованным земледелием* страны, вывоз! А потому лишь нам и выгодно была эта торговля, но никак не шведам, якобы оседлавшим наши торговые пути. Тут все выглядело достаточно просто: мы могли купить у них что-нибудь нам наиболее

необходимое, что составляет главный предмет их экспорта, у которого себестоимость, ввиду природных условий, ниже нашей. Но могли и не купить. Им же самим, при наличии исключительно в нашу сторону идущего торгового пути, упорное держание в своих руках не только гнилых болот Невы, но даже распрекрасных портов Ревеля и Риги никаких выгод не сулило!

Экспорт же наш шел через Архангельск, где тяжелогруженные суда абсолютно без каких-либо усилий по весне свободно шли вниз по Сухоне и Северной Двине. А потому доставка груза в Архангельск даже из Москвы обходилась втрое дешевле, нежели в Петербург.

То есть не для торговли Петром этот искусственный монстр-кровосос был вживлен в тело России, а исключительно для ее последующего разграбления. Таков конечный смысл всех его нововведений. Этот паук, выросший при эпохах «великих» до колоссальных размеров, втягивал в себя все наши богатства, которые весьма благополучно прокучивали в этом же самом городе-монстре получившие полную власть над страной иноязычные, иноверные, чуждые всему русскому инородцы и полуинородцы, составлявшие административно-командный центр созданного Петром спрута.

О том, что со времен Петра из нашей страны только выкачивались ее богатства, имеется подтверждение еще хотя бы в том, что даже век спустя десять тысяч судов ежегодно выкидывались за ненадобностью. Вместо того чтобы быть нагруженными уже теперь импортными товарами и через Тихвинскую или Мариинскую системы, при попутном в здешних местах северо-западном ветре, быть отправленными вглубь России. И исключительно благодаря односторонности потоков груза одна треть русского торгового флота ежегодно безжалостно уничтожалась — шла в огонь в качестве дров, столь дефицитных на гнилых болотах, где был учрежден этот город-кровосос.

Но и это еще не все «прелести» устроенного нам «преобразователем» «преобразования». Ведь Дмитриев в своем повествовании сообщает лишь о Вышне-Волоцкой системе, ни словом не упомянув о уже существующей в то время и второй такой же еще более судопожиряющей артерии. Странно, но факт: высокопоставленный чиновник, подробно описав свое путешествие вдоль Вышне-Волоцкой системы, об использовании еще и системы Мариинской в том же направлении — просто не знал.

А наш естественный путь с запада на восток, Мариинская система, что теперь выясняется, в угоду все того же мертворожденного города-вампира, вследствие явной все же нехватки вскрытого Петром крантика в лице Вышне-Волоцкой системы переправки наших богатств за кордон, был уже при своем сооружении переориентирован в сторону, обратную естественной:

«...в июле 1810 года Мариинская водная система была торжественно открыта. Мариинской она была названа потому, что деньги на ее строительство отпускались по личному распоряжению супруги императора Павла I — императрицы Марии Федоровны...» [157, с. 87].

И деньги ею выделялись, между прочим, ну уж совершенно несопоставимые с отпускаемыми на подобные же нужды Петром. Ведь если «преобразователь» выдавал по 3 тыс. рублей для строительства канала, где работало 6 000 человек, то при Павле I, когда цены мало чем и отличались от цен при Петре:

«...ежегодно выдавалось по 400 тысяч рублей...» [157, с. 87].

А вот какая в сравнении с выплатами своим рабам Петра просто астрономическая сумма была выплачена казной при строительстве Белозерского обводного канала:

«Белозерское городское общество для постройки канала получило от казны ссуду в сумме 4,5 миллиона рублей ассигнациями...» [157, с. 92].

И какие сумасшедшие деньги зарабатывали рабочие еще и здесь — осталось за кадром. Но, судя по общей сумме, а в особенности в сравнении со средствами, отпускаемыми Петром, достаточно не малые.

И когда строительство ее завершилось:

«По ней широким потоком пошли грузы с нижней и средней Волги к Петербургу» [157, с. 87].

И вот до какой *широты* был развернут этот не имеющий в истории аналогов односторонний путь по вытряхиванию за кордон достояния Державы:

«Пропускная способность канала планировалась до 60 000 судов за навигацию» [157, с. 92].

И вот в чем выражалась неслыханная односторонность теперь и этого пути, разграбляющего нашу страну:

«Служило судно 1–2 рейса. В конце навигации его продавали на дрова в С.-Петербурге, на вырученные деньги судоводители покупали сани и возвращались домой по санному пути» [157, с.92].

Так что еще и Мариинская система, в помощь Вышневолоцкой, угробляющей в год по 10 000 судов, была уже изначально запланирована на уничтожение в печах города-убийцы от 30 000 до 45 000 русских речных судов ежегодно!!!

Что тут скажешь?

Это и действительно какое-то древнее мистическое жертвоприношение. И все это лишь для того, чтобы измышленный Петром монстр за своей никчемностью раньше положенного времени не издох...

А вот чем кардинально отличались от Петра наши страной управители, выплачивающие миллионы за те работы, где их предшественник выдавал тысячи, и те на лету разворовываемые его «птенчиками». Ненавидимый петрообожателями «Палкин», например, в 1834 г. после пожара в селе Едрове, где случилось ему по тем временам быть проездом, совершил следующий поступок:

«...тогда же обратив внимание на это бедствие, высочайше повелел принять меры к немедленной помощи, вследствие того розданы в ссуду погоревшим 121 ямщику и 2 купцам из ямщиков, каждому по 300 р. на 10 лет *без процентов*, и сверх того *безвозвратно* 13 вдовам по 50 рублей каждой. Приятно и усладительно находить по лицу всей Русской Земли живые памятники благотворительности и милосердия государя нашего. Божество, неусыпно пекущееся о благополучии чад своих! Ты на пепле селения услышишь не вопли и рыдания, но тысячи радостных голосов, прославляющих твое милосердие! Ты узришь седых старцев и сирых вдов, окруженных многочисленными семьями, от глубины сердца просящих у Всевышнего благословения тебе и августейшему Дому твоему — и эта пламенная жертва искренности возлетит ко Престолу Царя Царей и будет услышана для счастья нашего, как слышат небеса все теплые молитвы наши!..» [32, с. 220].

«Палкин» благотворительствовал, как теперь выясняется, в ни до него, ни после невиданных размерах. По шестьдесят коров ста двадцати трем человекам одновременно, совершенно безкорыстно, безпроцентно каждому на целых десять лет пожаловано монархом! А это стадо в 7 380 голов! Мало того. Тринадцати безутешным вдовам, чьи мужья стали жертвами пожара, по всей видимости, не просто так, но в борьбе с разбушевавшейся стихией, человеколюбивый монарх, проявив милосердие прежде всего к оставшимся сиротами детям, одарил каждую безвозвратной ссудой, равной стоимости десяти коров!

Ничуть не менее щедры были и первые московские государи:

«Накануне или в самые дни великих праздников... государь скрытно, только в сопровождении небольшого отряда доверенных слуг, выходил из дворца в городские тюрьмы и богадельни, где и раздавал из собственных рук милостыню всем заключенным преступникам и пленным иноземцам, а в богадельнях — дряхлым, увечным, малолетним сиротам и всякого рода беднякам, каждому не меньше полтины, а многим по рублю, иным же по два, по три и по пять рублей — деньги огромные по тому времени...

Так жил Василий Третий по обычаям своих предков; так же жили московские государи и после него — в XVI и в XVII веке» [81, с. 309–310].

Так что же это были за деньги?

«...лошадь стоила рубль, корова — три четвертака...» [81, с. 290–291].

А вот и о Николае II узнаем, что его благотворительность была ничуть не меньшей:

«...давка на Ходынском поле, где собралось около полумиллиона человек в ожидании памятных подарков от государя по случаю венчания на царство, — насчитывают ныне до 1000 с лишним умерших на месте и скончавшихся в ближайшие дни, множество раненых. На следующее утро государь и государыня были на панихиде по сим умершим и позже посещали раненых в больницах, было выдано по 1000 рублей в золотом исчислении на каждую семью умерших или пострадавших, для детей их был создан приют» [83, с. 472].

По дореволюционным ценам на такую сумму можно было приобрести около семнадцати коров! Целое стадо! И ведь это на каждого пострадавшего!

И при всем при этом:

«За время своего двадцатидвухлетнего царствования, когда революционеры, террористы убили сотни и ранили тысячи людей, Николай II не подписал ни одного смертного приговора, напротив, многим осужденным даже военными судами, смертную казнь заменял каторгой» [83, с. 463].

Петр же — наоборот: оставил сиротами, сгноив их отцов на бесконечных своих стройках всех тех русских людей, отцы которых по своей доверчивости и непротивлению именно к *царской власти* попали к нему в лапы. Когти этого предапокалипсического зверя никого из них живыми уже не выпустили. Один лишь Петербург, не говоря о всех иных «стройках века», «съедал» по двести тысяч русских людей ежегодно! Но вся эта грандиозная машина была предназначена лишь для одного: предания смерти как можно большего количества отцов православных семейств. Лишь после этих массовых убийств появлялась уникальнейшая возможность произвести полную перековку Русского Православия в создаваемую им систему экуменического предапостасийного вероисповедания. Тех же, кто противился ему, не желая замерзнуть в лютые морозы в безжизненной пустыне на месте возводимого на костях строителей города, он безжалостно вешал и выставлял изувеченные трупы строптивцам в назидание! Мол, замерзайте себе тихо без ропота — не то хуже будет!

Но хуже уже и не бывает. А потому замерзающие в лютую стужу русские люди шли за хворостом, и их хватали и вешали...

В Москве рубили головы стрельцам, пытали, колесовали, вырывали ноздри и языки...

И скольких жен этот лютый палач, кем-то и по сию пору превозносимый до самых до небес, оставил вдовами?! А сколько малолетних русских детей оставил он сиротами?!

И выделил ли он хоть грошик, чтобы с голоду не сгинуть хоть одному из них?! Не только не выделил, но и издал закон, чтобы с каждого новорожденного драть три шкуры, как со взрослого мужика!

И как наша нация после всего этого вообще не вымерла — вот что остается до конца не познанной загадкой!

Ведь:

«Население России за время правления Петра I сократилось вполтину...» [62, с. 372].

И чтобы как следует уяснить себе всю значимость этой зловещей цифры, следует сравнить ее с итоговой цифрой потерь времен Второй мировой войны, раны от которой не зажили и по сию пору. В Великую Отечественную войну, напомним, даже при оккупации врагом территорий, на которых проживало до войны до 40% населения страны, число жителей нашей страны сократилось на 10%. Но все ужасы последствий оккупации мы прекрасно помним и по сию пору. Так что же такое потеря 50% населения?!

Здесь стоит теперь лишь удивляться, как мы после такого погрома вообще не оказались стерты с лица планеты. Здесь, так же заметим, что драконовская мера по тотальному уничтожению «лишних ртов», когда с новорожденного стали драть налог как со

взрослого, живи наши предки в другой стране, могла бы закончиться полной этнической катастрофой. Русский этнос просто обязан был прекратить свое существование как народ.

Так каким же все-таки образом нам удалось выжить даже после нововведений воцарившегося у нас в ту пору супостата?

А выжить нам тогда помогла лишь у нас имеющаяся наша родная и чисто народная административная единица — *русская община*. В противном же случае оставшейся сиротами половине населения России под тяжким бременем петровских людоедских нововведений было бы выжить просто невозможно!

Уж так этот «преобразователь»-людоед несколько своеобразно «любил» (уж не кушать ли?) исключительно почему-то лишь русских детей. Этого Горыныча трехголовый последователь, «добрый» дедушка Ленин-Троцкий-Сталин, помнится, тоже подобною «любовью» не брезговал «побаловаться» — вывозил в Сибирь на лютый мороз русских людей целыми эшелонами, где первыми гибли дети грудничкового возраста, затем чуть ножками по земле перебирать научившиеся, затем постарше, затем...

И вот какими «успехами» в устроенном чекистско-комиссарском геноциде может теперь по праву гордиться кровно родная петровским птенчикам-людоедам советская коммунистическая партия:

«По некоторым данным, с 1917 по 1970-е годы в общей сложности (считая всех погибших в лагерях и ссылках) было уничтожено “не менее 100 миллионов людей...”³⁵» [112, с. 140–141].

Имеются и более страшные цифры коммунистического погрома страны, где, судя по всему, к расстрелянным и замороженным в лед, забитым до смерти и заморенным голодом и непосильной работой в лагерях прибавлены обычно не учитываемые десятки миллионов маленьких детей, безвестно сгинувших в подворотнях, умерших от голода и болезней; грудных младенцев, умерших на руках истощенных от голода матерей, не имеющих для их спасения молока:

«Общее число погибших в России и СССР — 144 миллиона человек» [31, с. 65].

И такая уж поистине астрономическая цифра никак теперь не может не радовать Ротшильдов-Рокфеллеров с их масонской конторой — «Мемфис Мицраим», изобретших это людоедство и подготовивших самих людоедов.

Но это лишь о погибших.

Вот какие астрономические цифры вложены во все ленинско-сталинские предприятия по уничтожению русского человека. В свое время еще:

«Д.И. Менделеев подсчитал: к середине прошлого века нас должно было бы стать пятьсот миллионов!» [20, с. 272].

Он составил график динамики роста населения Земли. И:

«Его прогнозы по таким странам, как Китай, Индия и др. оказались достаточно верными. Однако количество населения в России в XX веке не совпадало с его расчетами и оказалось меньше предсказанного на несколько сотен миллионов. Очевидно, Дмитрий Иванович не мог предвидеть последствий революции...» [112, с. 141].

Да, методы расправы Ленина с мирным населением России предвидеть было бы достаточно сложно. Тем более — изобретение голода в собственной стране в мирное время. Невозможно было догадаться и о том, что палачи русского народа узаконят убийства детей даже в утробе матери:

«...Ленин был первым правителем государства в мире, который узаконил аборты» [112, с. 142].

Он же, что выясняется лишь сегодня, санкционировал массовое заражение «испанкой» путем заражения этой страшной болезнью под видом прививки (См. фильм Галины Царевой «Пандемия лжи»).

---

³⁵ «Православный Путь», 1993 г., с. 175.

Пока под вопросом умышленность заражения населения России и иными эпидемическими болезнями, в тот момент почему-то распространившимися исключительно лишь у нас.

Сюда же следует отнести и большевистский голодомор. Многомиллионную жатву собрал и он.

А потому в некомпетентности нашего величайшего ученого, думается, обвинять не станет никто. Так что запущенные к нам революционными поветриями людоеды, безчеловечными условиями жизни поставив русский народ за грань какой-либо выживаемости, на самом деле уничтожили людей гораздо больше: много более 300 млн. человек!

Понятно дело, сейчас же возникает вопрос: каким же образом большевикам удавалось продолжать убивать русских людей много позднее завершения так называемой «гражданской войны» (на которую списано так много)?

Примерно так. Вот одно из свидетельств о способе тех многомиллионных убийств, запланированных захватившими в нашей стране власть темными силами. Свидетельствует «раскулаченный» в 1937-м году русский крестьянин, расчистивший для своего участка бросовые земли. В чем и оказался повинен перед властью комиссаров, свирепо наблюдающих в тот злополучный момент «за добрым порядком»:

«В Усвятской тюрьме держали на воде и хлебе... по двести грамм в день» [129, с. 15].

Такова норма узаконенного геноцида при выделении средств жизнеобеспечения наследниками петровских реформ на душу русского человека, подлежащего уничтожению! Это точная копия Освенцима. Точнее — Освенцим точная копия «общежития» при кровавом ленино-сталинском режиме. И именно они у большевиков брали в данном вопросе пример, а уж никак не наоборот:

«Концлагеря в СССР созданы на основе постановления Совнаркома РСФСР от 05.09.1918. В 1921 строится первый лагерь смерти в Холмогорах вблизи Архангельска. К 1922 г. официальный список включал уже 65 концлагерей» [178, с. 188].

А к описываемому нами периоду, то есть к 1937-му г., в советских лагерях смерти в нечеловеческих условиях содержалось до 6 млн. человек!

Сравним:

«...в царской России самое большое число сосланных составляло 32 000 человек (1912 год)...» [178, с. 188].

То есть количество заключенных при так называемой «народной власти» увеличилось в 200 раз!!!

И вот почему комиссарам во времена наследующего Петру режима можно было легко отписывать в верха: «в людях зело нужда». Вот что сообщает «раскулаченный» за расчистку пустыря крестьянин о своем пребывании в советском лагере смерти:

«В Ухте железную дорогу строил. Там люди мерли как мухи, а на их место новых привозили³⁶...» [129, с. 15].

То есть система уничтожения людей у всех нами разбираемых трех режимов практически универсальна: голод при безжалостной физической эксплуатации. Потому любому представителю этих режимов в минимальные сроки можно достигать максимальных оборотов своих фабрик смерти. И отписывать в верха чуть ли ни ежедневно: «в людях зело нужда».

Но и еще задолго до знаменитых людоедских 37-х годов кровожадность наследников дел Петра была ничуть не ниже:

«Вот письмо, адресованное Калинину, 1930 год:

“Многоуважаемый Всероссийский староста Михаил Иванович Калинин. Мы украинцы-переселенцы живем в Вологде. Жизнь наша очень тяжелая — мы живем врозь от своих мужей. Наши мужья отделены от нас, находятся где-то на лесных работах, а мы,

---

³⁶ Звенья. Исторический альманах. Вып. 1-й. М., 1991. С. 135. Запись произведена в Усвятском районе Псковской области в 1976 году.

женщины, старики и малые ребята, томимся в церквах. Нас было помещено в каждую церковь по 2 000 человек, где были устроены нары до трех этажей, так что получилось сильное воспарение. Мы все остались больные от такого воздуха и сквозняка, а дети до 14 лет падали как мухи, и медицинской помощи не было для такого количества больных. За полтора месяца на вологодском кладбище схоронили до 3 000 детей.

Михаил Иванович! Спасите нас от такого бедствия и от голодной смерти. Нас сюда выслали на погибель, а какие мы кулаки, если мы имели по одной лошадке, по одной коровке? Мы бедняки. Мы для государства безвредны, а работали, и народ кормили, а теперь сами гибнем... Просим разобраться в нашем несчастье и спасти нашу жизнь. Ждем ответа»³⁷. — Ответом на вопль отчаяния уничтожаемого народа было усиление репрессий» [130, с. 505–506].

А вот и еще письмо подобного же содержания:

«Письмо Высшему органу власти М.И. Калинин:

Пишем Вашей милости и просим Вас убедиться на наше письмо, которое оплакивалось у северной тундры не горькими слезами, а черной кровью, когда мы, пролетарии Могилевского округа, собрались и решились поехать отыскивать своих родных. Приехавши на место среди Няндомского района, мы увидели высланных невинных душ, увидели их страдания. Они выгнаны не на жительство, а на живую муку, которую мы еще не видели от сотворения мира, какие сделаны в настоящее время при Советской власти... Мы были очевидцами того, как по 90 душ умирают в сутки, нам пришлось хоронить детей, и все время идут похороны.

Это письмо составлено только вкратце, а если побывать там, как мы были, то лучше бы провалилась земля до морской воды и с нею вся вселенная, и чтобы больше не был свет и все живущие на ней...

Просим принять это письмо и убедиться над кровавыми крестьянскими слезами»³⁸» [130, с. 519].

А вот и еще очередное письмо все на тот же адрес и такого же содержания:

«Михаил Иванович! Мы, рабочие, члены партии, с 17-го года боролись за свободу. Мы, старые революционеры, клали головы и бросались, как львы с голодной пастью, за буржуазией, и, как говорилось с 1905 года, что если завоюем, то если будет плохо, то всем.

Еще сотни лет пройдут и еще надо будет делать революцию. До чего наш социализм, Михаил Иванович, идет?... Мы бьем тревогу, как члены партии. Надо что-то делать... Мы действительные коммунисты: не имели ничего, кроме семьи. Вы сами подумайте, что это такое? Все отобрали и выслали. И никто не побогател, только Россию в упадок привели.

Просим ЦИК, чтобы вы проверили, в каком состоянии находимся: бараки наши ломаются, живем в большой опасности, бараки все обвалены дерьмом, народ мрет, оттаскиваем по 30 гробов в день. Нет ничего: ни дров, ни кипятку, ни бани... По 250 человек в бараке, даже от одного духу народ начинает заболевать, особенно грудные дети, и так мучаете безвинных людей.

Наш адрес: г. Котлас, Северо-Двинского окр., лагеря переселенцев. Макариха, барак 45-й».

Подпись сообщала, что это письмо было составлено неким Крыленко ³⁹» [130, с. 520].

Но ведь в те времена не только казенное жилье обваливалось: достаточно рискованным являлся ремонт и своего собственного — частного жилища. Ведь даже Андрей Белый, обласканный большевиками и одно время зарабатывающий на жизнь лекциями в Пролеткульте, где пользовался большим успехом, проживая затем в подмосковном Кучино, жалуется:

³⁷ ЦГАОР СССР. Ф.3316. Оп.1. Д.448. Л.68–69.

³⁸ ЦГАОР СССР. Ф.3316. Оп.1. Д.448. Л.72–73.

³⁹ ЦГАОР СССР. Ф.3316. Оп.1. Д.448. Л.71–72.

«...керосин идет на отопление вечно мокрого угла; если его не сушишь, через 3 часа покроется слезой; и загниют переплеты книг; керосин идет на осушку: кучинский домик сгнивает. Спросите, — почему нет ремонта? У моих стариков денег нет; и — боятся, что отберут дачу, если отремонтируют. Во всем Кучине панический ужас ремонта» [24, с. 141].

Так что даже отставные высшие большевистские лидеры *доживали*. Благами же пользовались лишь находящиеся в тот момент «у руля». Всем же остальным жителям России наследниками «дел» Петра уготавливалась лютая смерть в холоде, голоде и нищете.

Но Андрею Белому из подмосковного Кучино не было видно куда как много более завуалированных пропагандой трагедий, в те времена повседневно разыгрывающихся в русской глубинке. Вот, например, что мы вычитываем об этом из одного из писем Шолохова — будущего автора знаменитой «Поднятой целины»:

«т. Сталин!

Вешенский район, наряду со всеми другими районами Северокавказского края, не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян. В этом районе, как и в других районах, сейчас умирают от голода колхозники... взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями» [303, с. 136].

И вот в чем провинились в ту пору местные работяги.

Посевная площадь этого района, за счет варварской эксплуатации попавших в кабалу еврейским комиссарам русских людей в:

«1930 г. — 87 571 га, 1931 — 136 947 га, 1932 г. — 163 603 га» (там же).

То есть всего за два года этой естественной для совка штурмовщины, между прочим, все по поднятию той же целины, затем описанной Шолоховым, засеяно уже вдвое больше посевной площади. Но люди, пошедшие у большевиков на поводу, и сами не поняли, в какую ямищу этим ударным трудом сами себя же и загнали. Ведь этим волкам, вырядившимся в «рабочую власть», было глубоко наплевать — есть возможность увеличения площади посева или все ресурсы как раз этой самой штурмовщиной измотаны до последней крайности и непоправимо подорваны. А потому, ограбив человека в очередной раз, раскатали губу и на еще большее в сравнении с прошлым годом его ограбление. Но этим увеличением «производительности», которое все так и продолжали требовать от простого работяги большевики, так называемые «средства производства» были к тому времени уже до самого до конца измотаны. Потому как все для той же галочки в большевицком отчете загнанные в колхозы люди:

«работали на полудохлом скоте... ломали хвосты падающим от истощения и устали волам» (там же).

Понятно дело, что такой вот метод хозяйствования и просто обязан был когда-то привести не к продолжающемуся росту производства, но к его подрыву. Ведь скотина, на которой и пахали за отсутствием тракторов, это не человек. Потому-то она как раз и не выдерживала всего того, что выдерживали в те времена люди из страха попасть в сталинские лагеря смерти. Но одним лишь страхом, что выяснится позже, от большевиков спастись было невозможно — слишком сурово наблюдали они «за добрым порядком»:

«Хлеб надо взять любой ценой! Будем давить так, что кровь брызнет! Дров наломать, а хлеб взять!» [303, с. 137].

Все далее описываемое происходило еще до прихода к власти Гитлера. Но концлагерь, как выясняется, собою в тот момент представлял практически весь СССР. И описываемое Шолоховым ниже представляет собою вовсе не беллетристику какую, но доклад о творящемся безпределе самому товарищу Сталину. Причем, называются конкретные имена конкретных людей, замешанных в зверских убийствах мирных граждан в мирное (если оно у нас когда-то бытовало таковым во времена правления большевиков) время:

«В Плешаковском колхозе два уполномоченных РК [идет перечисление — А.М.]... допытывались у колхозников, где зарыт хлеб... В полночь вызывали в комсод, по одному, колхозников, сначала допрашивали, угрожая пытками, а потом применяли пытки: между пальцев клали карандаши и ломали суставы, а затем надевали на шею веревочную петлю и вели к проруби в Дону топить...» (там же).

Вот у кого, что выясняется, заимствовали гитлеровские палачи приемы издевательств над людьми. Понятно дело, в своих одах про Дон о методах борьбы большевиков с «перенаселением» Шолохов даже не заикнется. Но вот Сталину о творящемся здесь безпределе отписал. Хоть на том спасибо.

Однако ж прелести общежительства в совке всем вышеприведенным ох как еще и не заканчивались:

«В Грачевском колхозе уполномоченный РК при допросе подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полузадушенных, потом на ремне вел к реке, избивал по дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос...

В Лиховидовском колхозе уполномоченный РК на бригадном собрании приказал колхозникам встать, поставил в дверях вооруженного сельского, которому вменил в обязанность следить за тем, чтобы никто не садился, а сам ушел обедать. Пообедал, выпался, пришел через 4 часа. Собрание под охраной сельского стояло... И уполномоченный продолжал собрание» (там же).

Почему никто так и не рискнул сесть?

Так ведь шел, напомним, 1932-й год. Большевиками к тому времени, с начала коллективизации, уже было уничтожено с десятков миллионов мирных граждан России. В том числе и многих односельчан здесь присутствующих колхозников. И это уже после того, как были уничтожены 5 миллионов здесь же проживавших в дореволюционной России казаков. Потому все сообщаемое Шолоховым следует квалифицировать лишь единственным термином — геноцид.

Так, судя по результатам, обстояли дела и в коммунистической Камбодже, когда режимом Пол-Пота всего за несколько лет была уничтожена треть населения страны. Однако ж зверства лютовавшего в стране социалистического режима этому южному варвару было перекрыть невозможно просто чисто технически. Ведь в его стране нет возможности, например, в мирное время мирных граждан своей страны выгнать погнать на мороз. Ведь в его стране морозов не бывает.

А большевики, некоторыми весьма странной ориентации гражданами и по сию пору упрямо восхваляемые, этим средством воспользовались в полной мере. И даже отчитывались перед начальством в своих подвигах:

«...по числу семей, выкинутых из домов, по числу раскрытых при обысках крыш и разваленных печей» [303, с. 138].

И вот как приходилось отчитывать «нерадивых», то есть большевиков, так до конца и не врубающихся в политику партии и правительства:

«“Детишек ему стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела. Пусть, как щенки, пищат и дохнут, но саботаж мы сломим!”, — распекал на бюро РК Шарапов секретаря ячейки Малаховского колхоза за то, что тот проявил некоторое колебание при массовом выселении семей колхозников на улицу» (там же).

И вот чем грозило этим самым комиссарам, в мирное время мирных граждан своей страны выгоняющих на лютый мороз замерзать, вопиющее, с точки зрения большевистского руководства, отсутствие у них надлежащего запаса свирепости:

«До чистки партии из 1 500 коммунистов было исключено более 300 человек. Исключали, тот час же арестовывали и снимали со снабжения как самого арестованного, так и его семью. Не получая хлеба, жены и дети арестованных коммунистов начинали пухнуть от голода и ходить по хуторам в поисках “подаяния”...

Исключение из партии, арест и голод грозили всякому коммунисту, который не проявлял достаточной “активности” по части применения репрессий» [303, с. 139].

Так что большевистская мясорубка, изобретенная еще Карлом Марксом, а затем введенная Лениным и Троцким, поддержанная Сталиным, в те времена не останавливала своей кровавой работы ни на миг. И дабы не оказаться в числе пятой части уже «раскулаченных» партийцев, остальные своим приезжающим комиссарским боссам смотрели, буквально, в рот:

«...в начале февраля в Вешенскую приехал секретарь крайкома Зимин... Первый вопрос, который он задал присутствовавшему на бюро секретарю Чукаринской ячейки: — “Сколько у тебя выселенных из домов?” — “Сорок восемь хозяйств”. — “Где они ночуют?” Секретарь ячейки засмеялся, потом ответил, что ночуют, мол, где придется. Зимин ему на это сказал: “А должны ночевать не у родственников, не в помещении, а на улице!”» (там же).

Откуда секретарю большевистского крайкома такое изобретение в голову пришло? Ведь к тому времени уже так называемых «кулаков», в количестве нескольких миллионов, большевики уничтожили подобным же образом на севере? Неужели же этих так называемых «перегибов» большевистский аппарат так и не обнаружил и никого за уже совершенные зверства над мирным населением России не наказал?

Получается, что не наказал. Наказывали, что выясняется, лишь за проявленное некоторыми большевиками милосердие: сажали их в тюрьму, а их детей оставляли без хлеба голодать и выкидывали на мороз. А вот прикатил уполномоченный, и началось:

«После этого в районе взяли линию еще круче. И выселенные стали замерзать. В Безковском колхозе выселили женщину с грудным ребенком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках матери. Сама мать обморозилась...

Число замерзших не установлено, т.к. этой статистикой никто не интересовался и не интересуется; точно так же, как никто не интересуется количеством умерших от голода. Безспорно одно: огромное количество взрослых и “цветов жизни” после двухмесячной зимовки на улице, после ночевок на снегу уйдут из этой жизни вместе с последним снегом. А те, которые останутся в живых, будут полукалеками» [303, с. 139–140].

Если кто-то попытается связать это выколачивание зерна с какой-то уж там такой «производственной»-де на тот якобы момент «необходимостью», то будет ну уж сильно не прав. Ведь это понятно и без какого-либо особого перевода для тугодумов, что если половину деревни выгнать на мороз, то дети умрут, а родители их если все же и выдержат это двухмесячное испытание холодом, то поморозят себе пальцы на руках и на ногах. А потому именно для какого-либо производства будут после этого просто неспособны. Зачем государству чинить этот узаконенный им разор в собственной же стране? Оно что, тупое или здесь «зарыта» какая-то нами и до сих пор так и не распознанная «собака»?

Лишь единственное, чем все вышеизложенное можно хотя бы попытаться как-либо объяснить, — это жуткое массовое жертвоприношение какому-то большевистскому божку⁴⁰. Сталин, как бы кто к нему ни относился, этому жидомасонскому «священнодействию», проводимому троцкистами даже после бегства Троцкого за границу⁴¹, не препятствовал.

Но Шолохов все же пробует объяснить этому партийному боссу о том, что на данный момент происходит в разоряемой комиссарами стране:

«...большинство терроризированных коммунистов потеряли чувство меры... людей пытали, как во времена средневековья, и не только пытали в комсодах, превращенных буквально в застенки, но и издевались над теми, кого пытали» [303, с. 139].

Затем следует перечисление методов, которыми большевики пользовались в описываемой Шолоховым кампании:

⁴⁰ подробно см.: [222], [256] и «Жертвоприношение» (готовится к печати).

⁴¹ 90% ленинского государственного аппарата представляли собой пассажиров парохода из Америки, зафрахтованного масонами для прибытия Троцкого в Россию.

«1. Массовые избиения колхозников и единоличников. Сажание “в холодную”. “Есть яма?” — “Нет”. — “Ступай, садись в амбар!” Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь, февраль. Часто в амбары сажались целыми бригадами.

2. В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подола юбок керосином, зажигали, а потом тушили: “Скажешь, где яма? Опять подожгу!” В этом же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос.

3. В Наполовском колхозе уполномоченный РК кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку. Посаженный кричал, что не может сидеть, горячо, тогда под него лили из кружки воду, а потом “прохладиться” выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара снова на плиту и снова допрашивают. Он же (Плоткин) заставлял одного единоличника стреляться. Дал в руку наган и приказал: “Стреляйся, а нет — сам застрелю!” Тот начал спускать курок (не зная того, что наган разряженный) и, как щелкнул боек, упал в обмороке» [303, с. 140].

Так что большевикам было плевать — как такими зверскими методами подвергнутые пыткам люди смогут работать уже на следующий год. Им дано задание на проведение террора. И они его выполняли. То есть фашисты у нас зверствовали на десяток лет ранее вторжения к нам орд Гитлера. Именовали их, правда, несколько по-иному — коммунистами. Но хрен, что называется, редьки не слаще. Шолохов продолжает:

«6. В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков.

7. Там же: закатывали в рядно и топтали ногами.

8. В Архиповском колхозе двух колхозниц, Фомину и Краснову, после ночного допроса вывезли за три километра в степь, разделали на снегу догола и пустили, приказав бежать к хутору рысью...

10. В Затонском колхозе работник агитколонны избивал допрашиваемых шашкой. В этом же колхозе издевались над семьями красноармейцев, раскрывая крыши домов, разваливая печи, понуждая женщин к сожительству.

11. В Солонцовском колхозе в помещение комсода внесли человеческий труп, положили его на стол и в этой же комнате допрашивали колхозников, угрожая расстрелом.

12. В Верхне-Чирском колхозе комсодчики ставили допрашиваемых босыми ногами на горячую плиту, а потом избивали и выводили, босых же, на мороз.

13. В Колундаевском колхозе разутых добоса колхозников заставляли по три часа бегать по снегу. Обмороженных привезли в Базковскую больницу.

14. Там же: допрашиваемому колхознику надевали на голову табурет, сверху прикрывали шубой, били и допрашивали.

15. В Базковском колхозе при допросе раздевали, полуголых отпускали домой, с полдороги возвращали, и так по несколько раз.

16. Уполномоченный РО ОГПУ Яковлев с оперативной группой проводил в Верхне-Чирском колхозе собрание. Школу топили до одурения. Раздеваться не приказывали. Рядом имели “прохладную” комнату, куда выводили с собрания для “индивидуальной обработки”. Проводившие собрание сменялись, их было 5 человек, но колхозники были одни и те же... Собрание длилось без перерыва более суток.

Примеры эти можно бесконечно умножить. Это — отдельный случай загибов, это — законенный в районном масштабе — “метод” проведения хлебозаготовок» [303, с. 140–141].

Так что кто сегодня все еще хнычится по пропавшему коммунистическому обществу должен бы знать свою собственную историю. В данный же момент мы рассматриваем совершенно официальное письмо одного из ведущих писателей страны к одному из ведущих членов правительства социалистического государства. Потому-то и становится понятным — почему же в некоторых наших западных областях фашистов встречали как

своих освободителей. Было от кого освобождаться измороженному тому советскому обществу, правду о котором наши родители даже и в 60-е еще и пискнуть не могли. И если что ляпнешь невпопад, так сразу и в лице изменятся. Шипели приглушенно и испуганно: «Ти-ше!!! Такое нельзя говорить!»

Понятно дело, если после такого из дома на мороз выгоняли, что являлось еще лишь семечками. А то ведь и в «холодную» под замок, и из дробовика в голову пальнут, в шуточку же, а то между пальцев палки и сожмут, ломая суставы...

Но ведь все пересказываемое творилось лишь еще в «свободном» советском обществе. Но бытовали в ту пору и лагеря. Каково было попасть еще и туда?

Потому, чуть что, это просто патологически паническое: «Ти-ше!!!»

Но мы-то воробьи непуганые. А потому нам этих страхов было попросту не понять. И если наши родные нам политику партии и правительства в отношении совкового народа так и не разъяснили, хоть и догадывались, вероятно, то вот Михаил Шолохов ранее непонятое теперь доразъясняет. И ох как еще и доходчиво. Ведь теперь, после всех этих лишь в одном из многих уголков огромной страны в то время творящемся безпределе увиденном нам становится уже совершенно ясно, что отнюдь не для увеличения производства большевики столько людей ежегодно убивали и калечили. Им, как обыкновенным вампирам, а они ими и являлись, и являются, требовалось крови человеческой вдоволь напиться. Они и опаивались ею тогда практически ежегодно, изобретая все новые вехи все для новых неких своих таких свершений. А мы, в существе их сатанинских ритуалов с массовыми человеческими жертвоприношениями полные невежды, так этого их «священнодействия» до сих пор по достоинству еще и не оценили. А очень зря. Ведь история имеет свойство повторяться. И вовсе не важно, как они свою новую империю зла обзовут: коммунизмом или социализмом, демократией или диктатурой фашизма. Мы, так ничего для себя и не вынесшие из случившегося с нашими же бабушками и дедушками, отцами и матерями, просто обязаны наступить на эти же грабли истории в очередной раз.

Потому-то давайте хоть теперь постараемся все же приглядеться к этому письму Шолохова. Ведь оно на слишком многое раскрывает нам глаза.

Читаем его далее:

«Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко «В успокоенной деревне»? Так вот это «исчезание» было проделано не над тремя заподозренными в краже у кулака крестьянами, а над десятками тысяч колхозников. Причем, как видите, с более богатым применением технических средств и с большей изощренностью.

...Истощенные, опухшие колхозники, давшие стране 2 300 000 пудов хлеба... уж, наверное, не будут вырабатывать того, что вырабатывали в прошлом году. Не менее истощен и скот... Все это, вместе взятое, приводит к заключению, что план сева колхозы района к сроку, безусловно, не выполнят. Но платить-то хлебный налог придется не с фактически засеянной площади, а с контрольной цифры присланного краем плана. Следовательно, история с хлебозаготовками 1932 г. повторится и в 1933 г. Вот перспективы, уже сейчас грозно встающие перед вышедшими на сев колхозниками.

Если все описанное мною заслуживает внимания ЦК, — пошлите в Вешенский район дополнительных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые по-настоящему бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные «методы» пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это.

Обойти молчанием то, что в течение трех месяцев творилось в Вешенском и Верхне-Донском районах, нельзя. Только на Вас надежда.

Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины».

С приветом М. ШОЛОХОВ

Ст. Вешенская СКК 4 апреля 1933 г.» (АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 827, л. 7–22. Подлинник)» [303, с. 136].

Понятно дело, лично для Шолохова, аккурат тот самый момент и изобретающего очередную сказку про поднимание этой самой целины, Иосиф Виссарионович расщедрился. Хлебушка пухнувшим от голода упомянутым этим двум районам выслал. Но таких районов в тот момент было по стране, надо думать, коль только еще здесь каждый пятый коммунист, чьи руки еще не обсохли от крови недавно проведенной коллективизации, убивать и калечить своих односельчан не то что бы отказался, но требуемой «сноровки» при пытках не проявил. За что и был выгнан своими собратьями по клану, волками в шкуре народной власти, вместе со своей семьей зимою на мороз.

Потому конкретно лично Шолохову, пишущему в тот момент очередную большевистскую басню про им описываемую местность, Сталин все же помог. Но, при этом, узурпируемому большевиками народу русскому вовсе не сочувствует:

«Я поблагодарил вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике... надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы Вашего района (и не только Вашего района) проводили “итальянку” (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели “тихую” войну с Советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов.

...ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло показаться издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку» [303, с. 143].

То есть Сталин разъясняет политически безграмотному Шолохову, что все произведенные в его районе проживания убийства и издевательства над местными мирными жителями вовсе не являются чем-то особенным и уголовно наказуемым со стороны советских властей. То есть все увиденное им и услышанное во время и после этих проведенных большевиками карательных операций писателю не следует принимать близко к сердцу. Потому как живет он, о чем и сам-то сообразить не может, вовсе не в той радужной прекрасной стране, которую и изображает в своих романах. Но в застенке.

Причем, в застенке заранее спланированном. Ведь вот что сообщает о будущем советской страны еще Карл Маркс⁴² в свои юношеские годы:

«Я хочу построить себе трон
На огромной холодной горе,
Окруженной человеческим страхом,
Где царит мрачная боль...» [304, с. 451].

А нам именно в данном свете и предстает пересказ происходящих в те времена событий, изложенных Шолоховым. Но были, несомненно, в те времена и такие места, где большевики при изъятии «излишков» продовольствия действовали и еще покруче. Ведь не в каждом же уезде в те времена проживало по Шолохову, которому позволительно было обращаться за помощью к кому угодно — даже к самому товарищу Сталину.

Но, как видим, даже и такое не слишком-то и помогало. А что могло твориться здесь каких-нибудь и еще пару–тройку лет назад, когда большевики осуществляли «раскулачивание»?

---

⁴² «Его отец Гершель Маркс был сыном трирского раввина Мейра Галеви» [38, с. 311].

Вот что сообщает на данную тематику еще очередной свидетель советского геноцида русского народа В.М. Острецов, после института попавший в Сибирь по распределению:

«...осенью 1966 года прибыл на берега Оби. Здесь советскую историю увидел, минув все книжки и комментарии. Таежный поселок октябрьский (б. Кондинский) среди своих пяти тысяч жителей имел в себе: русских крестьян из Тамбовской области, Воронежской, Архангельской и, конечно, с южных районов Тюменской области и из-под Тобольска. Это были остатки оставшихся в живых “раскулаченных” русских мужиков, кого под конвоем сгоняли на пустынные берега северной Оби...» [161, 12].

Были они:

«Грамотные и подтянутые, совершенно не скрывающие своей неприязни к бесовской власти... Погибло их тьма. Всех умерших зарывали в ров. И этих ровов по всей средней Оби от Ханты-Мансийска до Салехарда, вероятно, тысячи. Здесь был зарыт цвет русской нации. Ее главная надежда и источник всех ее сил и свершений на историческом поприще. С историями о том, как все это происходило, я сталкивался каждый день, заполняя “историю болезни”...

Основная масса попала сюда в 30-е. Их гнали до Оби или везли в теплушках до Тюмени. Затем загоняли на пароход, окруженный конвоем с натасканными на людей собаками. Среди этого лая, плача детей, криков несчастных женщин, мата-перемата конвоиров, их грузили на пароход. Затем везли и высаживали на совершенно пустом берегу Оби. Без пищи, без теплой одежды, обдуваемые всеми ветрами, они поголовно умирали, но успевали поставить первые избы. Затем, на следующий год, шла новая партия с русскими крестьянами, с детьми и женщинами. И эта партия погибала поголовно, но успевала подвести избы под крышу. И только на третий или четвертый год уже следующая партия могла обосновываться в избах. Но оставались конвоиры, голод и расстрелы. Напротив нашего поселка, вдалеке в хорошую погоду можно было видеть избы заброшенной деревни. Там были арестованы и расстреляны все жители. Кажется, только последняя оставшаяся женщина бежала оттуда в поселок и потому осталась жива» [161, 12—13].

Конечно же, какой-либо с особо зашоренными большевицкой пропагандой мозгами совковец попытается и здесь возразить, мол, и Сибирь матушку надо же было кому-то осваивать. Вот-де и освоили. Пусть несколько и не совсем удачно. Но ведь, думается, хотели-то по-хорошему. Однако ж просто вышло, как всегда (добавим, исключительно у большевиков).

Но вот как выглядело это переселение в Сибирь, когда не угроблять людей требовалось миллионами, но и действительно переселять на новое место жительства:

«...в 1590 году велено было выбрать в Сольвычегодске, для отправления в Сибирь на житье, тридцать человек пашенных людей с женами и детьми и со всем имением “а у всякого человека было бы по три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани, и всякая рухлядь, а на подмогу Сольвычегодские посадские и уездные люди должны были им дать по 25 рублей на человека”, деньги громадные по тому времени» [82, с. 308].

Это что-то порядка миллиона долларов на каждый десяток переселенцев!!!

Но когда все то же самое потребовалось сделать большевикам, то кроме вооруженного автоматами конвоя, да собак, натасканных на людей, да ледяных теплушек для перевозки скота, с закрытыми колючей проволокой окнами, переселенцам не было предоставлено ничего. И все потому, что в стране победившего интернационала такое отношение было исключительно к человеку русскому — ни к какому другому.

Но места, куда отправлялись получающие по 100 000 \$ на душу русские переселенцы, в корне отличались от тех, куда русских людей большевики сгоняли под охраной собак, колючей проволоки и автоматов. У Нечволодова четко сказано, что царское правительство посылало в Сибирь *пашенных людей*.

А вот какова была именно та местность, куда под дулами автоматов они миллионами сбрасывали в глухой тайге завозимых туда в теплушках для перевозки скота русских людей:

«Берега Оби... не обработаны от моря и до реки Томь из-за сильных холодов, так что здесь не найти ни зерна, ни плодов, ни меда...» [339, с. 106].

То есть людей на верную гибель свозили туда захватившие в России власть инородцы совершенно сознательно — никакой здесь ошибки никто не сделал. Земля здесь была и есть для землепользования так же непригодна, а потому и необитаема, как Якутия или Колыма. Большевики это распрекрасно знали, а потому и везли именно сюда русских людей. И не переселять, здесь и трава необходимая для сбора меда не растет, но уничтожать.

Конечно же, тут же многие иные, да и сами виновники геноцида русского народа, попытаются возразить, что-де, мол, от сталинской политики не одни русские, но и иные народы СССР пострадали.

Вот вам ответ:

«Несмотря на то, что многие чеченцы и их семьи накопили приличный капитал за счет спекуляций, а нередко и воровства, было принято решение — деньги и ценности не отбирать: предстояло обустройство на новых местах. По агентурным данным, у некоторых чеченцев и ингушей имелось по два-три миллиона рублей (стоимость самолета или танка Т-34). В этих же условиях секретным постановлением ГКО для обеспечения переселенцев продуктами выделялось 6 тыс. тонн муки, 3 тыс. тонн крупы. В качестве ссуд спецпереселенцы должны были получить (и получили) 5 тыс. рублей на семью с рассрочкой до 7 лет. Кроме того, каждая семья получала по одной голове крупного рогатого скота... В местах предполагаемого расселения было подготовлено более 75 тыс. помещений, пригодных для жилья, в том числе 60 тыс. — за счет уплотнения местного населения [какое население уплотняли — читаемо — А.М.]. 60 процентов наделяли земельными участками. Для них было оборудовано 11 тыс. бань, мобилизовано 2 100 медиков. На 37 станциях работали пункты питания. В день на каждого переселенца полагалось по 6 рублей...» [267, с. 18–19].

А ведь на 10 миллионов русских переселенцев, что нами цитировано несколько ранее, большевиками не было выделено вообще никакого жилья, вообще никакого медицинского персонала, никаких не то что бань, но и малого намека на какую-либо хоть относительную сносность существования. Земля же и та выделялась лишь во рвах, куда трупы скидывались один на другой. А рвы тянулись на многие километры этой ледяной пустыни, отданной русскому человеку для его там скорейшего массового погребения.

Но и тем, кто избежал страшной участи быть записанными в «кулаки», не всем посчастливилось стать полноправным с инородцами гражданином СССР. Вот как начинался геноцид русского населения Северного Кавказа, продолженный коммунистами уже в Хрущевско-Брежневскую эпоху.

Из документа — жалобы русских колхозников Новосельского района ЧИАССР Советскому правительству:

«Мы сумели построить гидроэлектростанцию, мы сумели построить дом культуры в районе, а также много общественных построек, и в частности товарных ферм разных отраслей. На сегодня зацвели наши вновь посаженные сады и виноградники. В 1000 га совхозы и колхозы стали собирать богатые урожаи на этих землях, а также развели богатое животноводство всех отраслей сельского хозяйства. За эти 12 лет колхозники не получали за свой труд ни одной копейки денег... С прибытием чечен и ингушей из Казахстана, они надругаются над нашими достижениями, они смеются над нами и нашей культурой, они хотят превратить нас в своих рабов... Они применяют выживание русских из домов под разными предложениями и запугиваниями. Они объясняют тем, что приедет хозяин этого дома (не прежний владелец, а новый “хозяин” по праву “хазакки” — прим.), у него 5 сыновей, он бандит и тебя убьет, зарежет. Эти же русские семьи или продают дом и

свое хозяйство за 300 или 500 рублей и удирают, другие бросают свой дом и уезжают, куда смотрят глаза до прибытия чечено-ингушей» [268, с. 151–152].

Так что еще в те самые многими теперь лелеемые времена, именуемые сегодня «застоем», геноцид русского народа продолжился в полном соответствии ранее задуманным планам. Ведь те, кто в ту пору из чеченских в прошлом сел, после войны восстановленных и обустроенных русским человеком, так и не выехал, поплатились за это жизнью. Они стали жертвами еще в ту самую пору, когда о национальных конфликтах не принято было и говорить.

Но конфликты, не встречая от советских властей по адресу нацменьшинств никакого противодействия, но лишь поощрения, росли и ширились. Понятно дело, в чисто одностороннем порядке — чеченам позволялось все, русским — ничего. И только бросив все нажитое и бежать, сломя голову, куда только ноги унесут, оставалось единственным средством уцелеть от бандитов, стаями накидывающихся по очереди на одного за другим русских поселенцев. И конфликт этот рос и ширился, пока не были вырезаны все те русские поселяне, кто оказался вписан росчерком большевистского пера в состав так называемой Чечено-ингушской ССР. Причем, в том числе и те, кто проживал на исконно русских землях по левую сторону не только Сунжи, но и Терека. И все по тому же сценарию: чечены приходили и вырезали русские семьи, захватывая дома. И им за это ничего не было — власти молчали. Если же русские оказывали посильное сопротивление, то их тут же сажали в тюрьму. Последствия зловеще тлеющего этого противостояния сегодня известны. И чеченская война в этом столько лет длящемся конфликте не явилась исключением — нам и на ней все также продолжали стрелять в спину со стороны собственных властей.

Потому зона действия этого так и не разрешенного противостояния, похоже, специально заранее спланированного, перенесена на сегодня уже в саму Москву, где под защитой властей становится и чеченская мафия, которой оказались открыты все пути для успешного продолжения когда-то начатого завоевания России.

Но все это, к сожалению, не новость. Русский народ вовсе не сегодня начали убивать, подорвав генофонд его еще во времена раскулачивания.

Однако ж и высылкой в Сибирь с последующим уничтожением голодом и холодом миллионов русских людей программа геноцида большевиками была еще не выполнена. В тридцатые годы в целях ужесточения программы по убийству русского населения России большевиками был введен и еще очередной людоедский закон:

«Главной заботой лета 1933 года была охрана урожая. Партия поставила задачу: сохранить каждое зернышко... не от грызунов, — от людей. На полях сооружались дозорные вышки. Конные разъезды устраивали засады. Страшный закон от 7 августа, грозивший расстрелом, не зря был прозван в народе “законом о колосках”. Даже с собственного поля колхозник не имел права унести ни одного зернышка» [130, с. 525].

И автором этого людоедского проекта, что для нас осталось за кадром, является на сегодняшний день расплывчатый всеми цветами радуги главный конкурент Сталина в борьбе за власть:

«6 августа 1932 года в “Правде” была напечатана речь Кирова на совещании руководителей Ленинградской области. Киров писал: “Наша карательная политика очень либеральна... Мне кажется, что в этом отношении колхозные и кооперативные организации пора приравнять к государственным, и если человек уличен в воровстве колхозного или кооперативного добра, так его надо судить вплоть до высшей меры наказания”. Мнение было учтено: приняли Закон от 7 августа 1932 года “Об охране общественной собственности”, по которому крестьянин, поднявший несколько колосков, приговаривался к смертной казни. Под этот закон подводили многодетных матерей, не знавших, как и чем накормить своих голодных детей» [73, с. 161].

«Только на Украине на пике голода (весна и лето 1933 года) погибло от голода **более 25 000** человек *ежедневно*» [178, с. 187].

Так что у большевиков была полная аналогия и со своими последователями, то есть с высочайшей, по последнему слову «науки» отлаженной техникой массовых убийств, то есть с «производительностью» «передового» в этой области в техническом оснащении Освенцима, и со своими предшественниками — комиссарами Петра, с отнюдь не меньшей кровожадностью *наблюдавшими* «за добрым порядком».

И им, следует все же признать, истреблять население России, в ту пору еще пыточно-палаческих дел некоторой от наших дней «производственной отсталости», было куда как тяжелей:

«Условия были те же, что и потом — и народ разбегался. Охранять его в то время было значительно трудней и хлопотнее — тогда еще не было налажено массовое производство колючей проволоки, да и мушкетные ружья явно проигрывали автоматам» [73, с. 151].

В том-то и состоит вся пресловутая «гениальность» этого самого «Петра творенья», что его «преобразования» живых людей в покойников достигались даже при отсутствии автоматов и требуемых для его «потех» миллионов тонн колючей проволоки. Как он умудрялся еще тогда, в век явного отставания от нынешних современных средств для убийства людей, достигать таких умопомрачительных результатов?

Тут уж, несомненно, многое узурпировавшими власть в России большевиками было позаимствовано у Петра: он был очень большим специалистом как по изобретению предлогов для этих массовых убийств, так и не менее того поднаторевшим в самом их исполнении. При очередном запланированном им позорном бегстве, например, с территории нынешней Украины, Петр придумал новую стратегию ведения войны: устроить выжженную пустыню уже теперь не в захваченных им землях, но в своих собственных. Для претворения в жизнь этого своего очередного людоедского замысла он повелевает:

«...жечь запасы провианта, лишать противника возможности питаться за счет населения... “того для ежели неприятель похочет обошед войска впасть внутрь, тогда сам не рад будет...”» [16, с. 18].

Как Петр понимал это самое *неприятелем свои многочисленные войска «обошед»* — нами уже разобрано. Это будет так называемое «здоровое отступление». А чтобы устроить врагу поход по выжженной земле, Петр придумал на это дело свое как всегда «гениальное» новшество: свою землю, оставляемую врагу, на всякий случай, *выжечь дотла самому!*

И выжгет. По словам француза Моро-де-Бразе:

«...его царское величество остановился и укреплялся, предав огню собственную землю, дабы отнять у неприятеля способы к пропитанию» [371, с. 371].

И вот как эта варварская акция по отношению к собственному населению производилась:

«...свыше 70 000 солдат разделились на множество групп, уничтожавших все...» [53, с. 52].

Они:

«зажигали все деревни и истребляли все запасы. Король [Карл XII — А.М.] повелел стараться тушить огонь» [357, с. 37].

Но если кто-то думает, что Петр уничтожил только то русское население, которое в то время входило в состав все же не его государства, то в том сильно заблуждается. Там где он устраивал Карлу выжженную землю:

«Совсем рядом находился Смоленск, от которого до Москвы оставалось всего 400 километров» [53, с. 53].

Теперь полицейско-палаческому войску царя-антихриста:

«...предстояло опустошать не территорию союзника, а свою землю» [53, с. 53].

Птенчики, судя по всему, проявили некоторое колебание — у кого-то могли жить здесь и родственники... Но «дивный гений» оставался непреклонен:

«Петр, вернувшийся к армии 20 июля, не колеблясь подтвердил приказ: жечь без всякой жалости...» [53, с. 53–54].

Уж такого точно — в аналогах нет. Даже граф Дракула и то, прежде чем пустить кровь очередной своей жертве, для порядку все же сначала задавал вопросы всякие мудреные. И уж ежели не ответит — значит не судьба...

Но если быть до конца точным, то некоторое подобие заимствования можно встретить и в указах Ленина. Но он, жалко пытаясь только приблизиться к копированию политики Петра, приказал у оставляемого врагу населения (русского, естественно) отбирать коней, тем обрекая его в будущем на голодную смерть.

А здесь даже не отбирать все под ноль, но жечь! Причем, теперь уже не чужую, но свою собственную территорию! Выполнения подобной карательной меры даже его драконовских мер наследник как-то не осмелился, показав полную несостоятельность в копировании звериных повадок своего «славных дел» великого предшественника. Но следует все ж признать, что он изобрел и еще более изощренную методу уничтожения мирного населения — палаческая наука тоже на месте не стоит — прогресс несомненен. А назвал он свое детище по-марксистски заковыристо: *классовой борьбой*. И тут уж счет пошел на миллионы...

Но и голоду с холодом он такого тогда напустил, что вымереть народу должно было куда как много более погибшего в те страшные годы лихолетья:

«Вообще, тяжелые лишения тогда переносились все же легче, чем можно было ожидать. Помню, как профессор Шилов, с которым я разговаривал на эту тему, кажется, в 1919 году, говорил мне, что, “согласно научным данным”, почти все население Советской России должно было уже вымереть» [137, с. 201].

Так что обвинять «доброе» дедушку Ленина в *ненаучности* подхода к этому столь злободневному вопросу совершенно излишне. Действовал он как раз-то полностью *по науке*. Но не все, *к счастью*, в теории его людоедской «науки» до конца совпадало с практикой исполнения. А потому переморить *всех* ему тогда к нашему превеликому счастью, а к его удручительнейшему преогромнейшему на то сожалению так-таки и не удалось. А все почему?

«Русский человек добёр!», «русский человек рохля, тютя...» — вот что *единственное* этого самого *человека* тогда и спасло (Тютя — это палач Кондрашка Тютюн, презираемый Лениным за просто-таки непростительное для ката милосердие).

А вот как выглядели результаты той гражданской войны, которую вел Петр против русского населения России:

«В июле 1718 года фельдмаршал Шереметев писал из Москвы Макарову: “...все пусто, только воров множится, и безпрестанно казнят”⁴³» [124, с. 495].

Как удивительно схожи эти сведения об июле 1718-го с подобным же результатом от реформ большевиков все в том же злосчастном июле, но уже 1918-го!

Но и в петровские времена, как затем и во времена мятежа кронштадтских матросов, все та же человечность не позволила сатрапам «преобразователя»-супостата добить ограбленных непосильными поборами людей выгнанных им из своих жилищ на улицы. В ноябре 1717 года:

«...выставлены были указы по всем воротам кремлевским, китайским и белгородским и во всех рядах, чтоб нищие не бродили по улицам... Для поимки и приводу таких нищих посланы были патриаршего дома дворяне и богаделенные солдаты по всем улицам, и ежедневно приводили нищих, которых наказывали и подвергали «жестоким истязаниям», чтоб по миру отнюдь не ходили... Но дворяне и солдаты,

---

⁴³ ЦГАДА ф.9, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 38, л. 83.

приводившие нищих, записывали изветы, что у них нищих по всем улицам отбивают и их самих бьют...»⁴⁴» [124, с. 495].

Такова была форма борьбы против петровского полицейского воинства, опутавшего к ноябрю 17-го цепкими путами всю страну.

Так что предшественников большевиков, как теперь выясняется, по всем улицам Москвы, что тогда выглядело совершенно естественным (русский человек это делал, сильно притом рискуя, исключительно из сострадания к ближнему), в кровь лупили дубинами! И лупили, судя по всему, достаточно серьезно. А потому данная форма протеста и спасла тогда русского человека от окончательного уничтожения петровскими комиссарами, наблюдающими за этим самым пресловутым «добрым порядком». И понятно, почему наша нация не была выкошена под ноль, что, судя по всему, и планировалось Петром еще в его «славных дел» самом зачатии: лишь русский является на этой земле единственным образцом из многих здесь проживающих гомо сапиенс, к которому единственному следует относить термин — человек. И если б, на свою беду, что затем (отдадим ей все-таки должное) пробовала исправить Екатерина, высадив в Поволжье первый такой десант (поволжские немцы), этот человек превратился бы в *почтенного бюргера*, то на месте России давно располагалась бы уже не многолюдная и богатая страна, а выжженная чрезвычайками и комбедами обезлюженная и обезкровленная пустыня. Но это наше врожденное «рохля» и «тютя» такому произойти так и не позволили, указав на то, какой человек среди всего человечества наиболее *человечен*.

Такова причина неудачности оказанной нам неслыханной «доброты» от исполняемого комиссарами «добротного порядка», который был внедрен прославленными в веках «великими»: Лениным, Петром и Екатериной.

А вот теперь мы узнаем, как с сиротами и жертвами стихии поступали монархи, которых революционеры-ленинцы одного, позволяющего своим крепостным зарабатывать за летнюю навигацию сумму денег, эквивалентную стоимости иномарки, звали «Палкиным», а другого, за свое царствование не подписавшего ни одного смертного приговора, нарекли «Кровавым».

«Что же такое Самодержавная Монархия и как ее отличить от ее всегубительной подделки?» [143, с. 1].

Очень просто — по отношению правителя к доверенному ему народу: если он соблюдает те законы, которые ведут к увеличению населения его страны, то этот правитель является настоящим хозяином. А когда возникает вопрос об удержании власти, то он скорее готов сам стать жертвой неблагодарного народа, нежели отдать в жертву своему благополучию свой народ. И именно в качестве эталона правителя здесь следует подразумевать последнего нашего царя:

«Вспомним... Государя Николая Александровича, на предложение террором власти остановить разраставшееся отступление /двадцать тысяч виселиц на Невском, и о революции в России пятьдесят лет не будет и слуху/ ответившего отказом» [143, с. 2].

И ему легче было в жертву отдать самого себя и даже свою семью, чем реками крови попытаться остановить предательства, которые в ту пору перекрыли уже все возможные и даже невозможные нормы.

Так вот: в Японскую войну 1904–1905 годов население России ежегодно продолжало увеличиваться на три с половиной миллиона! Причем увеличиваться именно за счет русских, чего ни до него, ни после и в мирное время никогда не бывало!

За все же правление этого царя население его страны увеличилось на сорок процентов!!!

---

⁴⁴ Кабинет II, кн. № 89 (ЦГАДА, ф.371, Преображенский приказ, д.710, 1104).

Трехголовое чудовище Ленин-Сталин-Троцкий истребило, по разным оценкам, от 80 до 144 млн. русских людей. На самом же деле, пользуясь прогнозами Менделеева, к середине XX в. мы не досчитались и всех 300 млн. человек.

Петр свое правление обозначил:

«...уменьшением численности населения едва ли не на треть...» [14 с. 168].

Если применить эти страшные цифры к Царской России и СССР, то данная людоедская политика «Льва» обязана была оставить от нашей многонациональной страны где-то к началу ВОВ что-то порядка 90 млн. пока остающихся в живых человек!

Но это по самым что ни есть скромным меркам. Ведь если принять чуть ранее приводимые 50% потерь от петровской революции, то при замене Ленина Петром от нашей страны оставалось бы не более 70 млн. полуживых человек.

Это подведенные в цифрах итоги. Вот по каким показателям следует делать выводы: на них и ориентироваться при попытке осмысления того или иного периода русской истории.

А то все про какое-то там *строили, ковали, учились* чему-то там такому особенному. Но главное-то не в том, что учились вообще, а в том, чему учились и от кого это учение воспринимали.

Но почему же население нашей страны, на глазах у всех еще недавно люто уничтожаемое десятками миллионов, не потрясает сегодня кулаками и не клянет эту страшную безбожную власть?

Странно, но факт. Подавляющее большинство стариков, еще только вчера на какую-либо невзначай брошенную вольную фразу в адрес советской власти, затыкающие тебе рот в ужасе: «Тише! Тише!», — сегодня буквально с пеной у рта отстаивают совершенно противоположное: «А при демократах что творится?!»

Странно как-то и слышать такое. Неужели до сих пор так им и не ясно, что власть масонов в нашей стране никуда не исчезла?

Потому секретарь обкома садится не в тюрьму, где самое место преступникам, наследующим власть узурпаторов, уничтоживших сотни миллионов людей, а в президентское кресло. Ведь только слепой способен не заметить этот случившийся реверанс, а потому с пеной у рта будет продолжать доказывать, что селедка при большевиках была на целых 32 копейки подешевле, чем при нынешних вражинах — демократах. Да, будет долго обсуждать свое бедственное положение пенсионера при нынешнем режиме. Вот только не вспомнит куда как еще более бедственного положения своих собственных родителей, чья пенсия была так и вообще насмешкой. Потому им приходилось из своих последних крох выделять средства еще и своим родителям, без их помощи вряд ли имеющих возможность свести концы с концами.

Однако ж и разговорчики все эти в данную кухонную говорильню воплощаются вновь — из масонской суфлерской будки.

«В “Разговоре для масонов” Лессинга (1777 год), программном пропагандистском документе Ордена вольных каменщиков, Эрнст перечисляет известные всей Европе благотворительные дела ордена: здесь и воспитательные дома для бедных, и предоставление бедным девушкам работы, обучение “бедных способных мальчиков рисованию”, и лечебницы. На это масон Франк с пренебрежением замечает: “суть все те добрые дела... которые бросаются в глаза народу, — только дела, которые они совершают единственно ради того, чтобы они бросались в глаза народу”. Как бы то ни было, социализм берет свое начало отсюда» [161, с. 75].

Потому ребенку, невзначай в 60-е годы что-либо ляпнувшему наперекор социалистическому режиму, в некой «самой счастливой стране», тут же в страхе и оглядываясь по сторонам, родители, прекрасно понимавшие, чем такое высказывание может закончиться, и явно закончилось бы еще с десятков лет назад, в страхе затыкают рот: «Тише!!!»

А ведь и действительно, еще с десятков-другой лет назад даже не за ляпнутое в разговоре необдуманное словцо, но за обыкновенный срыв звонка будильника вот что человеку грозило:

«...за опоздание на работу более чем на 20 минут — увольнение или уголовное дело (до 6 месяцев принудительных работ)» [303, с. 156].

И это все притом, как сообщают старожилы, что работали в ту пору в деревне, например, от зари и до зари, не получая при этом вообще никакой оплаты за произведенный труд. Оттого многие стремились устроиться на работу в город. Одна из старожил из деревни Полтево, например, сообщила о том, что после войны ей приходилось каждый день ездить на работу на завод «Серп и молот». И здесь следует исчислять время на поездку от станции «Купавна» до остановки «Серп и молот» часами. Ведь только от ст. «Черное» до ст. «Железнодорожная» поезд в те времена шел порядка 20 минут. А ведь требовалось еще до самой ст. «Купавна» через лес идти 5 км пешком. И такое каждый день. И если на 20 минут опоздаешь (или опоздает поезд), то можешь попасть на полгода в тюрьму...

Реки вспять

Вот что о великой русской артерии Волге сообщается в «Путеводителе»:

«Из древних Геродот первый сообщил некоторые известия о Волге, под именем Ра... В средние века классическое имя Волги было забыто; явилось новое, Итиль, Атель... Под именем Итиль, Идиль она сохраняет и ныне свое название у всех народов Азии» [32, с. 60].

«Ни в одном краю в России, кроме немногих исключений, нет стольких богатых и прекрасных деревень, как на этой реке. Во многих селах находится по несколько тысяч жителей, по несколько церквей и прекрасных каменных зданий; они во всех отношениях гораздо важнее некоторых городов в провинциях России» [32, с. 65].

«На всем земном шаре едва ли какая река может сравниться с Волгою в изобилии и качестве рыб; ловля их есть неисчерпаемый источник огромных богатств, приводит в обращение значительные капиталы и занимает тысячи рук; в особенности от Симбирска рыбные ловли становятся важными, и отданные на откуп, доставляют казне ежегодно до 700 000 р. В Волге водятся огромные белуги, даже трехсаженной величины, осетры в 20 и даже в 25 пудов весом; севрюги, стерляди, сазаны... Шобер рассказывает, что в его время (1721 г.) в Астрахани целая телега рыбы не самой крупной, именно шук, лещей, окуней, стоила только грош!.. Лет за 70, при покупке из первых рук и в значительном количестве, платили за одну большую белугу 170 к., за осетра 90, за севрюгу 30 к.; фунт икры стоил не более 5 или 6 к.

По Волге привозятся металлы из Сибири и Уральских гор; добыча астраханской рыбной ловли; богатые транспорты хлеба из плодороднейших губерний России; неистощимые дары степных соленых озер и солончак по Каме и Костроме; необъятное количество леса в различных видах, меха, сало, хлебное вино и множество других предметов. Это удивительное торговое сообщение с одной стороны продолжается через Каспийское море в Персию; с другой распространяет ошутительное влияние на многие обширные торговые города Европы, и даже в Америку. Главные пункты на нем: *Астрахань* для Персии, *Дубовка* для Азовского и Черного морей; *Симбирск*, *Саратов*, *Казань*, *Лысково*, *Рыбинск*, *Тверь* для Балтийского моря, и *Нижний Новгород* для всемирной торговли.

Вообще волжское судоходство представляет торговый оборот свыше 220 000 000 руб. На всем течении ее находится ежегодно в движении до 15 000 разных судов, 300 плотов, и 260 000 человек рабочих» [32, с. 69–71].

Да, неисчислимо полезное значение наша гигантская волжская акватория имеет лишь исключительно *для внутренней торговли!*

Петр же вскрыл вены этой нашей родной русской артерии, и все наши богатства потекли с тех пор лишь в одну сторону — на вывоз...

Так вот чем хорош для нас и сложен для иноземцев был этот самый нами с давних пор облюбованный трансрусский путь «из варяг в греки»:

«Волхов, по чрезвычайно тихому течению и по малости падения или склонения, Г. Штукенберг называет большим естественным каналом, соединяющим два огромные озера, *Ильмень* и *Ладожское*, и проводящим в Балтийское море целую систему рек... пороги в древности мешали датчанам, норвежцам и шведам плыть вверх рекою до Новгорода, и заставляли их останавливаться в Ладогге» [32, с. 378].

То есть, в отличие от изобретенной Петром искусственной корабельной пристани на гнилых болотах, Господин Великий Новгород являл собою защищенную со всех сторон, выгодную лишь ему одному точку на планете, где можно было охранять свои торговые пути вполне естественными условиями, созданными самой природою.

А потому он и был столь велик и многолюден. Ведь Новгород не только являл собою перекрестье всех торговых путей со всех стран света и от практически всех морей мира, но и сам являлся центром этого перекрестья. И этот город, мало чем уступающий своей площадью даже Москве, сам потреблял все то, что шло в него со всех концов земли. И не через него транзитом уходил наш хлебушек на Запад, но, наоборот, с большими таможенными скидками очень охотно принимался у нас в Новгороде, которому не хватало не только своего собственного хлеба, но и ввозимого из центральных земель Руси:

«...приезжие купцы, боясь порогов Невских и Волховских, обыкновенно перегруживали товары в легкие лодки, внося в казну с каждого судна *гривну кун*, а с нагруженного хлебом — полгривны» [32, с. 590].

И теперь становится вполне понятно столь приоритетное отношение к посылаемой в Новгород данного рода продукции. Ведь не только доставка его из внутренних районов России обходилась много дороже, нежели из немецких земель, но и себестоимость выращивания хлеба в теплых германских землях всегда была много ниже, нежели в районе Ильмень-озера. Мало того, мы никогда не являлись сельскохозяйственной страной. Это и доказывает именно на хлеб уменьшаемая пошлина. То есть путь «из варяг в греки» работал исключительно на импортирование нами с Запада сырья, а уж никак не наоборот!

Петр действительно заставил течь реки вспять. Вот, например, как был оборудован Ладожский обводной канал:

«Начало канала при Новой Ладогге на несколько футов выше, нежели конец при Шлиссельбурге, почему течение воды в нем весьма приметно бывает...» [413, с. 89].

То есть и эта уже рукотворная река была сконструирована исключительно на вывоз из страны всего ее достояния. А потому достояние богатейшей в мире державы потекло через разверзнутое жерло портов изобретенного Петром безбожного города-вора.

Почему и стали без нужды в этом городе ежегодно разбиваемые на дрова по несколько десятков тысяч прекрасных речных судов! И это не только безвозвратно постоянно нами утрачиваемые строевые леса. Это паруса, канаты, и самое, пожалуй, главное — выкинутый за ненадобностью огромный труд, который был затрачен самым мастеровым народом на планете. Мало того, через вскрытую Петром нашу артерию для подпитки Запада безвозвратно на этих судах вывозилось два с половиной миллиона тонн груза!

А так как суда выкидывались за ненадобностью, то становится совершенно ясным, что взамен вывозимого от нас нашего достояния *обратно не ввозилось ничего!*

Однако же рассказано еще не обо всех проблемах, возникших у русского купечества, дабы выполнить эту удивительно бездарную блажь «реформатора» по взгромождению

центрального порта огромной страны в самой гуще комариных болот. Ведь необычайно возросшая цена на жилье и пропитание складывалась из условий жизни, которые в этой гиблой местности были просто невозможными. Вот что о них сообщает, например, голландский резидент. Ведь и проблемы заграницы в этом вопросе тоже следует понять. Им куда как проще было бы обирать нас через Москву или Архангельск:

«Голландский резидент жаловался, что в Петербурге за деревянный дом... надобно платить 800, 900 или 1000 флоринов, тогда как в Москве или Архангельске иностранный купец может жить за 200 флоринов в год; говядина в Петербурге — 5, 6 и 8 копеек за фунт, и дурного качества» [124, с. 451].

То есть мясо в Петербурге имело цену, эквивалентную икре в Астрахани!

И как цена жилья, так и пропитания в этой местности были вчетверо выше аналогичного в Архангельске, а расходы по перевозке грузов к морскому порту, при замене Петербургом портов Беломорья, стали превышать: при транспортировке товаров из Москвы — втрое, из Ярославля — вчетверо, а из Вологды — впятеро [16, с. 434].

И если прибавить ко впятеро возросшей себестоимости вывозимой на экспорт продукции из Вологды еще и вчетверо возросшую цену на проживание доставляющих сюда товары купцов, да если присовокупить сюда еще и предложение, в несколько раз превышающие здесь спрос, то обрисованная картина у этого «окна» представится более чем безрадостная. Ведь себестоимость русских товаров, заполняющих трюмы иностранных кораблей в Петербурге, благодаря неслыханно возросшим затратам на доставку, должна была уподобить нашего местного производителя туземцу в заморских колониальных владениях прибывающих сюда англичан или голландцев.

Потому Петру I пришлось даже вводить особые законы на запрещение торговли основными товарами России через Архангельск: коноплей, льном и кожами.

Так Петром был подорван главный источник доходов нашего государства — торговля.

А вот как ему удалось своими новоизобретениями на грань истребления поставить и нашу ткацкую промышленность:

«...указы Петра писаны без учета реальности, и исполнение большей части этих указов попросту вредно.

Примеры? Пожалуйста!

...Петр особым указом велел изменить ширину ткацких станков. Дело в том, что основную массу холстов выделывали тогда кустарным способом, поставив ткацкий станок в крестьянской или посадской избе. Станок был узким, потому что тесной и многолюдной была сама изба.

...Для ткацких же мануфактур под Холмогорами указ оказался губительным, потому что широких станков, принятых в европейских мануфактурах, тут попросту не было. А если даже и ввезли бы из-за границы (в чем не было ни малейшей необходимости), ставить такие станки было негде» [14, с. 55–56].

Заграницей, которую и здесь столь прилежно старался копировать Петр, труд был рабским: средства производства имел лишь работодатель. У нас же каждая ткачиха имела свой станок:

«Холмогорские ткацкие предприятия работали по принципу “рассеянной мануфактуры” — работницам выдавали сырье, платили, и они вырабатывали продукцию дома, а потом сдавали ее купцу» [14, с. 56].

Петр хотел сломать такую практику чисто силовыми методами и узаконить рабский труд, принятый в то время заграницей. Вот какими работницами, например, были заполнены устроенные иностранцами фабрики Москвы. Мрачная картина этого очередного устроенного Петром концлагеря четко прорисовывается из описания посещения одной из них Берхгольцем в его дневнике от 13 февраля 1722 года:

«...Тампсен повел нас сперва в женское отделение, где работают девушки, отданные в прядильню в наказание лет на 10 и более, а некоторые и навсегда; между ними были несколько с вырванными ноздрями» [316, с. 334].

Понятно дело, такого рода предприятия в России могли существовать лишь при Петре. Потому о наличии их в Москве после его смерти упоминаний уже не имеется.

Но и в Холмогорах, где попытались привить свободным крестьянам рабский труд на построенных иностранцами фабриках, петровские нововведения прекратили свое существование вместе со смертью «преобразователя».

После его кончины не только московские и все где-либо подобного же плана иные, но и:

«...северные ткацкие мануфактуры пришли в совершеннейший упадок» [14, с. 56].

И здесь следует радоваться лишь тому, что и в данном случае начатое им дело по превращению Росси в застенок так до конца и не было доведено. И все потому, что не хватило ему на тот момент усовершенствований уже наших времен — колючей проволоки и натасканных на людей псов, прожекторов на вышках и автоматов. А самое-то главное — не хватило численности его жандармских военных формирований:

«...ткацких станков в Московии было сотни тысяч, и чтобы их всех поломать, потребовалось бы, чтобы вся армия и весь чиновничий аппарат не занимались бы ничем другим. К счастью у Петра были и другие занятия» (там же).

А занятий было много. Он, например, не переставая, строчил многочисленные указы:

«...известны тексты Петра, которые невозможно прочитать — они написаны во время езды, когда возок бросало из стороны в сторону и на бумаге возникали странного вида черты, отдельные невнятные значки. Что характерно — Петр никогда не пытался восстановить эти тексты, то есть вовсе не пытался воспользоваться плодами собственной работы.

И приходится прийти к выводу столь же грустному, сколь и неизбежному: все это писание указов, в том числе и в дороге, — вовсе не есть деятельность государственного человека. Это лишь имитация такой деятельности. Своего рода судороги человека, который органически не может остановиться, прервать вечного бега в никуда, движения, совершаемого ни за чем» [14, с. 59–60].

Вот еще пример полной безтолковости очередного его указа, одного из 20 тысяч, им написанных. Здесь его попугайничание за границе просто в одночасье истребило весь наш северный флот:

«...как-то, побывав на русском Севере, Петр усмотрел “старомодные” корабли и строжайшим указом повелел строить новые исключительно на “голландский” манер...» [15, с. 382].

То есть единовременно в кратчайший срок:

«...поломать все “неправильные” корабли и построить на их место “правильные”» [14, с. 56].

Для возможных ослушников он тут же пишет и строжайшую реляцию, где шутить со своим решением, объявляющим о разрушении русского северного флота, не советует никому:

«...а буде кто станет делать после сего указа... тех с наказанием сослать в каторгу, и суда их изрубить» [75, с. 35].

И понятно, что после этой угрозы:

«...перечить Петру никто не осмелился — и гораздо более подходящие для плавания в Ледовитом океане корабли стали ломать» [15, с. 382].

Так мы были лишены и всякой возможности сообщения с Западом через свои северные порты. И лишь по этой причине Петербург получил некоторую оттяжку времени, чтобы все же успеть сманить на свои гнилые склады русских купцов, теперь вообще потерявших всякую возможность сбыта своего невостребованного товара. Потому этой гнилой петровской затее все же удалось продержаться до того момента, когда на время оставленная без наших товаров Европа все же рискнула воспользоваться проковырянным Петром этим пресловутым «окном» в очень неудобном для нее порту, где западный ветер мог заточить их суда чуть ли ни на целую навигацию.

И только уже после введения всех вышеперечисленных мер искусственное мертворожденное детище, некое такое «Петра творенье», смогло снискать себе право на дальнейшее существование.

А ведь по тем временам наш грузооборот через Архангельск по одному только вывозу льна, не считая многих иных видов нашей отечественной продукции, пользующейся необыкновенным спросом за рубежом, своим объемом как минимум в четыре раза превосходил весь объем торговли Запада с Востоком, проходивший через Италию [126, с. 321]! Через свои ледяные порты мы имели грузооборот в десяток раз более оживленный, нежели вся Европа в теплых лазурных водах Средиземноморья!

«...огромная торговля шла русскими товарами через Архангельск — в 1653 сумма вывоза через порт города за рубеж составляла свыше 17 млн. руб. золотом» [92, с. 459].

Сумма названа в ценах дореволюционной России XX в. Но это всего лишь часть той бойкой торговли, которая велась в ту пору, когда берега Балтики, что самое смешное, принадлежали «врагу». То есть Швеции. Ведь:

«...часть товаров, идущих через Восточное море [Балтику — А.М.], особенно желтая медь, красная медь, железо и сталь привозится самими русскими прямо в Россию на своих ладьях из Швеции через Ладожское озеро, на котором царь владеет еще приблизительно третьей частью берега...» [204, с. 122].

То есть доставляется контрабандой. Нашей, причем, отечественной. На отечественных же плавсредствах!

А поди ты поймай этих контрабандистов. Ведь уйдут они в море еще ранней весной, то есть в конце апреля, когда вскрывается лед в Онежском и Ладожском озерах и водные массы сами несут суда в Балтику. К тому же помогает добраться в Швецию именно в это время года и дующий практически во все стороны света ветер. А когда к июню он устоится, то есть станет восточным—северо-восточным, каким он и бывает летом в наших широтах, можно и домой возвращаться.

В Швеции наших удальцов встретят исключительно с распростертыми объятиями: именно мы им всегда требовались для торговли, а не они нам. К тому же можно провезти практически любой запрещенный к вывозу или облагаемый огромной пошлиной товар (например, черную икру или семгу [кстати, возможно это и является причиной столь казалось бы странной нерентабельности предприятия по ее продаже иноземными откупщиками, приобретшими у Алексея Михайловича привилегию на ее ловлю и продажу]), что для любящего пфенюжку человека запада — просто Клондайк (об антирусской политике первых Романовых см.: [232]).

Так что распродадут свой товар в «корабельной стране» Швеции наши мореходы достаточно легко и с большим наваром.

На обратном же пути следования никакой особой пристани нашим лихим ушкуйникам вовсе не потребуется — товары можно сгружать практически в любом заранее избранном месте: хоть на берегу третьей части нам принадлежащей Ладоги, хоть на берегах Свири, хоть на берегах Онежского озера или его многочисленных притоков. А можно и не перегружать вообще нигде. Ведь главное пересечь границу, а там поди еще докажи, что везешь ты через Тихвинскую систему сообщения (или систему водных сообщений Белоозера — будущую Мариинскую) для собственного басурмана царедворца моднючие настенные часики с мудреным боем не из разрешенного для торговли Архангельска, а из запретной по ту пору враждебной Швеции.

Причем, если обнаружится, что какой-то импортный товар в Архангельск завезен по каким-то причинам не был:

«...то Восточное море тотчас служит их прибежищем...» [204, с. 148].

То есть они тут же доставляются в Россию контрабандой — только-то и всего.

Все это, несмотря на просто титанические усилия предшествующих Петру Романовых, так-таки и не позволяло накинуть на русского человека смирительную рубашку, подменив

русских предпринимателей иностранцами. Хотя все вроде бы для того законы чисто формально были и соблюдены:

«Гости — царские комерц-советники и факторы неограниченно управляют торговлей во всем государстве... а так как однако они не в состоянии одни одолеть так далеко рассеянной торговли, то назначают во всех больших городах одного, двух или трех из живущих там знатнейших купцов, которых под видом царских факторов заставляют пользоваться, хотя не именем, но привилегиями гостей... Они безпрестанно думают о том, чтобы совсем и совершенно притеснить торговлю на Восточном море и нигде не позволить никакой свободной торговли, чтобы они могли тем лучше разыгрывать хозяина и набивать свои собственные карманы» [204, с. 164].

Потому Петру, чтобы воплотить эту еще при первых Романовых лелеемую идею, требовалось на невских берегах вовсе не прорубание этого всю плешь нам проевшего пресловутого «окна в Европу». Но, наоборот, в первую очередь, крепко-накрепко прикрыть не облагаемую его налоговыми ведомствами контрабанду, упорно ведущуюся **русским торговым флотом**... А для того: и Неву наглухо крепостями запечатать, и **флот** этот **русский** — под каким-нибудь благовидным предлогом, например, его модернизации, уничтожить!!!

Самое же здесь, пожалуй, смешное: уничтожить тот самый флот, которого у нас якобы, до сей минуты, не было в наличии. И которым нас якобы и одарил «корабельщик» и «флотоводец» — «Великий Шхипер» — Петр.

А ведь от того и потребовалось «воевать» ему именно эти дикие заболоченные берега, а не более удобные для торговли — Ревель или Ригу. Ведь «Преобразователю» требовалось не одарить нас флотом и пристанью, как теперь считается, но, наоборот, отобрать у русского человека: как корабельную пристань, так и сам флот.

Что он, весьма благополучно, и преуспел в своих «деяниях».

Но страна по тем временам была еще слишком богата. И ему в ту пору ох как еще и было — что обкладывать налогами:

«Россия, — писал в самом начале XVII в. француз Маржерет, — весьма богатая страна, так как из нее совсем не вывозят денег, но они ввозятся туда ежегодно в большом количестве, так как все расчеты они производят товарами, которые имеют во множестве...» [92, с. 459].

В допетровской Руси все стоило копейки: поросенок 5–6, курица — 3, парочка молодых кур в мае — 2, заяц — 3–4, рябчик — 1, пуд вяленого шпика — 40, 15 яиц (в июле в Твери) — 1 копейку, 100 раков — 3, 130 огурцов — 1, 10 кружек пива — 1 [204, с. 176–178].

Понятно дело, при торговле оптом цены были и еще много ниже.

Но имелся ли у нас под стать солидному качеству и количеству товаров соответственного образца торговый и рыболовецкий флот? Может быть, выше указанные Кильбургером русские суда, ежегодно отправлявшиеся для торговли в Швецию, представляли собой лишь невразумительные суденышки — что-то вроде затем в этих же водах столь прославившихся в веках петровских плоскодонных джонок типа «а-ля Стенька Разин»?

Корабли, что выясняется, в допетровской России не просто имелись. Но в совокупности представляли собою нигде в мире не встречаемую своими размерами и технической усовершенствованностью флотилию, буквально, *всех времен и народов*.

По Волге, например, у нас ходили бусы, величиною своею и благоустроенностью не имеющие аналогов за рубежом:

«...бус был огромным судном с водоизмещением до 2 000 тонн... Для сравнения — ни одна из каравелл, на которых Колумб доплыл до Америки, не имела водоизмещения больше 270 тонн» [14, с. 56–57].

То есть наши всего-то еще речные суда были размерами своими в восемь раз больше их судов океанских!

Но ведь даже рыболовецкая шхуна поморов на фоне этих фелюг культуртрегеров выглядит более чем солидно. Наши северные моря бороздила:

«...поморская лодия, водоизмещением до 500 тонн» [14, с. 57].

То есть завоеватели Америки каравеллами, куда запихивали толпы вооруженных до зубов конкистадоров, называли, как получается, лишь утлые лодчонки, вдвое меньшие кораблей нашей даже чисто рыболовецкой флотилии (и контрабандной, между прочим)!

Однако, может быть, сотню-другую лет после открытия Америки суда европейцев все же несколько подросли в своих размерах?

Но и это не так. Для торговли хлебом голландцы, например, что следует из отчета Альберта Бурха и Иогана фан Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг., собирались выстроить:

«...160 кораблей вместимостью в 120 ластов⁴⁵, чтобы перевозить оттуда [из России — А.М.] хлеб...» [437, ССХХVIII].

То есть для серьезной перевозки грузов самая мореплавательная страна Запада выставляла, в сравнении хотя бы в тех же широтах бороздящих просторы океана поморских лодей и кочей, самые настоящие фелюги, более чем вдвое меньшие их своим водоизмещением: 240 тонн против наших 500. А уж гигантские бусы, также, между прочим, уничтоженные Петром, в сравнении с ними просто исполины!

Вот, по свидетельству Перри, каковы были они:

«...некоторые из этих судов были даже до 1 000 тонн, и служили ему [Строгонову — А.М.] для перевозки по реке Волге ржи, соли, рыбы...» [329, 52].

Однако ж десятилетием ранее Перри на наших реках побывал другой иностранец — голштинiec Избрант Идес. В пору его путешествия, то есть еще тогда, когда Петр за свое кораблестроение, а если точнее, за кораблеломание, не принялся, вот каких размеров суда хаживали по нашим рекам. Соль из Соликамска по Каме отправляют:

«...в громадных, специально для этой цели построенных ладьях или речных судах. Каждое из них берет от 800 до 1 000 ластов, т.е. от 100 тыс. до 120 тыс. пудов. Кроме того, на них имеются всякие строения: кухня, баня и другие, — да на каждом судне насчитывается от 700 до 800 рабочих [матросов — А.М.]» [339, гл. 1, с. 59].

Их размеры следует исчислять по неким таким «дощаникам», то есть невзрачным якобы неказистым суденышкам, которые возили товары, до уничтожения их все тем же Петром, по Сухоне и Северной Двине:

«Длина дощаника колебалась от 9 до 40, а иногда и более сажен» [340, с. 168].

То есть что-то порядка 85 метров (*а иногда и более*). И вот что писал о них француз Жан Соваж Дьеппский, в 1586 г. посетивший Архангельск:

«И поверьте, что я видел, в течение двух месяцев, которые мы пробыли, более двухсот пятидесяти больших габар, вышедших из реки, и все они были нагружены рожью, солью, кожами, воском, льном и другими товарами» [474, с. 231].

Однако ж не только по Сухоне и Двине ходили эти самые им упоминаемые русские грузовые суда «габары»:

«Item, надобно габарам, совершающим плавание по морю, возвращаться в конце августа, а в половине сентября последний срок, ибо море застывает, и все покрывается льдом...» (там же).

То есть у нас существовали в больших количествах какие-то грузовые суда, которые не только в Архангельск доставляли грузы из Вологды, но ходили и за моря. И привозили товары уже откуда-то оттуда, успевая вернуться домой до середины сентября.

А размерами своими они доходили, что выше озвучено, 85 м в длину. Мало того, их оснастка позволяла идти в том числе и против ветра. Потому как даже о наших самых больших в мире судах, бусах, сообщается, что:

«При помощи паруса при попутном ветре они могут двигаться против течения...»

---

⁴⁵ Голландский ласт равен 2 т.

Кстати, это движение наших кораблей против течения зафиксировали и арабские писатели, причем, еще раннего средневековья. Ибн ал-Асир:

«В этом, 332 [943/4], году отряд русов вышел к морю и направился в некоторые стороны Азербайджана. Сев на корабли в море, они поднялись по реке Курр — это большая река — и дошли до города Барда'и. И вышел к ним наиб Марзбана в Барда'е во главе многих дейлемитов и добровольцев... И они встретились с русами. И не прошло часа, как мусульмане обратились в бегство перед ними и все дейлемиты были перебиты. И погнались за ними русы до города, и убежали те, у кого были верховые животные, и покинули город, который заняли русы... И пришли мусульманские войска со всех сторон, и русы вступили с ними в сражение, но мусульмане не в силах были противостоять им» [441, кн. 8, с. 97].

И чтобы хоть приблизительно оценить количество перевезенных против течения Куры русскими кораблями морских пехотинцев раннего средневековья, следует взять из повествования ал-Асира и еще очередную фразу из рассматриваемого им военного противостояния:

«После того... собрал Марзбан ибн-Мухаммед людей, и предложил им выступить в поход. И дошло число собравшихся у него войск до тридцати тысяч, и выступил он во главе их, но не был в состоянии противостоять русам. Он сражался с ними по утрам и по вечерам, но всегда возвращался разбитым. Так продолжалось много дней [441, кн. 8, с. 98].

Вот такие вот массы морской пехоты, способные противостоять сухопутным войскам противника, пришедшим на выручку одного из крупнейших своих городов не только *со всех сторон*, но затем и еще усиленного новым собранным врагом воинством, уже тридцатитысячным, причем, судя по возможности ежедневно иметь поражения, пополняющегося все новыми ордами, способны были еще в 943–944 гг. перевозить наши корабли против течения даже не равнинных, но именно горных рек. То есть количества воинов, способного разбить сначала где-то 15-тысячное, затем 20-тысячное, а затем еще и 30-тысячное воинства врага, которое так все и продолжало быть ежедневно пополняемо. То есть общей сумме разбитых теми руссами врагов было что-то порядка сотни тысяч.

А поднимать наше столь победоносное и уж вовсе не маленькое числом воинство приходилось, повторимся, в акватории реки все-таки горной. В данном случае Куры — равнинной никем никогда не признанной.

Но вот в чем заключается особенность тех наших древних конструкций плавательных средств, позволяющих руссам тех еще очень отдаленных от нас времен держать в страхе даже такие весьма отдаленные от наших исконных земель области, как города Азербайджана, которые повторно покорять придет сюда всеизвестный нам Стенька Разин лишь через 700 лет после описываемых ал-Асиром событий. Причем, придет сюда, как внушает нам лжеистория, на каких-то весьма примитивных речных посудинах — челнах.

Мало того, вместо нас мореходами признаны арабы. И истории историков внушают нам, что именно они якобы всегда и являлись некими такими морскими путешественниками. Но все это ложь. Что следует лишь из продолжения нами начатого рассказа араба ал-Асира:

«Затем они (русы) выступили ночью из замка и понесли на своих спинах сколько пожелали денег и другого имущества, направились они к Курру и сели на свои корабли и ушли, и так как войска Марзбана не в силах были преследовать их и отнять что было с ними, они их оставили и бог очистил страну от них» [441, кн. 8, с. 99].

То есть властвовавшие в те времена в Азербайджане арабы, что на поверку нами обнаруживается, являлись варварами чисто сухопутными, не имеющими на Каспии для отпора неприятеля даже каких-либо самых жалких посудин, способных прийти на выручку не то что по первому зову, но и вообще когда-либо прийти. Потому-то и *были не в силах* противостоять белым людям, имеющим на своем вооружении сверхоружие настоящей цивилизации — морские корабли.

Правда, и через 700 лет после описываемых событий ватаге Стеньки Разина, пришедшей сюда на морских судах, противостоять было не чем — местные сардары так все еще и оставались в том примитивизме, в котором застал их ал-Асир в 944 году: они являлись варварами чисто сухопутными.

Вот еще пример. На этот раз уже на другом конце владения арабов — в Испании:

«Приходили из этого моря ('Укийанус, т. е. Океана или, по-другому, Окружающего моря — Атлантики) огромные корабли, которые жители Андалусии называли *каракир*, а это корабли большие, с четырехугольными парусами, которые могли обращаться и в переднюю сторону, и в заднюю. На них плавали ватаги людей под названием *ал-маджус*, народ сильный, доблестный и искусный в мореплавании» [444, с. 201].

И вот что это за народ за такой мореходный, в отличии и от здесь на Западе все таких же чисто сухопутных варваров арабов:

«*ал-маджус*, которых именуют *ар-рус*» (BGA. Т. VII. P. 354)» [443] (прим. 2 к с. 191).

И на своих гигантских этих кораблях они не просто на города мусульманские нападали, пытаясь вернуть обратно отвоеванные полчищами бусурман свои бывшие владения в Андалусии и Португалии, но именно оказывали им вооруженное противостояние. Которое они сквозь века помнят, о чем и сообщают в своих трактатах. Абу-л-Фида, например, пишет:

«В этом году (я имею в виду год 230 (844/45)) вышли *маджусы* из самых отдаленных областей Андалусии по морю к стране мусульман. Между ними и мусульманами произошло несколько сражений, в которых мусульмане потерпели поражение. Так что [*маджусы*] вошли в центр Севильи» [443, с. 197].

Вот как это постигшее мусульманский запад нашествие славян описывает арабский писатель X в. Ибн ал-Кутийя:

«...люди в испуге бежали в Кордову и соседние с ней округа. Вазиры вышли вместе с жителями Кордовы и соседних с ней округов, а население Пограничья (имеется в виду область, соседняя с Андалусией. — Т. К.) спаслось бегством, как только маджусы стали продвигаться, занимая первые же территории Запада и захватив равнину Лиссабона. А вазиры и те, кто были с ними, оставались в Кармоне и не могли поднять людей на борьбу из-за большой силы [врагов]» [447, с. 192].

Чего бы им испугаться, имея в своем распоряжении население Пиренейского полуострова, если бы к ним пожаловала сотня-другая разбойников на челнах типа а-ля-Стенька Разин, то есть типа джонок нашего «преобразователя»?

А «челнов» этих самых, наведших страх на нынешние Испанию вкупе с Португалией, было вот какое число. Ибн ал-'Изари (2-я половина XIII — начало XIV в.):

«Вторжение *маджусов* в Севилью в году 230 (844/45). Вышли *маджусы* на примерно 80 кораблях, как будто заволокли море черные птицы, так и наполнились сердца горем и скорбью. Высадились у Лиссабона, затем подошли к Кадису, к Сидонии, потом подступили к Севилье, заняли ее силой, истребляя и пленяя жителей» [445, с. 198].

И войну с этими несколькими десятками кораблей вело после этого целое государство, расположенное на нынешних землях Испании и Португалии. Причем, война велась с переменным успехом. Какова могла быть численность этого высадившегося в ту пору на берега Пиренеев русского десанта?

Ну, как минимум, прибывших сюда русов, пытающихся вернуть обратно отобранные у них территории славянских стран, Андалусии и Лузитании, должно было быть никак не менее 40–60 тысяч человек. В противном случае никакой войны им здесь организовать не удалось бы. Причем, случаи тревоги при нападении наших флотилий в Андалусии были явлением отнюдь не единичным. Абу-л-Касым ибн Хаукль (X в.):

«Иногда заходят в некоторые обитаемые [области] Андалуса корабли руссов... и всякий народ из [числа] славян и болгар и злобствуют в ее областях...» [448, с. 100].

И вот по какой причине «злобствуют». Абу-л-Касым ибн Хаукль (XII в.) поясняет враждебные действия мусульман против славян, в домусульманские времена

проживающих по всему белому континенту, который арабы именовали Ал-Рус. Собственно, мусульманство, подстрекаемое иудаизмом, и имело своей целью борьбу с белым населением Европы. О чем ибн Хаукль и сообщает:

«Часть их страны по длине берут в плен хорасанцы и смежные [народы], а северную часть полонят андалусийцы, со стороны Галисии, [страны] франков и Ломбардии» [449, с. 91].

И вот что эти нелюди делали с попавшими к ним в плен людьми:

«...кто прибывает в Андалусию, тех неподалеку кастрируют, и поступают так с ними торговцы-иудеи» (там же).

Ну кому такое понравится?

Именно по данной причине:

«Часто заходят в некоторые населенные [области] Андалусии корабли русов... и разного народа из [числа] славян и булгар, и злобствуют в ее областях» (там же).

То есть явление нападений наших флотилий на присвоивших земли славян мусульман Пиренейского полуострова, вместе с иудеями уродующих попавших к ним в лапы людей, представляло собою отнюдь не единичные случаи. И целью этих нападений был вовсе не грабеж, что пытаются нам доказать нынешние лжеисторики, но спасение наших братьев от тотального истребления иноверцами и инородцами. А потому корабли эти, которые столь шокировали мусульман своими размерами, никак не могли не быть нашими бусами, 800-стами годами позднее бороздящими просторы русских равнинных рек. В противном случае, если бы описываемые наши плавсредства были что-то типа а-ля-Стенька Разин — Пьетро и К°, ни о каких здесь войнах и разговору бы не было. Нескольким тысячам корсарам страх на население огромнейших и населеннейших областей Европы ну уж никак было бы не навести.

Стенька же, судя по чуть ранее проскочившему сообщению арабов о вторжении русов на берега Куры, ох как еще и не на приписываемых ему челнах сюда заявился. Потому-то и разнес здесь всех и вся включая, не имея привычки спрашивать на то дозволения у местных сардаров.

Но вот чем отличаются наши те еще древнего исполнения средства морского сообщения от сегодня общепризнанных якобы самыми передовыми и современными — европейскими. Вот что о наших кораблях на Волге повествует в своем рассказе Избрант Идес (1695 г.):

«Суда... построены без железных гвоздей или железа вообще, а только из дерева» [339, гл. 1, с. 59].

Но и плавательные средства Сухоны построены практически таким же образом. Свидетельствует англичанин Энтони Дженкинсон (1557 г.):

«Насады крепятся только деревянными гвоздями, а железа нисколько не употребляют» [417, с. 122].

А вот какие корабли бороздили наши северные морские и речные просторы:

«Кочами назывались в Сибири палубные судна с веслами и парусами, приспособленные для хождения по морю... деревянными были в них гвозди и другие судовые скрепления» [438, прим. 1 к с. 188].

Ими же пользовались для своих плаваний по студеным водам Северного Ледовитого океана и поморы.

А вот что сообщается о судах Новгородчины и Московии. Причем, Павел Алеппский (середина XVII в.) приводит и достаточно отличающуюся от всех иных конструкций подобного типа технологию их изготовления:

«Всего удивительнее вот что: как суда московитов все делаются совершенно без железных гвоздей, но целиком из дерева (сплоченного) деревом, так и в этой земле суда не сбиты деревянными гвоздями, а сшиты веревками из липовой коры, как шьют шелковые и иные одежды — искусство, поражающее ум изумлением» [387, гл. 4, с. 70].

Причем, имеется вариант использования для данных целей и коры сосны:

«В этих местностях растет сосна... из ее коры русские делают веревки для своих лодок толщиной с человеческую руку» [463, с. 239].

То есть секрет такого рода судостроительства, когда железо при сборке кораблей не использовалось вообще, искони являлся нашим. А потому ну никак не мог принадлежать каким-то варварам скандинавам, которые умение такого вот рода судостроительства, обнаружив сшитое исключительно из дерева судно у себя, совершенно, что выясняется, беспочвенно пытаются приписать своему «отечественному гению».

Но нам, разобрав лишь некоторые из сохранившихся известий о себе, становится понятным, что лишь мы и имели возможность эти наши лучшие во всем мире корабли, не потопляемые никакими бурями⁴⁶ доводить до столь и теперь шокирующих размеров. Мало того, их оснастка позволяла таким громадинам идти под парусом даже против мощного течения рек.

Иные же из них, применяемые для перевозки грузов, по тем временам являлись никем не превзойденными гигантами. Так что даже речные наши суда, что выясняется, и по свидетельствам даже иностранцев, нас и в грош обычно не ставящих, были в восемь раз большими, чем морские линейные корабли покорителей Америки.

Причем, эти гигантских размеров корабли у нас в наличии имелись со времен просто незапамятных:

«В Житии Георгия Амастридского, составленном между 825 и 842 гг., отмечено, что варварский народ *рос* напал на город Амастрида на малоазиатском побережье Черного моря, появившись от озера Пропонтида... Ранний поход росов на Константинополь был зафиксирован русским Житием Стефана Сурожского (XV в.), в основе которого лежал древний византийский источник, где рассказывалось, что в первой половине IX в. росами был совершен из Новгорода поход на город Сурож — византийскую Сугдею в Крыму» [446, с. 202].

Но и двадцатилетие спустя по каким-то от нас оставшимся в тени причинам Византию все так и продолжал тревожить русский ВМФ:

«... в 864 году 200 вооруженных судов русских были под Царьградом» [235, с. 56].

Так сколько же на каждом из них имелось славянских воинов, чтобы мировая держава тех времен переполошилась не на шутку?

Ну, как минимум, обязано было быть никак не менее чем по пятисот на судне — в противном случае мировой державе нечего было опасаться в этот злополучный для нее момент своего северного соседа, пришедшего его за что-то, оставшееся за кадром истории, сурово наказать. Кстати, указанная голштинцем команда в 800 человек аккурат и подходит для нашего могучего корабля, имеющего, что и понятно без каких-либо дополнений, вовсе не одну единственную мачту, что к сегодняшнему дню лжеисториками нам усиленно вдолблено в голову, но, как и положено, три. Мало того, чтобы подниматься против течения могучей реки Волги, ну уж никак не могли не иметь и всю соответствующую для такового движения оснастку.

О чем и сообщает в своих мемуарах о России тех лет шотландский врач Джон Белл:

«Из Астрахани отправились мы 5 числа августа, на пяти судах, из которых три были плоскодонные, и груза имели сто пятьдесят бочек, **каждое о трех мачтах** и о десяти пушках; прочие два судна были простые барки» [348, с. 157].

То есть вовсе не одну, как нам сегодня внушают, но, как и положено для серьезного корабля, три мачты имели эти наши гигантские суда, продукт русского инженерного гения, уничтоженные затем Петром. И, что и без слов понятно, лишь такую усовершенствованную оснастку, которая единственная и могла позволить управлять таким могучим кораблем. Суда же эти ходили по Каспию, о чем еще в 1657 году упоминает итальянец Вимена да Ченедда. Он писал, что Алексей Михайлович:

---

⁴⁶ Они прогибаются, что обнаружили изготовившие сегодня такое судно шведы, при воздействии на них волн.

«...содержит на Каспийском море некоторое число судов для доставления товаров в Персию из Астраханского порта» [436, с. 432].

Судами же этими и были гигантских размеров морские бусы:

«От города Астрахани плавают на русских бусах...» [458, с. 70].

Причем, в сам порт они, по причине мелководья, не входили, но стояли на рейде. Вот как описывает механизм их загрузки товарами русский купец Федор Афанасьевич Котов в 1623 г. предпринявший путешествие в Персию. Слева от острова Четырех бугров стоят:

«...бусы, которые не заходят в устье Волги и под Астрахань, а стоят в море и из устья едва видны. Товары же с бус в Астрахань и из Астрахани на бусы перевозят на судах (Сандалы (шандалы) — небольшие одномачтовые парусные суда) и повозках. Отсюда бусы плывут за море...» [458, с. 69].

То есть уже эти бусы, морские, судя по их глубокой осадке, были и еще большими, чем речные.

А потому и десанта такой корабль сможет загрузить на своем борту никак не менее пары-тройки тысяч человек. Потому-то варварский этот Цареград так сильно и перепугался, увидев наши 200 судов заполненных русскими воинами под завязку. Так что Константинополю было от чего перепугаться.

А сколько конкистадоров могла вместить самая большая из каравелл Колумба — сотню или полторы?

Так что и здесь огромность наших морских судов, и даже речных плоскодонных, в сравнении с их судами океанскими, — просто шокирует. Потому и в данном контексте нами выясняется более чем осязаемое опережение русским человеком всей этой заграничной по тоннажу имеющихся у нас в наличии плавсредств. О чем говорят и документы еще эпохи Федора Ивановича, сына Ивана Грозного:

«Июля 29-го Васильчиков, отправляясь на судах, именуемых бусами, с персидским послом... ехал к гилианскому пристанищу в город Лянгур...⁴⁷» [427, 1589 г., л. 21, с. 33].

Так что еще за сто лет до Петра у нас бытовали и морские бусы, бороздящие просторы Каспия.

И вот что это было за море. Ибн Хордадбех:

«Окружность этого моря 500 ф [арсахов] [Данные Ибн Хордадбега, представляющего Каспийское море (в данном отрывке это море называется Джурджанским) в виде круга диаметром 500 фарсахов, намного превосходит современные его измерения (300x1200 км) — прим. 147]» [428] (с. 125).

«1 фарсах = 3 милям = 6 км...» [428] (прим. 3 к с. 55).

То есть море это было и действительно гигантским — 3 000 км по периметру! Так что очень не зря оно частенько именуется Великим (см.: [353]). Потому и суда по нему никак не могли ходить великими же — под стать океанским. То есть строительство наших бусов имело традиции, уходящие в глубь веков. Море это обмелело до нынешнего уровня, судя по всему, где-то к XIII веку. Вода же туда перестала поступать со стороны переполняющегося многоводными в ту пору Амударьей и Сырдарьей Аральского моря лишь ко времени вступления на престол Петра.

Правда, здесь следует все же отметить, что период нашего отставания от заграничной в технических средствах все же был. И обязаны мы такому с нами происшествию ни кому иному, как самому Петру I — реформатору. Ведь именно он уничтожил наш торговый флот. А потому, после его смерти, пытаясь выстроить суда уже по-новому способу, то есть по заграничному, с применением гвоздей и всех именно у них имеющихся технических средств, вот какие неуклюжие корытины, вместо наших бусов, появляются на российских реках. Корберон (1776 г.):

---

⁴⁷ Сведения нашего автора о передвижении посольства Васильчикова подтверждаются документами, опубликованными в ЦГАДА и опубликованными П.П. Бушевым [426, с. 78–84].

«Пиктэ объехал и исследовал берега Волги, по которой ходят громадные барки, перевозящие соль, руды и проч. Эти барки снабжены многочисленным, потому дорого стоящим экипажем; но экипаж этот необходим, так как барки приходится часть пути тянуть канатом, что замедляет путь и увеличивает состав экипажа. Надо бы было, вдоль берегов реки, проложить дороги, идя по которым, барки могли бы тянуть быки или лошади. В то же время надо бы было расставить по берегам отряды войск, обезопасить перевозку от разбойников. Благодаря таким мерам товары стали бы дешевле... Но правительство не хочет обращать внимания на эти выгоды...» [407, с. 57].

То есть описанные барки являются вовсе не частными, но именно государственными. Государственный же карман, судя по описанному способу доставки грузов, во времена временщиков, был таким же безразмерным, как и во времена коммунистических ударных строек. Потому никто об удешевлении процесса доставки грузов заботиться в то время не желал.

Но как же так случилось, что еще полвека назад транспортируемая Строгановыми соль вдруг стала теперь всецело зависеть от поставки ее государством? Причем, с немалым для себя при этом убытком?

Так ведь переломали, судя по всему еще при Петре, наши гениальнейшие своими размерами и техническими усовершенствованиями бусы и на их место наклепали несуразные своими заграничными «усовершенствованиями» неуклюжие корытины, именуемые теперь барками. Заграница же при таком виде транспортировки строила вдоль рек дороги и по ним с помощью впряженных животных поднимала суда вверх по течению.

Здесь же, на Волге, это являлось технически неисполнимым, так как бандитские шайки, что русских казаков, что татар или башкирцев, такому подъему судов воспрепятствовали бы. Потому теперь, вместо чтоб идти против течения Волги на веслах и парусах, защищаясь от степных разбойников пушками и рекой, стали тянуть судно на собственном горбу. Причем, даже не на горбу бурлаков, но на горбу солдат, ежеминутно готовых бросить трос и взяться за ружье или пушку. От тех времен, судя по всему, и достался нам слух про некое такое бурлачество, хоть сам Корберон многочисленный экипаж судна бурлаками и не называет. И совершенно справедливо. Ведь они не только перетаскивали эти баржи через участки, где впрячь лошадей или быков, возможно, из-за болотистости почвы было бы не столь эффективно, но и были как в качестве вооруженных охранников судна, так и в качестве членов экипажа, поднимающих и опускающих паруса, или в качестве гребцов.

Понятно дело, как перешли эти перевозки из казенных в частные руки, так и пропал даже и сам запах такого вот рода бурлачества. Ведь уже во времена Пушкина упоминаний такого плана нет и в помине. Бурлаками же именуется исключительно погонщики впряженного в тягло скота.

Однако ж демократам второй половины XIX века, Горьким да Шаляпиным, воспевателям освобождения от неких цепей русского пролетариата, требовалось откуда-либо это бурлачество притащить и воспеть. Они, следует отдать им все же должное, его и откапали, благодаря Репиным и Некрасовым, и, благодаря революции в России, раздув из паршивой трехграммовой мухи в жирнющего многотонного слона, воспели. Причем, просто фантастическим образом: так удивляюще красиво, что мы, странным образом, поверили в ими изобретенную глупость, с самого раннего детства все продолжая впитывать в себя весь этот пропагандистский яд. И, в конце концов, все ж поверили, что Россия некогда была страной бурлаков.

А все было, что уже разобрали, много проще. Петр, просто-напросто, переломал наш торговый флот. А потому и появляются эти странные баржи, лишённые управления, которые даже конную тягу, ввиду инерции, некоторое время упрямо почему-то отвергают. Что и подхватывают затем Репины с Некрасовыми в качестве основного отличия от всех иных стран России, якобы искони серой, отсталой и неотесанной.

Но и наши древние торговые маршруты, что также следует отметить, были давно проложены и благоустроены, а потому их использование и обходилось так дешево.

Петр порешил повернуть реки вспять и создать из промышленно развитой мировой державы захолустный бантустан, вывозящий свое стратегическое сырье для нужд столь им обожаемой заграницы, превратив самую цивилизованную державу того времени в отсталую полуколонию — донора Европы. А потому и потребовалось в мертворожденный, с огромнейшим трудом сооруженный торговый путь, словно в бездонную бочку, вкладывать столько средств.

Но для чего он был задуман, тем и стал. Вот что по этому поводу сообщает митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев):

«Традиционная точка зрения современной исторической “науки” предполагает, что в XVII веке Московская Русь как общественный, государственный, культурный, политический и военный организм совершенно изжила себя, и лишь воцарение Петра I, царя-реформатора, вдохнуло в страну новую жизнь.

Симпатии историков к Петру и их неприязнь к Руси допетровской объясняется психологически просто: человек всегда приветствует то, что ему понятно, близко, и отвергает, недолюбливает то, чего понять он не в состоянии. Это даже не вина, а достойная всякой жалости беда современного массового сознания» [116, с. 225].

На самом же деле, что нами обнаруживается, все обстояло с точностью до наоборот внушенному пропагандой. Именно в допетровскую эпоху:

«...московский мужик судится судом присяжных, имеет гарантированную законом неприкосновенность личности и вообще относится к своему западноевропейскому собрату и современнику, как современный гражданин САСШ к современному Ди-Пи. Москва присоединяет Малороссию, добывает Польшу, отклоняет предложение о присоединении Грузии и слегка застревает на Амуре. Несколько позже Пушкин будет писать о бездне, над которой стояла Московская Русь. И еще позже Ключевский будет писать о несообразностях того государственного строя, при котором все это было достигнуто. И ни одного раза не задумается о полной несообразности всех своих построений... И если бы Ключевские признали *живую* систему Москвы, то они были бы вынуждены отбросить мертвую схоластику философии, а схоластика, и только она одна и кормила и поила их» [126, с. 351].

Между тем, имеется рациональное зерно на тему существовавшего некогда у нас порядка и у самого Ключевского:

«...какой порядок мог установиться в Русской Земле и мог ли держаться какой-либо порядок? Отвечая на этот вопрос, надобно строго различать порядок княжеских отношений и земский порядок на Руси. Последний поддерживался не одними князьями, даже не ими преимущественно, имел свои основы и опоры. Князья не установили на Руси своего государственного порядка и не могли установить его. Их не для того и звали, и они не для того пришли. Земля звала их для внешней обороны, нуждалась в их сабле, а не в учредительном уме. Земля жила своими местными порядками... Князья скользили поверх этого земского строя, без них строившегося, и их фамильные счета — не государственные отношения, а разверстка земского вознаграждения за их охранную службу. Давность службы могла внушать им идею власти, они могли воображать себя владетелями, государями земли, как старый чиновник иногда говорит: “Моя канцелярия”. Но это — воображение, а не право и не действительность» [164, с. 197–198].

Лучше всего это право Земли на самоуправление можно проследить по Великому Новгороду, меняющему своих князей как перчатки. За кадром же истории мы проглядели тот простой факт, что вече существовало не только у этого Господина, но и вообще у каждого города Древней Руси. Очень четко описывает Ключевский и сам принцип соединения Русских Земель в единое целое:

«Русская земля не делилась на части, совершенно обособленные друг от друга, не представляла кучи областей, соединенных только соседством. В ней действовали связи,

соединявшие эти связи в одно целое; только эти связи были не политические, а племенные, экономические, социальные и церковно-нравственные. Не было единства государственного, но завязывалось единство земское, народное» [164, с. 210].

«Л. Тихомиров так суммирует административное устройство земской Руси (том 2, с. 75):

“Воевода, как представитель царя, должен был смотреть решительно за всем: чтобы государство было цело, чтобы везде были сторожа, беречь накрепко, чтобы в городе и уезде не было разбоя, воровства и т.д. ... Воевода ведал вообще всеми отраслями ведения самого государя, но власть его не безусловна, и он ее практиковал совместно с представителями общественного самоуправления. Вторым лицом после воеводы является губной староста, ведавший дела уголовные... [...губные старосты избирались только из профессионально служилого элемента, но избирались всем населением, в том числе и крестьянским. Так рисуют положение дел Платонов, Ключевский, Беляев и другие — *И.С.*]... Затем следует земской староста — власть, выбранная городским и уездным населением. При нем состояли выборные от уездных крестьян, советники... У крестьян уездных, кроме общей с городом земской избы, были и свои власти. Крестьяне выбирали своих общинных старост, «посыльщиков» (для сношения с воеводой и его приказными людьми), выбирали земского пристава «для государева дела и денежных сборов»... По грамотам Грозного, монастырские крестьяне избирали у себя приказчиков, старост, целовальников, сотских, пятидесятских, десятников... Всякие правители, назначаемые в города и волости, не могли судить дел без общественных представителей... Наконец, по всем вообще делам народ имел самое широкое право обращения к Государю”.

Соловьев пишет:

“Правительство не оставалось глухо к челобитьям. Просил какой-нибудь выборный мир своего чиновника, вместо коронного — правительство охотно соглашалось. Бьют челом, чтобы городского приказчика (по-нашему — коменданта) оставить и выбрать нового миром — государь велит выбрать”.

На ту же тему Ключевский пишет:

“Оба источника правительственных полномочий — общественный выбор и правительственный призыв по должности — тогда не противопоставались друг другу как враждебные начала, а служили вспомогательными средствами друг для друга. Когда правительство не знало, кого назначить на известное дело — оно требовало выбора и, наоборот, когда у общества не было кого выбрать, оно просило о назначении» [126, с. 336].

«Земская реформа была четвертым и последним моментом в переустройстве местного управления. Она состояла в попытке совсем отменить кормления [то есть представителей коронной власти — *И.С.*], заменив наместников и волостителей выборными общественными властями, поручив земским мирам не только уголовную полицию, но и все земское самоуправление вместе с гражданским судом...» [126, с. 340].

«Съезд с должности кормленщика, не умеющего ладить с управляемыми, был сигналом к вчинению запутанных исков о переборах и других обидах. Московские судьи не мирволили своей правительственной братии» [126, с. 335].

«По окончании кормления обыватели, потерпевшие от произвола управителей, могли обычным гражданским порядком жаловаться на действия кормленщика... обвиняемый правитель... являлся простым гражданским ответчиком, обязанным вознаградить своих бывших подвластных за причиненные им обиды... при этом кормленщик платил и судебные пени и протори... Истцы даже могли вызвать своего бывшего управителя на поединок...» [126, с. 335].

Вот как обрисовывает этот наш старинный обычай Михалон Литвин:

«...осужденному за взятки надлежит вступить в поединок с пострадавшей стороной, даже с плебеем» [270, с. 95].

«Это было приличие, охраняемое скандалом... судебная драка бывшего губернатора или его заместителя с наемным бойцом, выставленным людьми, которыми он недавно правил от имени верховной власти» [126, с. 335].

Вот и представьте себе: что бы осталось от петровских «птенцов», если бы после окончания первого же кормления их позволено было мутузить за воровство?!

Потому Петр в самую первую очередь и отменил «приличие, охраняемое скандалом». Ведь если начнут бить воров, то с кем же он останется?!

Потому Петр не только подчиненным на своих комиссаров жаловаться запретил, но и самим комиссарам пробовать взывать к совести друг друга путем вызова безчестных людей на поединок — трогать петровских воров даже дворянам ставилось под строжайший запрет:

«Ежели же биться начнут и в том бою убиты или ранены будут, то как живые, так и мертвые повешены будут» [16, с. 23].

Таков «прогресс» прослеживается в изменениях наших законов этим самым «реформатором».

Но и много раньше в стране городов бытовали отнюдь не пещерные порядки. Судебник 1550 г. не был особым нововведением. В нем лишь было оформлено то писаное и неписаное право, которое и до него являлось незыблемым уставом, входившим в моральный кодекс самоуправления Московской Руси.

Но теперь появились и иные источники, относящие наши своды законов к куда как более ранним эпохам. Например, новгородская берестяная грамота № 531 [152, с. 130–134].

А ее содержание говорит о том, что наши нормы гражданского судопроизводства, известные нам по памятникам XVI века, теперь следует перенести еще на двести пятьдесят лет ранее. И это не предел, чему явное подтверждение — постоянное отдаление сроков зарождения русской культуры все далее и далее вглубь веков.

«...специалист в области славяно-русской археологии, В.В. Седов, пишет: “Возникновение экономического неравенства на материалах исследованных археологами выявить невозможно... нет отчетливых следов имущественной дифференциации славянского общества и в могильных памятниках VI–VIII вв.” (Седов В.В. Восточные славяне в VI–VIII вв. М., С. 244)» [158] (с. 53).

Так что даже малейшего намека не то что на рабство, но и на весьма для Запада обыденное имущественное сословное разделение: среди славян не просматривается вообще ни в какие времена. Мы, как выясняется, имели такие законы, которые позволяли людям жить свободно еще в те времена, когда Запад жил не просто в варварстве, но в варварстве пещерном — первобытнообщинном с людоедскими порядочками и кровавыми и грязными обычаями, свойственными лишь самым примитивистским племенам каких-нибудь банановых островов.

И лишь у нас должны были бы учиться европейские страны не только много ранее, но и теперь. И буквально всему, в чем как не разбирались они ранее, так и в том, в чем никогда не разберутся и впредь.

Однако же, со времен петровской реформации, наша страна была отдана на растерзание узурпировавшей свободу русской мысли западнической теории, которая сфабриковала целый ряд лжеисторических понятий о нашем допетровском общественном строе. То есть отнюдь не без ведома Петра, а затем и его последователей, мы были так густо облеплены вылитой на нас иноземными историками грязью, что теперь уже к ней как бы и попривыкли, что ли. Карамзины и Ключевские эти понятия закрепили. А потому многие у нас привыкли считать эту чужую грязь своею собственною. И именно благодаря этому Европе удалось нам внушить некое над нами, де сирыми и убогими, свое эдакое культуртрегерское покровительство, что и позволило без зазрения какой-либо совести объявить нас исконно сельскохозяйственной страной, всегда способной сотрудничать с Западом лишь в качестве его сырьевого придатка.

Ну а мы, в свою очередь, словно безсловесное стадо, совершенно безвольно заглотили крючок с насаженным на него этим о нас их мнением. После чего река материальных ценностей, создаваемая усилиями русской энергии, потекла в одном направлении — на Запад. Течет она и сейчас: вот уже три века кряду.

Это было подмечено публицистом «Нового времени» О.М. Меньшиковым еще сотню лет назад:

«Московская Русь, как ее ни хаот у нас жидомасоны, сумела создать и здоровье тела, и здоровье духа народного. Петербург сумел его растлить... [69] (с. 152).

Вот маленький тому пример. Что при Петре финансами России заправлял хананей Шафиров нами уже выяснено. А вот кто ими заправлял в бироновщину. Фон Гравен:

«есть в Петербурге один придворный еврей (Hof Jude), который занимается вексельными делами. Он может держать при себе евреев сколько ему угодно, хотя им вообще возбранено жить в Петербурге⁴⁸» [410, с. 14].

Маркиз де ла Шетарди в своем донесении от 19 февраля 1740 г. сообщает в Париж следующее:

«Граф Остерман кажется товарищем герцога, но на деле это не так. Правда. Герцог советуется с ним, однако не доверяет ему... Он следует его советам только тогда, когда они одобрены евреем Липманом, придворным банкиром, человеком чрезвычайно хитрым... Этот еврей, единственный хранитель тайн герцога, его господина, присутствует обыкновенно при всех совещаниях с кем бы то ни было — одним словом, можно сказать, что Липман управляет империей» [410, с. 53].

Вот как поясняется издательством 1882 г. эта странная зависимость двора Анны Иоанновны от влияния хананеев, официально в стране русских в ту пору не то что к управлению страной русских, но и к временному проживанию здесь запрещенных:

«Есть современное известие сообщенное Германом в его *Gesch. des russ. Staates*, IV, 605, что корыстолюбие разбогатевшего на счет России придворного банкира из жидов Липмана, любимца герцога Бирона, возбуждало сильное недовольство между русскими» [410, с. 14].

Но и при низвержении самого Бирона, которого, ко всему прочему:

«...предупреждал... Липман с другим жидом по имени Биленбахом...» (там же) о готовящемся заговоре, никаких препятствий этому инородному влиянию на экономику страны поставлено не было:

«...опала Бирона не препятствовала Липману остаться обергофкомиссаром, потому что он верно показывал обо всех известных ему деньгах и прочих пожитках герцога⁴⁹» (там же).

То есть легко продал и Бирона. Что для этой хананейской народности — дело обыкновенное. Потому опале предан не был. Но продолжал оставаться в этом кровососном государстве в качестве комиссара, наблюдающего *за добрым порядком*.

«И действительно в С. Петербургских ведомостях за январь 1741 г., в опровержение неосновательных слухов об аресте Липмана, сообщено, что “обергофкомиссар г. Липман коммерцию свою продолжает и при всех публичных случаях у здешнего императорского двора бывает ...” (с. 31)» [410, с. 15].

То есть эти кровососы хананеи пили кровь из России, что нами лишь здесь в отдельно взятом фрагменте озвучено, во времена: Петра I, Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны и Елизаветы Петровны. Никакие смены правителей и правительниц этих вампиров от шеи Российской государственности и в самом своем зачатии устранять не собирались.

Вот по какой причине, два века спустя после нами обнаруженного засилия в России жидомасонства, публицист «Нового времени» О.М. Меньшиков замечает:

---

⁴⁸ *Reise in Russland*, 268, 72.

⁴⁹ *Genealogisch-Historische Nachrichten*, 1741, XXIV, 1093, 1094.

«Московская Русь... все-таки умела кормить себя досыта и не допускала того, чтобы кормить собой соседей, как это делает теперешняя Россия» [69] (с. 153).

А уж послереволюционная и постсовковая — и подавно! Что и позволяет, например, какой-нибудь чухонской Эстонии в один перестроечный миг превратиться в лидирующую мировую державу по продаже никогда в недрах ее не залежавших цветных металлов...

О г л а в л е н и е

И все-таки подкидыш.....	180
Трусость и жестокость.....	191
Гродно, Полтава и Прут.....	206
Война на море и за морем.....	219
Антирусская политика Петра.....	232
Город-монстр.....	238
Миф о бурлачестве.....	251
Кровеносные артерии державы.....	259
Реки вспять.....	286